

Страсти в Гареме

Георг
Борн

Новая царица
Гарема

Страсти в гареме

Георг Борн

Новая царица гарема

«Алгоритм»

2013

УДК 821.161.1
ББК 84

Борн Г. Ф.

Новая царица гарема / Г. Ф. Борн — «Алгоритм»,
2013 — (Страсти в гареме)

Действие романа происходит в Турции XIX века, когда шла ожесточенная борьба за власть между султаном и исламскими шейхами. На этом фоне разворачиваются захватывающие события, происходящие при дворе турецкого султана, где судьбы государств вершатся не только дипломатами, но и под влиянием прекрасных одалисок, «царствующих» в гареме. Перипетии судьбы красавицы-турчанки Реции и ее возлюбленного, мужественного воина Сади, будут держать вас в напряжении на протяжении всего повествования. Георг Борн – великий мастер исторического романа. Пришла пора открыть для себя автора, по праву получившего звание «немецкого Дюма»!

УДК 821.161.1

ББК 84

© Борн Г. Ф., 2013

© Алгоритм, 2013

Содержание

Книга I	6
I. Золотая маска	6
II. Реция, красавица турчанка	9
III. В развалинах у дервишей	12
IV. Сади и принцесса	16
V. Черная Сирра	19
VI. Лейб-гвардеец	22
VII. Празднество при турецком дворе	25
VIII. Султанша Валиде	29
IX. Таинственный защитник	33
X. Караван паломников в Мекку	37
XI. Ужасное поручение	40
XII. Яд ревности	44
XIII. Гадалка из Галаты	48
XIV. Три лейб-гвардейца	52
XV. Ангел и демон	56
XVI. Охота за депешей	60
XVII. Казнь	63
XVIII. Привидение во дворце	70
XIX. Рука покойницы	75
XX. В чертогах смерти	79
XXI. Летний праздник	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Георг Борн

Новая царица гарема

© Борн Г., 2013

© Брайнис М., перевод, 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Книга I

I. Золотая маска

В столице Турции Константинополе и над окружавшими его водами царствовал удушливый жар, какой обыкновенно бывает в это время года на всем Востоке. В полдень всякие занятия прекратились, и на улицах не было ни души, кроме бесчисленного множества голодных собак. С наступлением вечера движение снова началось, но жар не уменьшился. В воздухе ничто не шелохнулось, а небо начало мало-помалу покрываться темными тучами.

К берегу Босфора подъезжал на легкой лодке молодой лодочник, которых в Турции зовут каикджи. Это был красивый высокий юноша лет двадцати; его мускулистые руки легко управляли веслами, на голове была надета феска. Правильные черты его загорелого лица выражали добродушие, благородство и ум, он был необычайно привлекательным.

– Почему ты едешь сюда из Скутари, Сади? – спросил грек-лодочник, сидевший у самого берега в ожидании пассажира, чтобы возвратиться в Константинополь.

– Я отвозил одного франка в Долма-Бахче, – отвечал молодой турок.

– К ночи будет буря, и она разразится раньше, чем ты успеешь вернуться назад, – заметил грек.

– Да будет на то воля Аллаха! – прошептал Сади и оттолкнул лодку от берега.

Раньше, чем предсказывал грек, поднялся сильный ветер и море покрылось волнами. В несколько мгновений небо затянули густые тучи, так что сделалось темно, почти как ночью. Нимало не испугавшись, Сади продолжал грести, тогда как волны ежесекундно грозили затопить его маленькую лодку. Вдруг Сади услышал испуганный крик.

– Помогите! – громко пронеслось по воде.

Сади оглянулся кругом. Неподалеку он увидел большую лодку с павильоном из шелковой материи. Три или четыре гребца махали руками и кричали. У самого павильона стоял слуга и махал ярким платком. Сади разобрал слова: «Помогите! Лодка тонет! Сюда!» Затем ему послышалось слово «принцесса». Конечно, лодочник понял, что эта роскошная лодка должна была принадлежать какому-нибудь знатному турку, но прежде всего юноша подумал о том, что в ней кто-то подвергается опасности, и он одинаково поспешил бы на помощь, если бы опасности подвергался какой-нибудь бедняк.

Собрав все силы, Сади, отчаянно работая веслами, стал приближаться к лодке, которая, казалось, уже начала наполняться водой. В это время из павильона появилась знатная турчанка. Лицо ее было закрыто тонким белым покрывалом, так что его нельзя было разглядеть, тогда как она, напротив, могла отлично все видеть. Широкое верхнее платье скрывало формы ее тела от глаз любопытных. По ее жестам видно было, что опасность велика.

– Сюда, каикджи! – закричал слуга, по выговору грек. – Ее светлость принцесса в опасности, лодка тонет! Пошли как можно скорее с берега или из города лодку.

– Теперь уже поздно! – раздался из-под покрывала голос принцессы. – Вода заливает павильон! Лодочник должен отвезти меня в своей лодке в Скутари! Положи в лодку ковер!

Сади не успел взглянуть на принцессу, нечто другое привлекло его внимание и тут же вызвало ужас! Слуга-грек, к которому относились последние слова принцессы, окинул его таким взглядом, что у него на сердце похолодело. Никогда в жизни Сади не встречал человека, взгляд которого вызывал бы такой ужас. Но грек в ту же минуту бросился исполнять приказание своей гордой повелительницы, а Сади невольно схватился за святой талисман из Мекки, висевший у него на груди. Казалось, принцесса с удовольствием глядела на молодого лодочника, что могла делать под покрывалом совершенно незаметно.

По причине сильного ветра Сади с трудом удерживал свою лодку рядом с большой. В это время грек положил ковер на низкую скамейку; тогда принцесса оставила свою красивую лодку, быстро наполнявшуюся водой, и пересела в лодку Сади, взгляд которого невольно еще раз обратился на слугу-грека, но последний в это время наклонился и не глядел на Сади.

– Вези меня в Скутари, – приказала принцесса, усевшись на ковер, – но будь осторожен, каикджи. Если ты довезешь меня благополучно до берега, то я щедро награжу тебя, если же я подвергнусь опасности, то твоей голове не удержаться на плечах.

– Не бойся, принцесса Рошана, – отвечал спокойно Сади, знавший имя принцессы, – я доставлю тебя на берег невредимой.

Грек остался в большой лодке, чтобы отвести ее в безопасное место, к тому же в маленькую лодку Сади нельзя было никого больше посадить, не подвергнув жизнь принцессы опасности.

Сади бесстрашно начал борьбу со стихией. Гром уже гремел, и молнии прорезывали тучи. Волны поднимались все выше и выше, и маленькая лодка Сади казалась игрушкой среди грозных валов. Принцесса безбоязненно доверилась Сади. Она спокойно сидела на ковре и следила за каждым движением весел лодочника, красивое лицо которого сделалось еще привлекательнее в этой борьбе со стихией, которой он, казалось, пренебрегал. Принцесса с возрастающим изумлением глядела на Сади, бесстрашно твердой рукой управлявшего лодкой, которую ему скоро удалось вывести на спокойное место.

– Я не могу въехать в канал, который ведет к твоему дворцу, принцесса, – сказал Сади, когда лодка начала приближаться к берегу. – Прикажи, где ты хочешь выйти на берег.

– Там, где останавливаются пароходы из Смирны. Можешь ли ты причалить туда?

– Я исполню твое приказание.

– Как тебя зовут?

– Сади, сын Рамана.

– Кто был твой отец? – продолжала спрашивать принцесса.

– Он был муэдзином¹ в минарете султанши Валиде! Он умер пять лет тому назад, и я сделался перевозчиком.

– Ты не должен быть перевозчиком, Сади, хотя и умеешь отлично управлять лодкой. Тот, кто способен хладнокровно глядеть в лицо буре, тот может вынести всякую борьбу. Приходи ко мне во дворец, Сади, я хочу наградить тебя за то, что ты спас меня.

– Я сделал это не из-за награды, принцесса! Заплати мне обыкновенную плату за проезд, но не более! – отвечал Сади.

– Хорошо, но приходи за этой платой ко мне во дворец.

В это время лодка подошла к паровой пристани, у которой всегда стояли наемные экипажи. Начал накрапывать дождь, и гром гремел все громче и громче.

Твердой рукой Сади повернул свою лодку к берегу. В то время, как они подъезжали к пристани, произошло какое-то смятение.

– Что там такое? Где-то дерутся? – спросила принцесса перевозчика, приготовлявшего ей трап.

– Это правдоверные и арабы дерутся с франками. В дело пошли уже ножи и кинжалы, так что кавасы² ничего не могут сделать.

– Долой проклятых собак-христиан! Смерть им! – кричали несколько турецких матросов, и обе стороны пребывали в страшном раздражении.

Вдруг Сади прижал руки к груди и начал шептать какое-то изречение из Корана.

¹ *Муэдзин* – служитель мечети, криком с минарета призывающий мусульман к молитве.

² *Кавасы* – турецкие полицейские и сыщики.

– Что с тобой? – спросила принцесса, поднимавшаяся в это время по ступеням на пристань.

– Посмотри туда, принцесса! Золотая Маска!

Говоря это, Сади указал на появившуюся недалеко от них фигуру. Бледное лицо незнакомца было до половины закрыто золотой маской и с одной стороны казалось залитым кровью. Голова была повязана зеленым арабским платком.

Принцесса на мгновение остановилась.

– Да... это он, это Золотая Маска! – прошептала она наконец.

Между тем незнакомец направился прямо к сражающимся и оказался в центре битвы. Казалось, что ножи и кинжалы отскакивали от него. Матросы, арабы и франки, движимые ужасом, расступились и отхлынули назад. Незнакомец между тем не проронил ни слова, молча прошел он через отступающие ряды, точно его появления было достаточно, чтобы прекратить кровопролитную битву.

– Приведи мне карету! – приказала принцесса.

Сади сделал знак кучеру одной из карет, который сейчас же подъехал.

– Видишь ли ты в темноте эту фигуру? – спросила принцесса кучера.

– Это Золотая Маска, – отвечал дрожащим голосом кучер, испуганно оглядываясь вокруг.

– Поезжай за ним, я заплачу за это тысячу пиастров!

– Если бы ты обещала мне в десять раз больше, то и тогда я не согласился бы, – отвечал кучер.

– Я приказываю тебе! Я принцесса Рошана.

– Приказывай что хочешь, но не это, светлейшая принцесса; встреча с Золотой Маской приносит несчастье. Да к тому же это было бы бесполезно. Посмотри, он уже исчез!

Сади оглянулся кругом. Кучер был прав – Золотой Маски нигде более не было видно. Принцесса с досадой села в карету, простившись с Сади милостивым движением руки, затем карета покатилась.

II. Реция, красавица турчанка

Гроза, сопровождавшая появление Золотой Маски, так же скоро окончилась, как и началась.

Зайдя в кофейню узнать о результатах схватки, Сади пробыл там недолго и вскоре вернулся назад к своей лодке. Дело завязалось из-за двух венгерских девушек, которых один старый турок хотел отвести в предместье Галату для того, чтобы продать в гарем знатного турка. Обе девушки начали звать на помощь, тогда завязалась борьба, во время которой, при появлении Золотой Маски, девушкам удалось бежать и найти помощь у ближайшего консула. Турок, в гарем которого вели девушек, был Гамид-кади, один из высших государственных сановников, как говорили в кофейне.

Прежде чем идти домой, Сади зашел посмотреть еще раз, хорошо ли привязан его каик, и нашел в нем дорогой ковер принцессы, который грек-слуга положил в лодку.

– Теперь поздно, – прошептал Сади, складывая ковер, – но завтра утром я должен отнести его принцессе, а то она может подумать, что я хочу забрать ковер себе.

Оставив ковер в лодке, Сади отправился домой. Скоро он свернул на узкую грязную улицу со старыми деревянными полуразвалившимися домами. Узкие и мрачные улицы Скутари, где живут только турки и евреи, производят на иностранца крайне неприятное впечатление, и только изредка глаз отдыхает на роскошной мечети или зеленых группах деревьев, время от времени попадающихся между домами.

Ночь уже наступила, когда Сади попал на улицу Капу, где все уже стихло и было почти совсем темно, так как только изредка горели тусклые фонари. Там и сям встречал Сади возвращавшихся из кофейни турок, затем улица снова опустела. Вдруг, переходя через небольшую площадь перед мечетью, Сади услышал слабый крик, как будто стон умирающего. Он остановился, но, как ни вглядывался в темноту, ничего не мог различить.

– Красавица Реция, – раздался недалеко от Сади тихий шепот, – наконец-то я нашел тебя!

В ответ на эти слова снова раздался слабый крик испуга. Сади стал присматриваться внимательнее и понял, что тут, под покровом ночи, совершалось нечто ужасное. Но что же такое? Где была та, которая называлась Рецией? Где был человек, говоривший с нею? Тогда Сади взглянул по направлению ко входу в мечеть, около которой росло несколько высоких деревьев и висел фонарь. В тени одного из деревьев Сади заметил фигуру девушки-турчанки, которая стояла, дрожа всем телом, не будучи в состоянии ни бежать, ни даже позвать на помощь. Ей угрожал кто-то, кого Сади не мог рассмотреть, а только слышал голос.

Голова девушки была покрыта белым покрывалом, но оно спустилось с лица, выражавшего испуг, и Сади был поражен ее красотой. Большие голубые глаза с длинными черными ресницами выражали ужас голубки под завораживающим взглядом змеи. Черные роскошные волосы падали волнами из-под вуали. Маленький полуоткрытый рот с ярко-красными губами скрывал жемчужно-белые зубы.

В ту минуту как Сади, ошеломленный ее красотой, напрасно старался понять, в чем дело, к турчанке быстро подошел мужчина, до сих пор скрывавшийся в тени деревьев. Но почему девушка ждала того, как этот человек, очевидно ее враг, подойдет к ней, а не старалась спастись бегством, пока еще было время? Почему она не зовет на помощь? Сади сразу же нашел объяснение этой загадки. Человек, приближавшийся к красавице, был грек – слуга принцессы Рошаны, взгляд которого, упав случайно на Сади, наполнил ужасом его сердце.

Да, Сади не ошибался! Это был действительно грек, и взгляд его обладал завораживающей магией змеи. Девушка, встретившаяся с греком в этом уединенном месте, попала бы, не сопротивляясь, в его руки, если бы Сади случайно не проходил мимо.

С громким угрожающим криком поспешил Сади к мечети.

– Что тебе надо от нее, грек? – вскричал он, решительно подходя к дрожащей девушке.

Грек злобно оглянулся на неожиданного защитника. Турчанка упала на колени и с умоляющим видом протянула руки, прося Сади о помощи и защите.

– Ради Аллаха, – прошептала она, – заступись за меня.

Как змея, неожиданно пораженная опасностью, оставляет свою жертву, точно так же и грек, увидев Сади и, может быть, боясь, что он позовет кавасов, поспешно оставил девушку.

– Ты все-таки не уйдешь от меня, – прошептал он, уходя, стоявшей на коленях девушке, – ты должна быть и будешь моей!

Затем он неслышно скрылся за деревьями. Сади подошел к дрожащей девушке, которую он видел в первый раз и которая глядела на него глазами, полными слез.

– Кто ты, говори, чтобы я мог отвести тебя к твоему отцу, – сказал Сади ласковым голосом, протягивая девушке руку.

– У меня нет ни отца, ни матери, ни брата, – отвечала девушка печально.

– Значит, ты сирота? Как тебя зовут и где ты живешь?

– Меня зовут Реция, я была единственной дочерью мудрого Альманзора. Защити меня от грека! Он покушается на мою жизнь, и я думаю, что он же причина смерти моего дорогого брата Абдаллаха. Однажды утром его нашли мертвым на базаре, но убийца притащил его туда уже мертвым, чтобы скрыть следы. Мой несчастный отец поспешил туда и без памяти упал на труп своего единственного сына!

– Разве у твоего брата были враги, что он пал жертвой убийцы?

– Грек часто ходил около нашего дома, и, вероятно, брат завязал с ним ссору. Когда мы похоронили моего брата, нас снова постигло несчастье. Мой отец Альманзор должен был отправиться в путешествие, мне ни за что не хотелось отпускать его, потому что я боялась остаться одна в старом мрачном доме. Однако отец все-таки уехал за море и более не возвращался. Одни говорили, что он утонул, другие – что на него напали разбойники и убили.

– Бедная Реция! Сади, сын Рамана, принимает большое участие в твоём горе, – сказал молодой человек, взволнованный жалобами красавицы.

– Тогда я осталась одна, и грек начал преследовать меня, не давая мне покоя даже в моем собственном доме. Я позвала на помощь соседей, но один старый еврей сказал, что он знает грека, который доверенный слуга могущественной принцессы Рошаны и поэтому было бы опасно сделать ему что-либо неприятное. Тогда я заперлась и не выходила никуда, но Лаццаро, так зовут грека, нашел и тут дорогу, перебравшись через высокую каменную стену, окружавшую дом. Тогда я убежала в другой дом моего отца. Но сегодня вечером я встретила опять моего преследователя. Его взгляд сковал меня, так что я была не в состоянии сопротивляться.

– Не бойся ничего, я с тобой, бедняжка!

– Этот грек – мой злой дух! Я боюсь его и не могу никуда скрыться от него.

– Я провожу тебя до дома, в котором ты теперь живешь. Твоего брата убили, твой отец погиб, у тебя нет никого из близких – возьми меня в свои защитники.

– У тебя благородное сострадательное сердце! Я вижу, что ты желаешь мне добра. Благодарю тебя за твоё заступничество, но прошу тебя, оставь меня одну! Ты освободил меня из когтей ужасного Лаццаро, но теперь поступи так же благородно, не следуй за мной, чтобы соседи не могли осудить меня.

Только в эту минуту девушка вспомнила, что ее лицо открыто, и поспешно закрылась покрывалом.

– Я никогда не забуду лица, которое Аллах позволил мне увидеть сегодня, оно навсегда запечатлелось в моем сердце! – сказал молодой человек, протягивая руку девушке, все еще стоявшей на коленях. – Я исполню твою просьбу и оставлю тебя, но одного ты не можешь мне запретить, это – любить тебя!

– Иди, прошу тебя, иди, – дрожащим голосом прошептала девушка, затем она быстро исчезла за деревьями.

Сад молча глядел ей вслед. Он вдруг совершенно преобразился, он чувствовал, что любит и что Реция, сирота, дочь Альманзора, во что бы то ни стало должна принадлежать ему.

III. В развалинах у дервишей

Поздно вечером в этот же день по улице Капу в Скутари шел человек, направляясь к находящимся в конце улицы старым деревянным воротам. Этот человек был одет в темный кафтан, и на голове его был повязан по-арабски зеленый платок. Когда он подошел к фонарю, висевшему у ворот, то можно было увидеть, что верхняя часть его лица была закрыта блестящей золотой маской. Никто не заметил, как он вышел из ворот. За воротами была широкая дорога, вдоль которой росли каштаны и апельсиновые деревья, ведущая в любимый летний дворец султана. Незнакомец держался в тени деревьев. Ночь уже наступила, и на горизонте показалась луна.

Когда дорога начала подниматься в гору, таинственный незнакомец огляделся и свернул на маленькую проселочную дорогу, шедшую в сторону. Эта дорога шла сначала вверх, потом спускалась в долину, в которой громоздился какой-то хаос стен, полуразрушенных башен и столбов, среди которых поднимались вершины деревьев. Старые развалины, освещенные луной, представляли странное, волшебное и таинственное зрелище.

К этим-то развалинам и направился незнакомец в золотой маске, он пошел к той части их, которая густо заросла кустарником. Чем ближе он подходил, тем яснее доносился до него шум голосов. Казалось, этот шум был ему хорошо знаком, потому что он не обращал на него никакого внимания. Это молились дервиши.

Человек в золотой маске незаметно подошел к развалинам, скрываясь в тени деревьев. У самой земли, полускрытое кустами, виднелось низкое отверстие. Незнакомец наклонился и исчез в развалинах. Недалеко от этого места, на поросшем мхом обломке камня, сидел старый дервиш, турецкий монах, с длинной седой бородой. На шее у него висел целый ряд амулетов, с его губ машинально слетали слова: «Велик Аллах, и Магомет – его пророк».

В это время на дороге, ведущей из Константинополя, показалась карета и стала приближаться к развалинам. Старый дервиш встал и низко поклонился, когда дверца кареты открылась и из нее вышел знатный турок с красной феской на голове. На груди у него висело множество орденов. Он прошел мимо дервиша и вошел в широкие ворота в стене.

Почти около самого входа сидели, собравшись в кружок, около тридцати дервишей. В середине сидел шейх, настоятель этого монастыря, отбивавший так ногой, тогда как сидевшие вокруг громко вскрикивали, наклоняясь то вперед, то назад, то вправо, то влево, затем снова вскрикивали. Они не видели и не слышали ничего происходившего вокруг них, до такой степени были погружены в свое занятие. Знатный турок прошел мимо них и вошел в другое помещение, отделявшееся от первого полуразрушенной стеной, потолком же тут, как и в первом, служило звездное небо. В этой части дервиши хлестали друг друга по спине, рукам и ногам так сильно, что кровь лилась из ран ручьями. Тем не менее они были в таком экстазе, что не чувствовали ни малейшей боли. Освещенные неверным лунным светом, эти полунагие беснующиеся, покрытые кровоточащими ранами люди представляли такое странное зрелище, что всякий посторонний человек, неожиданно попавший в этот турецкий монастырь, подумал бы, что он очутился в аду.

Что касается приехавшего знатного турка, то он, казалось, был уже знаком с этим действием, потому что, не обращая на него никакого внимания, прошел через большой двор к старой башне, еще довольно хорошо сохранившейся. Перед входом в эту башню сидел молодой дервиш.

– Мансур-эфенди здесь? – обратился приезжий к дервишу.

– Направь свои шаги в зал Совета, мудрый и великий Мустафа-паша, ты найдешь там баба-Мансура, которого ты ищешь, в обществе Гамида-кади.

– Была ли здесь сегодня вечером принцесса Рошана?

– С того времени, как я здесь сижу, принцесса еще не появлялась, – отвечал молодой дервиш.

Мустафа-паша вошел в башню. Широкий коридор, в который он ступил, был слабо освещен висящей лампой. Из этой передней железная дверь вела в комнаты. Мустафа-паша, визирь, человек лет сорока, вошел в эту дверь. Она открылась перед ним как бы по какому-то таинственному знаку, и визирь вошел в большую круглую комнату, вдоль стен которой стояли низкие широкие диваны. Пол был покрыт коврами. Комнату освещали две свисающие с потолка лампы. Напротив дверей сидели на диване два турка, одетые в чалмы, широкие шаровары, подпоясанные богатыми поясами, короткие куртки и туфли с остроконечными носами. Что касается вошедшего, то он был одет в европейское платье: черный, доверху застегнутый сюртук и черные панталоны.

Одна только красная феска указывала на его турецкое происхождение.

Один из сидевших турок был уже стар, что подтверждала его длинная седая борода; он сидел неподвижно, не изменяя ни на минуту выражения своего серьезного лица и больших серых глаз. Это был Гамид-кади, верховный судья в Константинополе. Товарищ Гамида был моложе его. У него была черная борода, довольно короткая, худое, с резкими чертами лицо и подвижные черные глаза. Это был Мансур-эфенди, называемый дервишами также баба-Мансур, глава магометанского населения в Турции, первое духовное лицо, носящее титул шейх-уль-ислама, самое близкое лицо к султану.

Мустафа-паша подошел к сидящим, поклонился и сел рядом с ними. По знаку Мансура дервиш, стоявший у входной двери, вышел из зала Совета.

– Да благословит вас Аллах, – заговорил Мустафа-паша. – Я очень рад, что встречаю вас обоих вместе. Я привез одно весьма важное известие.

– Мы очень рады видеть верного последователя великого пророка, – отвечал баба-Мансур, шейх-уль-ислам. – В чем же состоит твоё известие?

– Я привез очень важное известие, – начал визирь. – Помните ли вы одного мудрого толкователя Корана по имени Альманзор и его сына Абдаллаха? Один странный случай напомнил мне о них. Я ехал домой из дворца султана, где был совет министров, как вдруг из норы в стене выползла маленькая змея и поползла как раз поперек моей дороги. Стоявший недалеко часовой хотел убить ее саблей, но я удержал его. Тогда змея поспешно бросилась на гревшуюся на солнце ящерицу и в одно мгновение утащила ее к себе в нору. Этот случай заставил меня задуматься. Я придаю большое значение снам и различным приметам, и чтобы объяснить себе этот случай, я отправился в Галату к одной известной снотолковательнице и гадалке, цыганке Кадидже, чтобы расспросить ее о случившемся со мною.

– И что же сказала цыганка? – спросил шейх-уль-ислам с легким выражением насмешки на лице, которую он напрасно старался скрыть.

– Не смейся над знаменитой гадалкой, мой образованный брат Мансур, – продолжал Мустафа-паша, – послушай сначала, что она мне сказала, не зная меня, так как я скрыл свое имя. В Скутари живет один старый толкователь Корана, происходящий из великого дома Аббасидов, сказала она, бойся его и его потомков! Через них будет поколеблен трон! Змея бросится на блестящую ящерицу – убей змею прежде, чем она достигнет цели.

– Так говорила цыганка?!

– Слушай дальше! Я позаботился сейчас же справиться, существует ли в Скутари такой толкователь Корана, и оказалось, что там действительно есть такой, что он зовется Альманзором и происходит из дома калифов Аббасидов!

Шейх-уль-ислам и Гамид-кади молчали.

– Но важнее всех других мне показалось то обстоятельство, что у этого старого Альманзора скрывался некогда принц Саладин и что старик, может быть, и теперь знает, где он, – прибавил шепотом визирь. – Это обстоятельство придало словам Кадиджи еще большую важность.

– Ты помнишь, что сказала тебе старуха цыганка? – обратился к Мустафе Гамид-кади. – Она сказала: убей змею прежде, чем она достигнет цели!

– Да, она это сказала!

– Змея уже уничтожена, брат мой, – вмешался Мансур-эфенди.

– Альманзор умер? – спросил Мустафа.

Мансур и Гамид молча кивнули в знак согласия.

– У него был сын Абдаллах.

– Его ты также не найдешь, – сказал Гамид-кади.

– Позвольте мне удивляться вашей мудрости и знанию, братья мои! – вскричал визирь, едва бывший в состоянии скрыть свое изумление. – Вы уже знаете то, что я хотел вам сообщить как важную новость.

– Несмотря на это, мы благодарим тебя от имени нашего общего святого дела за твое известие, – отвечал шейх-уль-ислам. – Всякая опасность теперь устранена, и тайна принца Саладина открыта. Альманзор, без сомнения, знал настоящее местопребывание принца, но он не изменил ему до своей смерти.

– Эту тайну хотят сохранить, – сказал Гамид, – и я думаю, что твой сотоварищ, Рашид-паша, не совсем чужд этому делу.

– Я приехал с тем, чтобы пожаловаться на него, – отвечал Мустафа, – я потерял к нему всякое доверие. Он не только наш враг, но и враг нашего общего дела! Рашид-паша хочет уменьшить права правоверных, он хочет стать нам поперек дороги.

– В таком случае он умрет как враг нашего великого пророка! – сказал шейх-уль-ислам тоном человека, могущество которого безгранично.

– Он погибнет, – прибавил Гамид-кади, слегка наклоняя голову.

В эту минуту в комнату вошел стороживший у дверей дервиш. Он сложил руки на груди, наклонил голову и произнес:

– Ее светлость принцесса Рошана подъезжает!

При этом известии Мустафа-паша поднялся со своего места.

– Мое дело окончено, – сказал он остающимся. – Да защитит вас Аллах!

– Да благословит тебя Аллах! – отвечали в один голос оба остающиеся.

Затем Мустафа-паша покинул зал Совета.

Несколько мгновений спустя молодой дервиш снова открыл дверь, и на пороге появилась принцесса Рошана, закрытая белым покрывалом. Дервиш затворил за нею дверь и снова удалился, принеся предварительно бархатную подушку для принцессы. Принцесса села, баба-Мансур и Гамид-кади низко поклонились ей.

– Нашему общему делу угрожает новая опасность, – начала принцесса Рошана. – Я поспешила сюда для того, чтобы передать важное известие, шейх-уль-ислам! Я должна сказать тебе, что твой опаснейший враг снова появился в Стамбуле.

Мансур-эфенди сохранил равнодушное, спокойное выражение лица, только блеск черных глаз указывал на его беспокойство.

– Про кого ты говоришь, светлейшая принцесса, – спросил он, – кто снова появился в Стамбуле?

– Я видела вчера вечером в Скутари Золотую Маску! – отвечала принцесса.

– Я подозревал это, когда ты сказала об опаснейшем нашем враге, принцесса, наши враги точно гидра: едва мы успеваем отсечь одну голову, как на ее месте вырастает сотня новых, – продолжал Мансур-эфенди мрачным тоном, – но мы узнаем тайну этой Золотой Маски, который преследует противные нам планы. Мы должны и сорвем наконец покрывало, за которым прячется наш враг.

Шейх-уль-ислам потянул зеленый шелковый шнурок, висевший недалеко от него. В ту же минуту в комнату вошел дервиш.

– Принеси бумагу и перо! – приказал шейх-уль-ислам.

Через мгновение дервиш принес в комнату маленький круглый стол, на котором лежали бумага, перья и чернильница, и, поставив стол перед Гамидом, снова ушел.

– Пиши, брат мой, – сказал шейх-уль-ислам кади. – «Всем хаджи, муллам, кади и кавасам повелевается схватить так называемую Золотую Маску, где бы он ни появился. Тот, кто не исполнит этого приказания или станет противодействовать его исполнению, тот будет отвечать за это своим имуществом и жизнью».

Гамид-кади подал бумагу для подписи великому муфтию, как многие звали шейх-уль-ислама. Затем поставил внизу свое собственное имя.

– Я надеюсь вместе с вами, – сказала принцесса, – что Золотая Маска будет теперь взята и тайна, окружающая его, уничтожена. Но вот что мне еще надо! Я хочу получить какое-нибудь место для одного молодого человека из народа, так как знаю, что вам нужны решительные и пылкие люди, а это именно такой человек.

– Твое желание, светлейшая принцесса, будет исполнено! Пришли сюда этого человека, он получит место, – отвечал шейх-уль-ислам. – Гамид-кади и я благодарим тебя за новое доказательство твоего доверия и расположения к нам. Смею тебя спросить, имела ли ты разговор с султаншей Валиде?

– Да, но он был совершенно безуспешен. Надо надеяться, что следующий раз будет удачнее. Султанша Валиде разрушила все мои старания выпытать у нее, знает ли она, где находится принц Саладин, но я надеюсь узнать другим путем и гораздо скорее, жив ли принц, и если жив, то где он.

В эту минуту в комнату вбежал с выражением ужаса на лице дервиш-привратник. Мансур с удивлением и досадой взглянул на помешавшего, но дервиш поспешно подошел к нему и прошептал на ухо несколько слов, которые произвели на шейх-уль-ислама сильное впечатление.

– Золотая Маска в развалинах! – вскричал он поднимаясь. – Кто видел его?

– Сулейман, караульный. Он видел его как раз около этой башни.

– Это плод его фантазии! – воскликнула принцесса, также поднимаясь.

– Махмуд-шейх также узнал его! – подтвердил бледный от страха дервиш.

– Здесь, в развалинах! Он осмелился проникнуть даже сюда; пусть его найдут сейчас же и приведут сюда, чтобы окончить наконец эту комедию! – приказал шейх-уль-ислам. – Сторожите все выходы! Он не уйдет от нас, если только Махмуд-шейх и Сулейман не были игрушкой воображения! Я сам буду искать его и схвачу именем закона! Это известие крайне радует меня, и ты, принцесса, будешь свидетельницей так долго ожидаемого события. Золотой Маске не удастся безнаказанно осквернить своим присутствием это святое место.

– Желаю тебе успеха, – прошептала принцесса, оставаясь в комнате вдвоем с Гамидом-кади, – желаю тебе победы, мудрый шейх-уль-ислам! Я подожду здесь результата твоего предприятия.

IV. Сади и принцесса

Когда Сади проснулся на другой день после ночи, в которую он в первый раз встретился с красавицей Рецией, образ ее все еще был у него перед глазами. Он отчетливо вспомнил все произошедшее накануне, и ему показалось, что порок и добродетель воплотились в лице грека Лаццаро и красавицы Реции. Бедняжка Реция была круглой сиротой, одинокой в целом мире, не имевшей ни единой души, которая была бы к ней привязана.

– Но, – говорил себе Сади, – она должна была почувствовать, что я полюбил ее, что я готов ее защищать и всем пожертвовать для нее!

Как гордо и в то же время мягко просила она его, чтобы он оставил ее одну! «Иди, – говорила она, – ты спас меня из рук ужасного Лаццаро, dokonчи же теперь свое благородное дело и не следуй за мною!» Сади не мог поступить иначе, как исполнить ее просьбу, и теперь не знал, где снова найти ее. А между тем он должен был найти ее во что бы то ни стало, и для того он будет искать ее день и ночь.

Вдруг Сади поспешно вскочил с постели. Он вспомнил про ковер принцессы. Его надо было отнести во дворец и сделать это непременно в это же утро!

Сади поспешно оделся, затем оставил маленький низкий деревянный дом своего отца, в котором жил один, и пошел в гавань.

Солнце только что начало подниматься из-за ясных вод Золотого Рога. По морю уже начали там и сям скользить легкие лодки, поддерживавшие сообщение между городом и лежащими по берегам деревнями. На самом берегу поднимались стены сераля, дворца султана, который со своими киосками, павильонами и садами занимает более полумили по берегу. Вдали виднелись купола мечетей и шпили стройных минаретов, украшенных полумесяцами. На берегу уже царил сильное оживление. Торговцы фруктами, цветами и овощами спешили с товарами на базар. Перевозчики мыли и чистили свои лодки. Сака³ с ведрами на плечах несли воду в город. Изредка появлялись носилки, в которых сидели знатные турчанки. Беспреданно встречались армянские, еврейские и французские купцы, чтобы начать свои занятия.

Сади нашел свою лодку на прежнем месте и, вскочив в нее, взял весла и стал грести к каналу, который вел ко дворцу принцессы Рошаны.

Этот довольно широкий канал был так стар, что камни, которыми была отделана набережная, совсем заросли мхом. Вода в канале никогда не нагревалась солнцем, так как росшие по обе стороны канала деревья совершенно закрывали его. Дворец, к которому вел этот канал и в котором жила принцесса Рошана, служил прежде местом жительства братьев султана, за которыми в этом дворце легко было наблюдать, так как в Турции на престол вступает не сын после отца, а старший принц из всех находящихся в живых потомков Османа, так что он может быть братом или племянником умершего султана. Поэтому султаны обыкновенно смотрели подозрительно на своих наследников, боясь их попыток вступить ранее положенного на престол. Но с некоторого времени принцам был отведен другой дворец, с которым мы также познакомимся в свое время, а принцесса Рошана заняла дворец в Скутари.

Подъехав к пристани, у которой покачивались лодки принцессы, Сади привязал свой каик и начал подниматься по ступеням лестницы, которая вела ко дворцу. Навстречу ему попался слуга и сердито запретил идти дальше. Сади хотел объяснить причину своего прихода, но подошедший к ним другой слуга не хотел ничего слышать, а угрожал схватить его и, связав, передать караульному, если только он осмелится сделать еще хоть шаг вперед. Сади только улыбнулся в ответ на эти угрозы, так как одним движением руки мог бы расправиться с пожилыми слугами, но именно их почтенный возраст не позволил ему употребить силу.

³ Сака – водовозы.

В это время одно неожиданное обстоятельство вывело Сади из его положения. Вероятно, принцесса из окна увидела происходившую сцену, потому что вдруг появился солдат-араб, один из тех, которые обыкновенно день и ночь караулили в передней дворца, и приказал слугам от имени принцессы сейчас же оставить в покое Сади. Те с удивлением расступились.

– Следуй за мной, каикджи! – обратился солдат к Сади и повел его во дворец по мраморной лестнице.

Грека нигде не было видно. Впрочем, Сади в эту минуту совершенно не думал о нем. Великолепие дворца заняло все его внимание и пробудило в нем мысль о том, как хорошо быть богатым и иметь возможность исполнять все свои желания. Мраморная лестница была устлана дорогими персидскими коврами, а комната, в которую черный солдат провел Сади, была вся обита зеленой шелковой материей. В золотой клетке сидел пестрый попугай. Окружавшая Сади роскошь хотя и восхищала его, но нисколько не смущала и не сделала неловким. Едва только дверь затворилась за арабом, как с противоположной стороны распахнулась портьера. Вошедшая в комнату прислужница пригласила Сади следовать за ней. Она привела его в большую комнату, в которой на мягких шелковых подушках сидела принцесса Рошана, окруженная прислужницами, ожидавшими ее приказаний. Принцесса, так же как и ее прислужницы, была под покрывалом.

– Ты хорошо сделал, что пришел, Сади, – сказала принцесса, когда он опустился перед нею на колени. – Я твоя должница!

– Я не для того пришел, чтобы напомнить тебе об этом, принцесса, а только затем, чтобы положить к твоим ногам ковер, который ты вчера вечером оставила в моем каике, – отвечал Сади и положил на пол ковер.

Одна из прислужниц сейчас же унесла его.

– Сколько тебе следует за вчерашнее путешествие? – спросила принцесса.

– Пять пиастров.

– Пусть будет так! Эсма, – обратилась принцесса к одной из служанок, – выдай перевозчику требуемые им деньги! Это за перевоз, Сади, хорошо, но не за спасение моей жизни. За это я оставляю за собой право вознаградить тебя по своему усмотрению. Я дорого ценю свою жизнь и поэтому так же высоко ценю я ее спасение. Скажи мне, чего ты желаешь, и, как бы ни было велико твоё желание, я исполню его. Говори, Сади!

– Ты очень добра, принцесса, но я не желаю ничего, что ты могла бы исполнить.

– Как, у тебя нет никакого желания? – с изумлением спросила принцесса. – Ты так счастлив и доволен, что на душе у тебя нет никакого неисполненного желания? Это большая редкость! Или, может быть, твои желания настолько велики, что ты считаешь их превышающими мою власть? Неужели тебе нравится быть всю жизнь перевозчиком? Неужели ты никогда не завидовал башибузукам, черкесам? Неужели твоё сердце никогда не билось сильнее при звуках военной музыки? Неужели при виде проезжающего мимо тебя аги тебе никогда не приходила в голову мысль надеть такую же блестящую форму? Неужели ты никогда не мечтал о славных военных подвигах, о том, как ты мог бы прославить свое имя и сделаться героем?..

– Да, да, принцесса! – вскричал Сади, и его красивые глаза ярко засверкали. – Ты возбуждаешь во мне мечты о славе!

– Ты не должен оставаться лодочником, Сади, – снова продолжала принцесса, увидев, что ее слова произвели сильное впечатление на красивого юношу. – Тебе суждено занять высокое положение в свете. В тебе кипит кровь героя! Замени весло дамасским клинком. Сбрось с себя красную куртку каикджи и надень военный мундир. Ты бесстрашно подвергал из-за меня опасности свою жизнь, посвяти же ее служению твоему отечеству, и я предсказываю тебе блестящую будущность!

– Я уже давно хотел быть солдатом, но Али-бей, к которому я обращался, не принял меня, так как не было места.

– Я сделаю тебя агой, капитаном моих телохранителей, и обещаю тебе в будущем почести и богатство; когда ты будешь офицером сераля, то моя воля даст тебе титулы и отличия.

– Остановись, принцесса! – вскричал Сади. – Я не хочу быть тебе обязанным за мое отличие. То, что ты мне обещаешь, я хочу заслужить сам. Я хочу быть обязанным только своим собственным заслугам!

– Ты горд, Сади, но твое требование еще более убеждает меня в том, что тебе предстоит великая будущность. Ты отказываешься от моего покровительства – хорошо! Ты будешь обязан своим успехам только самому себе, но ты должен согласиться на то, чтобы я дала тебе сначала возможность показать себя.

– Сделай меня солдатом, принцесса, и больше ничего!

– Завтра ты узнаешь мою волю, Сади, иди домой и жди; но ты должен иметь что-нибудь на память о своем подвиге, – сказала принцесса и, поднявшись с подушек, сняла с пальца кольцо с большим бриллиантом. – Возьми это кольцо в доказательство моей благодарности. Пусть оно напоминает тебе о принцессе Рошане и о том, что это кольцо обеспечит тебе во всякое время доступ ко мне.

– Ты слишком щедро наградила меня за ничтожную услугу, принцесса!

– Воспользуйся правом видеть меня, предоставляемым этим кольцом, – продолжала принцесса. – Я желаю видеть тебя время от времени и слышать, чего ты достиг. А теперь можешь идти!

Сказав это, она протянула Сади свою прелестную руку, украшенную дорогими кольцами, и подала ему кольцо. Сади опустился на колени и с жаром поцеловал протянутую руку. Принцесса благосклонно кивнула юноше и оставила со своими служанками комнату, в которой Сади еще продолжал стоять на коленях.

Сади поднялся на ноги; у дверей его ожидала та же самая прислужница, которая провела его в комнату; она отвела его обратно в переднюю и опустила за ним тяжелую портьеру. Когда Сади вышел на лестницу, то лицом к лицу столкнулся с греком Лаццаро, доверенным слугой принцессы. Казалось, что в эту минуту грек узнал в Сади того, кто ночью вырвал у него из рук его добычу, его жертву. Грек устремил на Сади взгляд, полный смертельной, непримиримой ненависти, но Сади прошел мимо к выходу, погруженный в мечты и надежды на будущее.

V. Черная Сирра

Поздно вечером в тот же самый день, когда незнакомец в золотой маске появился в развалинах у дервишей, в одном из домов Скутари у окна стояла бледная печальная девушка. Серебристый свет луны падал на вымощенный мраморными плитами двор и освещал девушку достаточно, чтобы мы могли узнать в ней красавицу Рецию. Совсем еще недавно она была так счастлива и беззаботна, а теперь! Отец ее, Альманзор, по словам людей, умер, и Реция даже не могла помолиться на его могиле, так как не знала, где она.

Реция была одна, оставлена всеми, потому что ее брат умер еще раньше, чем отец. Но, несмотря на горе, в этот вечер в сердце Реции мелькнула надежда. Аллах послал ей человека, благородное сердце которого она сразу поняла. Сади явился, чтобы спасти ее из когтей грека, и теперь образ красивого благородного юноши всюду преследовал ее. Любовь проникла в сердце Реции, и глаза ее, казалось, искали возлюбленного, а губы шептали его имя. Увидит ли она его снова? Станет ли он искать ее? Любит ли он ее так же, как она его?

Ночь уже наступила, а девушка все еще стояла у окна.

Дом находился в глубине двора, а двор отделяла от улицы высокая каменная стена. Везде было пусто и тихо.

Вдруг в тени домов послышался какой-то шорох. Невозможно было разобрать, что это такое двигалось и добралось до дома покойного отца Реции. Здесь это что-то остановилось. Вглядываясь пристальнее, трудно было решить, кто был остановившийся, так как он походил одинаково на человека и на животное; однако это неопределенное существо было одето в женское платье, а на голове его было покрывало.

Это существо добралось до ворот дома и стало в щель смотреть во двор. На дворе все было тихо. Странное создание некоторое время осматривало двор, затем неслышно скользнуло к стене, и тогда можно было ясно увидеть, что у этого существа две необыкновенно длинные руки, которыми оно ухватилось за решетку, тянувшуюся по верху стены. С необыкновенной силой маленькое чудовище повисло на руках и затем в одно мгновение было уже на стене. Никакая кошка не могла бы легче взобраться, чем это существо, похожее на черного карлика. Перелезши через стену, карлик, похожая на гнома, подняла голову на окна дома.

Реция уже не стояла более у окна. Маленький черный гном постоял с минуту, оглядываясь и с видимым удовольствием вдыхая чистый воздух полусада, полудвора, в середине которого бил фонтан, окруженный благоухающими цветами. Затем он поспешно прокрался к двери и тихонько постучал. Карлик глядела в окна, точно знала, что в них должен кто-нибудь показаться. Она постучала еще раз, громче, тогда в окне снова появилась прелестная головка Реции. Лицо ее выражало испуг и озабоченность: кто бы мог стучаться к ней ночью?

– Реция! – раздался тихий голос. – Открой дверь, Реция, это я, Сирра!

– Ты? Ночью? – с удивлением спросила Реция. – Откуда ты, бедняжка? И как ты могла попасть во двор?

Стоящая во дворе показала на стену.

– Я перелезла через стену, – сказала она, – я должна была видеть тебя, Реция! Сойди скорее вниз и открой дверь, мне надо передать тебе нечто важное.

Голос говорившей звучал нежно и приятно, хотя в нем в то же время сквозил ужас.

Реция сошла и открыла дверь. Она несла в руках маленькую лампу, свет которой, упав на лицо пришедшей, осветил некрасивое лицо девушки. Реция взяла пришедшую за руку и ввела ее в дом, после чего двери за ними затворились.

Сирра была ростом не выше четырех футов, спина ее была сильно сгорблена, и в то время как остальные части тела были очень малы и неразвиты, руки выросли чересчур длинными. Голова, с которой Сирра, войдя, сняла покрывало, была также очень велика, а лицо, хотя

девушке было всего четырнадцать лет, было так некрасиво, старо и темно от солнца, что прозвище Черная Сирра, или Черный Карлик, вполне шло к обладательнице его. Она с боязливой нежностью глядела на Рецию, которая обращалась с несчастной крайне ласково, так как знала, сколько бедняжка страдает от других.

– Ты так поздно пришла сюда из Галаты? – спросила Реция, предлагая Сирре сесть рядом с собою на подушки, но Сирра опустилась на ковер у ног красавицы, с восхищением глядя на нее.

– Я лучше сяду сюда и буду любоваться тобою.

– А знает ли мать Кадиджа, что ты ночью ушла сюда?

Сирра покачала головою.

– Нет, она этого не знает, – отвечала она. – Впрочем, она нисколько не стала бы огорчаться, что я подвергаюсь опасности, потому что когда я бываю больна, то она радуется, думая, что освободится от меня. Но она не должна знать, что я пошла к тебе. Она уже спала и не слышала, как я ушла. Я еще застала одного перевозчика, который согласился переправить меня. Я должна была видеть тебя, чтобы предупредить и защитить от несчастья.

– Защитить меня? Бедное дитя, – сказала Реция, глядя черные волосы сидевшей у ее ног девушки, – ты ради меня подвергала себя опасности! Что, если мать Кадиджа проснется? Она по-прежнему дурно обходится с тобой?

– Ах, да, – прошептала несчастная, опустив голову, – она не может меня видеть, а ведь я не виновата, что так нехороша собою, не правда ли, Реция? Ведь ты же всегда добра ко мне, а мать Кадиджа постоянно зовет меня бранными именами; если она зовет меня Сиррой, как другие, то только тогда, когда накурится опиума.

– Как ты собираешься снова возвратиться в Галату?

– Это я еще и сама не знаю, но не бойся, Сирра сумеет придумать, как это сделать. Если не найдется ничего лучше, то я сумею сама переплыть на лодке без гребца, это совсем не трудно. Но выслушай меня. Ты подвергаешься большой опасности! Я не могла раньше прийти к тебе.

– Твои испуганные глаза беспокоят меня!

Сирра всплеснула руками.

– Вчера вечером к нам в Галату приехал один знатный господин, – продолжала шепотом Сирра, – хотя я не знаю, кто именно, потому что он был закутан! Мать Кадиджа выгнала меня вон, чтобы он не увидел меня и, как она говорила, не испугался бы при виде меня, я же тихонько спряталась в темном коридоре рядом с комнатой, в которой мать Кадиджа принимала знатного незнакомца.

– Ты хотела подслушать, Сирра, это нехорошо!

– Если бы я не подслушала, то не могла бы защитить тебя. Я предчувствовала несчастье. Мать Кадиджа ненавидит вас, и ее ненависть ненасытна!

– Я не думала, чтобы Кадиджа до сих пор не могла забыть, что...

– Она вас всех смертельно ненавидит, – перебила Рецию Сирра, – она хочет вашей гибели и не может никак насытить своей жажды мщения. Ты еще не знаешь Кадиджу – она ужасна. Но слушай дальше. Я прижалась ухом к двери и стала слушать. Я отлично слышала, о чем они говорили между собой. Знатный господин приехал для того, чтобы спросить объяснения появления змеи, которая попалась ему на дороге. Мать Кадиджа, вероятно, узнала посетителя, так как сказала, что змея – это твой отец, Альманзор, и что змею надо уничтожить!

– Ты еще не знаешь, Сирра, какое я получила печальное известие, – со слезами в голосе сказала Реция. – Мне сообщили, что мой отец, Альманзор, не возвратится.

– Не возвратится? Что же такое случилось?

– Он умер!

– О, какое горе! Какое несчастье! – вскричала Сирра, обнимая колени Реции. – Твой брат, Абдаллах, тоже умер. Но для матери Кадиджи этого мало, она не успокоится до тех пор, пока не уничтожит всех. Ты еще жива, она и тебя хочет погубить, Реция, и до тех пор не успокоится, поверь мне, пока не погубит и тебя. Беги, прошу тебя, – продолжала Сирра, с умоляющим видом протягивая руки, – беги, а не то мне придется тебя оплакивать. Я пришла затем, чтобы сказать тебе все это. Беги, а не то ты погибла!

В то время как Сирра говорила эти слова, ее верхнее широкое платье распахнулось и обнажило ее сильные руки.

– Что у тебя такое на руках? – спросила Реция, так как все руки несчастной были покрыты багровыми рубцами, то же самое оказалось на шее и на плечах Сирры, когда Реция, против ее воли, стала осматривать их. – Что случилось с тобой, бедное дитя?

Сирра опустила глаза и не отвечала.

– Я знаю, в чем дело, и без твоего ответа, – продолжала Реция. – Ты молчишь и терпишь, но эти шрамы говорят за тебя.

– Ах, ты так добра, так добра, – прошептала со слезами Сирра, стараясь скрыть их принужденным смехом, – я люблю тебя от всего сердца. Ничто не могло удержать меня, когда я узнала, что ты в опасности. В прошедшую ночь я не могла уйти, потому что Кадиджа не доверяет мне и заперла все двери, но я притворилась, будто ничего не слышала и не видела. О, как длинен показался мне сегодняшний день, Реция! Наконец наступила ночь. Мать Кадиджа снова заперла все двери, но одно окно осталось открытым, а ты знаешь, как хорошо умею я лазать и прыгать, когда хочу. Я выпрыгнула из окна...

– Спешу же скорей домой, чтобы Кадиджа не заметила твоего отсутствия, – сказала Реция, которая в это время смазывала бальзамом раны Сирры.

– Я знаю еще нечто, – прошептала Сирра. – Я знаю еще одну тайну, но я умру, если выдам ее. Ах, Реция, милая Реция, я знаю ужасную вещь! Я скажу ее тебе, но только одной тебе, никому больше. А теперь беги со мною отсюда, беги, умоляю тебя, пока еще не поздно.

– Не беспокойся обо мне, Сирра. Благодарю тебя за новое доказательство твоей привязанности, но я теперь не боюсь за себя!

– Не полагайся на свою безопасность. Ты также будешь жертвою мести.

– Иди! Возвращайся домой и ложись тихонько в постель, чтобы Кадиджа не узнала о твоём отсутствии. Я же не боюсь за себя. Я встретила одного благородного юношу, который защитит меня и которому я доверяюсь полностью.

– В таком случае я спокойна! – вскричала с радостью Сирра, поспешно поднимаясь. – В таком случае ненависть Кадиджи не повредит тебе. Я предупредила тебя и теперь уйду. Не бойся за Сирру, мне никто ничего не сделает. Спокойной ночи, Реция!

Девушка выпустила Сирру из дома, и та скоро исчезла в ночной темноте.

VI. Лейб-гвардеец

Мы оставили развалины дервишей в то самое время, когда все бросились искать Золотую Маску, появившегося в развалинах.

Могущественный глава последователей пророка, шейх-уль-ислам Мансур-эфенди, сам явился среди падавших перед ним ниц дервишей, чтобы убедиться, действительно ли Золотая Маска показывался в развалинах. Дервиши в беспорядке кидались то туда, то сюда, пытаясь обнаружить таинственную личность, которую великий муфтий, могущественный баба-Мансур, назвал своим врагом.

Все поиски были напрасны. Золотой Маски нигде не было! Старый шейх бросался туда и сюда, всех расспрашивал – он сам видел фигуру Золотой Маски и отлично узнал его. Караульный клялся, что он также ясно видел таинственного незнакомца, но тот исчез, точно вдруг сделался невидимкой. Поиски продолжались до утра, и даже на следующий день видно было, как несколько дервишей обыскивают развалины, но все было напрасно.

Поздно вечером на другой день к старым развалинам подъехал всадник. Когда он подъехал, то можно было видеть, что это капиджи-баши⁴, принадлежащий к числу высших офицеров турецкой армии. Он был одет в темно-синий с серебряными шнурками сюртук и черные панталоны, на боку была сабля, за поясом кинжал и пистолеты. Подъехав к развалинам, он сошел с лошади и бросил поводья караулившему у входа старому дервишу, который приветствовал приехавшего в высокопарных выражениях. Магомет-бей, угрюмый, суровый, не обратил никакого внимания на старика и прямо пошел в развалины. Привратник низко поклонился начальнику капиджи-баши и ввел его в приемную. Вскоре дверь в зал Совета отворилась, и бей вошел в нее. Увидев сидящего на подушках шейх-уль-ислама, он бросился на колени. Мансур-эфенди был один.

– Ты приказал мне явиться, мудрый и великий баба-Мансур, – начал пришедший, – и твой верный слуга Магомет-бей поспешил исполнить твое приказание.

– Мне надо передать тебе важное приказание, Магомет-бей, – сказал Мансур-эфенди таким тоном, каким господин говорит со своими слугами. – Ты знаешь, что пятнадцатое рамадана очень близко, это день, когда султан, сопровождаемый мной, торжественно отправляется в мечеть, где хранится плащ нашего пророка. Для тебя, которого я сделал начальником капиджи-баши, этот день также большой праздник.

– Я всем обязан тебе, и мой полк тебе же обязан своим значением, мудрый баба-Мансур, – вскричал начальник стражи сераля. – Приказывай твоему слуге Магомет-бею, я, не колеблясь, исполню все! Окажи мне милость, дав случай доказать тебе мою преданность. Я горю желанием укрепить твою власть!

– Пятнадцатого рамадана ты будешь иметь случай снова доказать мне твою верность, Магомет-бей, – отвечал шейх-уль-ислам. – Рашид-паша, который будет в серале пятнадцатого рамадана, не должен выйти из дворца живым, он стал врагом Корана и сделался опасен и вреден для дела нашего святого пророка, поэтому смерть отступника неизбежна!

– Твое приказание будет исполнено, могущественный и мудрый баба-Мансур.

В эту минуту в комнату вошел молодой привратник и низко поклонился.

– Что тебе надо? – спросил шейх-уль-ислам.

– Пришел посланный от принцессы Рошаны по имени Сади, который принес письмо и требует личной встречи с Мансуром-эфенди, – сказал дервиш.

⁴ *Капиджи-баши* – дворцовая стража, обязанная день и ночь охранять священный плащ Магомета.

– Принцесса очень рекомендовала мне этого юношу, – сказал шейх-уль-ислам, обращаясь к Магомет-бею. – Я решил поместить его под твое начальство, в дворцовую гвардию, я очень рад, что он пришел именно теперь, когда ты здесь. Посмотри на нового лейб-гвардейца!

Затем, обращаясь к дервишу, он приказал ввести Сади. Дервиш поклонился и вышел, чтобы привести терпеливо ожидавшего молодого человека.

Сади вошел в зал Совета и увидел Магомет-бея, в котором по мундиру узнал офицера, лежащего у ног сидевшего на подушках сановника. В первую минуту Сади не знал, что ему делать, но затем подошел к пристально глядевшему на него Мансуру-эфенди, опустился на колени и подал ему письмо принцессы Рошаны. Казалось, что красивый стройный юноша понравился шейх-уль-исламу. Мансур взял письмо, распечатал и стал читать.

– Тебя очень хорошо рекомендуют в этом письме, Сади, – сказал он, – говорят, что ты благоразумен, решителен и верен, а это величайшие достоинства мужчины. Ты желаешь служить под знаменем великого пророка? Я исполню твое желание, ты поступишь в полк, который охраняет не только священную мечеть в султанском дворце, но также и внутренние покои султана.

– Ты хочешь сделать меня лейб-гвардейцем, мудрый Мансур-эфенди? – вскричал Сади.

– В императорскую гвардию назначаются только за особые отличия, потому что принадлежать к числу капиджи-баши большая честь, и я надеюсь, что ты отплатишь усердием и преданностью за оказываемую тебе милость, чтобы мне не пришлось изгнать тебя. Я требую от тебя слепого повиновения и предупреждаю заранее, что всякое нарушение будет строго наказано.

– Благодарю тебя, великий и милостивый Мансур-эфенди! – вскричал с восторгом Сади. – Ты делаешь меня лейб-гвардейцем, положись на меня, я вечно буду благодарен тебе за эту милость.

– Магомет-бей, – обратился тогда шейх-уль-ислам к офицеру, разглядывавшему Сади, – возьми этого юношу в ряды твоих храбрецов и давай ему с завтрашнего дня такое же жалование, какое получают и все остальные. Пока он может сохранить свое имя, если же он отличится, тогда от меня будет зависеть, дать ли ему новое, более достойное. Я не сомневаюсь, что из него выйдет хороший солдат, который употребит все усилия, чтобы отличиться.

– Завтра утром ты получишь платье, – сказал начальник капиджи-баши, обращаясь к Сади, – вместе с тобой поступил ко мне сын одного знатного черкеса, Гассан.

– Завтра утром! Я горю желанием сейчас же начать службу! – вскричал Сади. – Дай мне случай отличиться, и ты увидишь, что я не дорожу жизнью!

– Иди и обратись завтра к Зора-бею, – приказал Магомет-бей, – случай, о котором ты говоришь, не заставит себя ждать.

Сади поклонился баба-Мансуру и начальнику капиджи, затем встал и оставил комнату, полный блестящих надежд.

Когда Сади вышел, шейх-уль-ислам снова обратился к Магомет-бею:

– Ты видел своего нового солдата, что ты о нем думаешь? – спросил он.

– Мне кажется, что он будет усердным слугою пророка, – отвечал Магомет-бей.

– Обещай произвести его в баши и вели ему и еще двум другим гвардейцам убить Рашида-пашу, когда он пятнадцатого рамадана будет уезжать из дворца, – приказал Мансур-эфенди. – Да смотри, чтобы приказание было исполнено без рассуждений, сейчас же покончи с ним, потому что тебе необходимы такие люди, которые бы слепо повиновались каждому приказанию.

– Ты знаешь, мудрый баба-Мансур, что я так и держу своих солдат, – отвечал начальник телохранителей.

– Ты знаешь теперь мою волю, исполни же ее в точности и молчи. Не забудь также назначить верных людей в телохранители ко дворцу султанши Валиде, – заключил шейх-уль-ислам. – А теперь иди, и да хранит тебя пророк.

VII. Празднество при турецком дворе

Наступило пятнадцатое рамадана, большой праздник у мусульман. Султан уже готовился к парадному шествию в мечеть сераля, в которой хранились пять мусульманских святынь. В полдень султан Абдул-Азис ожидал своих высших сановников и советников, которые в парадных мундирах должны были сопровождать его.

Опоясанный мечом Османа, составляющим украшение и необходимую принадлежность турецкого трона, султан сидел на подушках в обширной зале, в которой он обыкновенно принимал визирей и совещался с ними. Окна этой залы были плотно завешены для защиты от жгучих лучей солнца. Вокруг стояло множество маленьких и больших столов, но вообще обстановка нисколько не походила на то, что мы привыкли видеть в наших дворцах. Портьеры были подняты, так что видна была целая анфилада комнат и зал, в которых ходили адъютанты и прислуга.

Султан Абдул-Азис, человек сорока лет, цветущего здоровья, одевался обыкновенно по-европейски, так же, как и его визири, в черный, наглухо застегнутый сюртук, черные панталоны и красную феску; на шее висела звезда. Но в описываемый нами день султан был одет в турецкий костюм, чалму с драгоценными камнями и украшен всеми орденами. Рядом с ним стоял визирь Рашид-паша, в короткое время достигший больших почестей. Он был точно так же одет в чалму и широкие шаровары, подпоясанные драгоценным поясом.

Рашид-паша был красивым, еще довольно молодым человеком с живыми глазами и бледным лицом. Он почти не оставлял султана и, казалось, имел на него большое влияние. Он старался бороться против старых предрассудков, но, чтобы достичь своей цели, часто шел окольными путями, не останавливаясь ни перед чем, чтобы уничтожить тех, кто становился ему поперек дороги. Таким образом, между министрами султана образовались две партии, которые при всяком удобном случае старались вредить одна другой, в особенности же сильна была эта вражда между двумя визирями: Рашидом-пашой и Мустафой-пашой.

– Ты говорил, что это всем известная тайна, – обратился султан к Рашиду-паше, – что Мустафа-паша находится в близких отношениях с принцами и принцессами, но имеют ли эти связи какую-нибудь серьезную цель?

– Я не знаю этого, ваше величество, – уклончиво отвечал Рашид-паша.

– Когда мои министры начинают усиленно заниматься моими родственниками, то это всегда имеет какую-нибудь особенную цель, которая должна возбуждать недоверие, – мрачно заметил султан.

– Ваше величество, с вашей обычной мудростью вы проникнете в их планы, если такие действительно существуют, – продолжал Рашид-паша, тогда как в это же самое время в комнате появилась высокая фигура Мустафа-паши, который остановился на несколько мгновений, пристально глядя на стоявшего около султана Рашида, но не будучи замечен последним. – Мустафа-паша, без сомнения, глубоко предан престолу вашего величества, к тому же ваше величество имеет в Рашиде-паше верного и неустанного слугу и стража вашего спокойствия.

Казалось, что султану уже сильно надоели постоянные распри и подозрения среди его приближенных, по крайней мере, это можно было заключить по выражению его лица. Между тем Мустафа-паша услышал свое имя, и в его глазах сверкнула непримиримая ненависть, когда он взглянул на Рашида.

– Твоя судьба уже решена, – прошептал он, подходя между тем к султану с низким поклоном.

– Я пришел донести вашему величеству, что все уже приготовлено к церемонии и все сановники собрались в тронной зале! – сказал Мустафа.

Султан поднялся с подушек. По его утомленному лицу видно было, что предстоящее празднество для него тягостно. Сопровождаемый обоими министрами и целой толпой адъютантов в праздничной форме, султан прошел через длинную анфиладу комнат до тронной залы, которая была украшена золотом и отделана в мавританском стиле. Здесь султана ожидал шейх-уль-ислам в сопровождении большой свиты и остальные визири и другие сановники вместе с великим визирем, внешне маленьким и незначительным, но, в сущности, энергичным и умным Али-пашой, чтобы сопровождать своего повелителя в мечеть. Все были одеты по-турецки в соответствующие чину и званию костюмы. Это было многочисленное и блестящее собрание. Роскошные турецкие костюмы как бы напоминали о прежнем могуществе полумесяца.

Когда султан вошел в зал, шейх-уль-ислам подошел к нему и сказал, что священная мечеть, где хранится плащ пророка, ожидает его, после чего все шествие тронулось в путь.

Мансур-эфенди, окруженный своими муллами и кади, открывал шествие. За ними шел султан, над которым черные слуги несли балдахин. Вслед за султаном шли его адъютанты и Магомет-бей, начальник телохранителей султана. Затем следовали генералы в блестящих мундирах, принадлежавшие к свите султана. Великий визирь шел окруженный министрами и верховными советниками, а за ними тянулся длинный хвост дворцовых имамов и различных придворных чинов.

Мечеть серали находилась в восьмиугольном здании, которое вообще не пользовалось расположением султана, и он бывал тут только в торжественные дни. Любимым же его местопребыванием, как мы увидим впоследствии, был стоящий на берегу Босфора увеселительный дворец Беглербег.

При входе в священную мечеть на карауле стояли двое солдат султанской гвардии, двое капиджи-баши: Сади и поступивший вместе с ним Гассан.

Когда шествие приблизилось, они подняли сабли. Шейх-уль-ислам открыл двери священной мечети, и султан вместе со свитой вошел в нее. Ни один христианин никогда не проникал в эту мечеть, и даже не все правоверные мусульмане могли входить в нее, строго охраняемую день и ночь.

По случаю праздника были выставлены священные предметы: священное знамя – санджак-шериф, плащ Магомета, борода пророка, которая после его смерти была сбрита его любимым цирюльником Селиманом, потом один из четырех зубов Магомета, которые были выбиты в ужасной битве при Бедре, когда на стороне Магомета сражался архангел Гавриил во главе трех тысяч других небесных воинов, и, наконец, отпечаток ступни пророка на четырехугольном известковом камне. Эти священные предметы хранились в серебряной с драгоценными камнями шкатулке. Она стояла как раз посередине мечети на возвышении, покрытом богатыми украшениями. Над возвышением висели золотые лампы и страусиные яйца. Около открытой шкатулки стояли два массивных серебряных подсвечника. Пол мечети был покрыт дорогими коврами. Внутри свет от лампы боролся с дневным светом, проникавшим в окна купола.

В нише, с противоположной стороны, стоял диван для султана. Входная дверь была закрыта красной материей, покрытой высказываниями из Корана, вышитыми золотом. В эту минуту шейх-уль-ислам стоял у шкатулки со священными предметами и казался повелителем, глядевшим с нескрываемым удовольствием, как султан и его свита смиренно подходили к святыне и почтительно склонялись перед нею. Затем последовала общая молитва. Когда молитва была окончена, султан, утомленный празднеством, возвратился в нишу, чтобы несколько мгновений посидеть на диване. К нему поспешно подошел Рашид-паша с изменившимся лицом; казалось, он хотел сообщить нечто особенно важное, иначе он не осмелился бы беспокоить в такую минуту его величество.

– Ваше величество в опасности, – прошептал Рашид-паша, обращаясь к султану. – Возникло что-то вроде заговора, и я боюсь самого ужасного!

– Отчего ты пришел к этому убеждению? – спросил султан.

– Мне показалось, что караульные ненадежны. Ваше величество простит меня, если я зашел слишком далеко в своем усердии.

Это новое донесение Рашида-паши, казалось, очень неприятно подействовало на султана, и можно было заметить, что он обвинял не того, кто передал его. Он встал и, ни слова не ответив визирю, пошел вон из ниши.

В это мгновение Магомет-бей повернулся к стоявшему у дверей Сади, чтобы передать ему тайное приказание. Но неожиданное появление султана, казалось, помешало исполнению его намерения.

Султан вышел из мечети и, проходя мимо Сади, обернулся к нему.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Сади, ваше величество, – отвечал молодой лейб-гвардеец.

– Иди вперед и убей всякого, кто стал бы тебе поперек дороги! – приказал султан.

Сади пошел перед султаном, держа саблю наготове, визири последовали за ним, тогда как шейх-уль-ислам и его свита еще остались в мечети. Твердыми шагами шел вперед Сади, вполне сознавая всю важность своего положения и внимательно осматриваясь по сторонам, стараясь заметить малейшую опасность и готовясь защищать своего повелителя. Абдул-Азис с удовольствием глядел на молодого отважного солдата, с таким мужественным видом шедшего впереди. Увидев, что султан так быстро оставил мечеть, вся свита бросилась вслед за ним, торопясь догнать и присоединиться к шествию.

Саркастическая едва заметная улыбка мелькнула на губах шейх-уль-ислама, когда он взглядом провожал султана и его свиту. Затем он сделал таинственный знак Магомет-бею.

Султан дошел до своих покоев, не встретив ничего, что могло бы оправдать предостережение Рашида-паши, затем Абдул-Азис сейчас же вышел во внутренний двор сераля, решив отсюда отправиться на берег Босфора, и сел в ожидавшую его лодку, чтобы ехать в свой любимый дворец Беглербег. Сади дошел до берега. По знаку султана он вошел в лодку и стал на часах у входа в павильон для султана, решив пропустить врага повелителя только через свой труп.

Когда султан благополучно доехал до чудесного сада, окружавшего его любимый дворец, Сади также оставил лодку и, держа саблю наголо, снова пошел впереди султана, над которым слуги несли балдахин. Войдя во дворец, Сади упал на колени и опустил вниз острие сабли, так как султан подошел к нему.

– Жди здесь моих дальнейших приказаний! – сказал ему Абдул-Азис и начал подниматься по покрытой ковром лестнице.

Не прошло и четверти часа, как появился чиновник и потребовал того лейб-гвардейца, который провожал султана из сераля. Сади должен был сказать свое имя, тогда чиновник вписал его в бумагу, которую принес с собою, и дал ее Сади. Когда последний развернул свиток, то увидал, что это указ, назначающий его подпоручиком капиджи-баши...

В то время как в летнем дворце султана происходила эта сцена, наполнившая радостью сердце Сади, в серале, во дворе, при наступавшей вечерней темноте происходила другая, мрачная, сцена, какие, впрочем, не редкость в Константинополе, как мы сами убедимся в этом впоследствии. После окончания праздничной процессии визири собрались на совет и по окончании его оставили сераль, чтобы сесть в ожидавшие их экипажи и ехать в свои роскошные конаки, как называются в Турции богатые частные дома.

Один из последних визирей, оставлявших дворец, был Рашид-паша, который один шел через внутренний двор, так как его сотоварищи все более и более отдалялись от него. Когда Рашид-паша дошел до главного выхода, который состоял из павильона с восемью окнами над воротами, ему послышалось, что сзади чей-то голос позвал его по имени. Он обернулся, и ему показалось, что он видит сзади себя во дворе человека в разорванном кафтане с зеленым арабским платком на голове, под которым что-то блестело, как золото. Рашид-паша не обра-

тил внимания на это странное явление и вышел в ворота. В это же самое мгновение, прежде чем Рашид-паша успел дойти до своей кареты, на него бросились с обеих сторон двое капи-джи-баши. Ни малейшего крика, стога или шума борьбы не было слышно... Рашид-паша был убит.

Когда на следующий день султану донесли о неожиданной смерти Рашида-паши, то Абдул-Азис не выразил ни малейшего сожаления о кончине любимого визиря, напротив, казалось, что султан даже доволен, что так неожиданно освободился от него.

VIII. Султанша Валиде

Мать султана Абдул-Азиса султанша Валиде занимала часть сераля и пользовалась всяким случаем, чтобы приобрести влияние на дела и на своего сына. Она заботилась о том, чтобы султан постоянно находил новые для себя развлечения и наполняла его гарем красивыми наложницами. Она щедро раздавала придворным многочисленные подарки. Султанша преследовала в своей жизни две цели: властвовать над сыном и притеснять будущих наследников престола. Этим двум целям она жертвовала всем, и никакие средства не пугали ее, если дело касалось успеха ее планов.

Невольница по происхождению, она благодаря счастью и твердости характера достигла своего влиятельного положения. Отец Абдул-Азиса сделал ее своей законной женой, и тогда-то она решилась еще более усилить свое могущество. Когда султан, ее супруг, умер и на престол вступил его сын Абдул-Меджид, она сделалась султаншей-матерью, или, иначе, султаншей Валиде. Абдул-Меджид умер рано, и престол наследовал Абдул-Азис. Она осталась по-прежнему султаншей Валиде, только власть ее еще более увеличилась, и началось ее настоящее царствование.

Величественная наружность султанши Валиде не выдавала ни ее лет, ни ее происхождения, на которое указывала только ее любовь к ярким цветам и роскошным костюмам. У нее были резкие, почти мужские черты лица, и не только наружность, но также и голос выдавали силу ее характера и суровость, граничившую с жестокостью. У себя в покоях султанша Валиде постоянно ходила с открытым лицом, но тщательно закрывала голову, чтобы скрыть, что ее волосы совершенно поседели.

Через несколько дней после убийства Рашида-паши султанша сидела в своей любимой комнате, обитой малиновым бархатом, слушая рассказы горничных-надсмотрщиц о том, как принял султан приготовленные для него в гареме сюрпризы. Улыбка удовольствия появлялась на ее лице всякий раз, когда она слышала, что султан, ее сын, смеялся или вообще был доволен. Вечер уже наступил, и невольницы начали зажигать стенные лампы, закрытые матовыми шарами. Тогда в комнату вошла прислужница и доложила султанше, что пришла гадалка Кадиджа и ожидает ее в приемной, говоря, что у нее есть для султанши Валиде важное тайное известие.

Султанша Валиде хорошо знала гадалку из Галаты, которая не раз предсказывала ей будущее и еще ранее предсказала султанше, что она достигнет высшей степени могущества. Воспоминание об этом предсказании, а также убеждение, что гадалку можно использовать для чего угодно, заставили султаншу приблизить к себе старую цыганку. Это также была одна из черт ее характера – охотно заводить сношения с людьми низшего класса.

Султанша приказала ввести цыганку. Вскоре в комнату вошла женщина, удрученная старостью или болезнью, одетая в широкое красное платье, закрытая серым покрывалом. На ногах у нее было нечто вроде сандалий, а в руках была палка, на которую цыганка опиралась. Она вошла так уверенно, что видно было: она не в первый раз в серале. Цыганка откинула назад старое покрывало и открыла лицо, на котором, несмотря на морщины, еще видны были следы редкой красоты.

Кадиджа опустила на колени перед султаншей и склонила голову почти до самого ковра.

– Встань, Кадиджа, – приказала султанша, – и скажи, что привело тебя сюда.

– Одно важное, страшно важное известие, могущественная султанша! – вскричала Кадиджа. – Еще никогда я не приносила тебе такого важного известия! Оно так важно и требует такой тайны, что ни одно человеческое ухо, кроме твоего, не должно услышать моего известия. Вышли твоих женщин и окажи мне милость, выслушав меня наедине.

Султанша сделала знак прислужницам оставить комнату и отпустила также гаремных надсмотрщиц.

– Мы одни, Кадиджа, что ты хочешь мне сказать? – обратилась султанша Валиде к цыганке, которая продолжала стоять на коленях у входа. Цыганка поспешно встала и торопливо подошла к султанше. Подойдя к ней ближе, она снова опустилась на колени.

– Он найден! – вскричала она глухим голосом. – Я открыла, где он, могущественная султанша! Я передаю его в твои руки, и ты сможешь повелеть сделать с ним, что тебе будет угодно.

– О ком ты говоришь, Кадиджа? – спросила султанша Валиде.

– Твое желание справедливо и благоразумно, ты не хочешь, чтобы принцы твоего дома имели сыновей, – продолжала цыганка, – так было уже и прежде. Великий Осман требовал этого. Ты разыскиваешь убежище принца Саладина. Когда в последний раз ты спрашивала меня об этом, я не могла дать тебе никаких сведений! Теперь же я пришла сказать тебе, где он.

– Ты знаешь, где он скрывается?

– Эта тайна открыта с помощью моего искусства! Не сомневайся в моем могуществе, повелительница, я принесла тебе новое доказательство этого. Радуйся и благодари Аллаха и его пророка! Я принесла тебе известие, в каком месте можешь ты найти столь давно преследуемого и разыскиваемого тобой принца.

Это неожиданное известие, казалось, действительно произвело на султаншу Валиде большое впечатление, хотя она и не хотела показать этого.

– Говори, где это таинственное место, – приказала она, – до сих пор я никак не могла узнать это.

Старая цыганка сделала таинственную и значительную мину.

– Да, я знаю, – прошептала она, – тебе никак не удавалось найти маленького принца, потому что он хорошо спрятан! Никто бы не стал его искать там, где он живет! Но от старой Кадиджи ничто не скроется. Пройдя мечеть Рашида-паши, на правой стороне дороги можно увидеть уединенный дом, скрытый среди лимонных и апельсиновых деревьев, жасминов и пальм от нескромных взглядов. В этом доме живет старый слуга покойного султана и вместе с ним маленький принц. Сад так велик, что принц может ездить в нем верхом и играть, не будучи замечен с улицы.

– И ты точно знаешь, что этот ребенок – принц Саладин? – спросила султанша Валиде.

– Не сомневайся, повелительница, я отвечаю жизнью, что это принц. Я передаю его в твою власть. Пусть над ним исполнится закон твоего дома, ведь всем сыновьям принцев угрожает смерть! Покрывало сорвано с тайны, и Кадиджа снова доказала тебе свою верность и преданность.

– Как зовут этого слугу моего покойного сына?

– Его зовут Корасанди, он араб по происхождению!

– Как могла узнать ты эту тайну? – спросила султанша. Гадалка засмеялась.

– Радуйся, повелительница, что я нашла тебе маленького принца.

– Я хочу знать, как открыла ты место!

– Ты приказываешь, и Кадиджа повинуется! У меня есть дитя, дочь, по прозвищу Сирра; она умна и хитра, как шакал! Ты помнишь, что прежде маленький принц жил у старого Альманзора в Скутари, я караулила его дочь последние дни, и она отправилась вместе с Сиррой к названному мною дому, потому что они знали, где принц. Я пошла следом за ними и нашла наконец объяснение тайны, затем поспешила сюда, чтобы передать тебе то, что сама узнала.

Султанша Валиде встала и подошла к письменному столу, стоявшему в этой комнате. Открыв один из ящиков, она вынула кожаный кошелек с золотом и бросила его цыганке.

– Вот тебе плата за твое известие, – гордо сказала султанша. – Заметил ли тебя кто-нибудь при выходе из дома?

– Нет, повелительница, меня никто не видел, – отвечала Кадиджа, целуя конец платья султанши. – Благодарю тебя за великодушный подарок. У твоей рабы Кадиджи только и есть одно желание – быть достойной твоих милостей.

Султанша поспешно вышла из комнаты и приказала своей верной прислужнице, чтобы цыганку задержали еще на некоторое время и накормили и напоили. Затем приказала позвать офицера, бывшего в этот день дежурным по караулу во дворце.

Через несколько мгновений в комнату вошел Зора-бей. Он почтительно поклонился султанше, которая опустила покрывало на лицо. Молодой офицер знал могущество стоявшей перед ним величественной женщины. Он знал, что ее приказания также важны, как приказания султана.

Несколько мгновений султанша пристально глядела на молодого офицера. Зора-бей, не мигнув, выдержал этот взгляд.

– Твое имя? – спросила султанша.

– Зора-бей, ваше величество.

– Как давно ты служишь?

– Уже год.

– За что ты получил звание бея?

– За поездку курьером в Каир.

Султанша помолчала с минуту. Казалось, она думала о том, можно ли довериться этому молодому офицеру и дать ему важное поручение.

– Знаешь ли ты мечеть Рашида в предместье? – спросила она наконец.

– Не знаю, но найду ее, ваше величество!

– Позади этой мечети, по правой стороне дороги, стоит скрытый за деревьями дом Корасанди, бывшего слуги султана. Передай ему приказание прийти сюда, если застанешь его дома. Если же его нет, то войди в дом и найди там восьмилетнего мальчика. Корасанди скрывает его в своем доме. Возьми этого ребенка и без шума приведи сюда, я сама решу его дальнейшую судьбу.

Зора-бей поклонился в знак того, что исполнит приказание.

– Если же ты в течение ночи не приведешь сюда мальчика, то я буду думать, что с ним случилось несчастье, – продолжала султанша, – если же он будет жив и в твоих руках, то во что бы то ни стало приведи его сюда.

– Приказание вашего величества будет исполнено!

– Поступая таким образом, ты поможешь исполнению священного закона. Молчи и действуй!

Молодой офицер снова поклонился и оставил комнату. Затем он сейчас же пошел во дворцовый двор, а оттуда на берег, где постоянно стояли несколько султанских лодок. Зора-бей сел в одну из них и велел гребцу-матросу везти себя в предместье Рашида, которое было на противоположном берегу Золотого Рога. Около этого предместья обыкновенно стоит на якоре большая часть турецкого флота.

Было уже поздно, когда лодка отъехала от сераля и как стрела пустилась вперед по гладкой поверхности воды, в которой отражалась луна.

По прошествии получаса лодка подъехала к берегу предместья. Зора-бей вышел из нее и приказал матросу возвратиться обратно в сераль, так как не думал возвращаться через залив. Затем он остановил одного старого турка и просил его указать дорогу к мечети Рашида-паши. Улицы предместья были еще достаточно оживленны, так как в этой местности вообще много таверн, кофеен и мест, где курят опиум, в которых посетители остаются очень поздно, иногда даже до утра.

Мимо мечети шла довольно уединенная улица, окруженная садами и ведущая к греческому кварталу. Зора-бей пошел по этой улице и, увидев проезжавший наемный экипаж, позвал кучера.

– Знаешь ты это предместье? – спросил Зора-бей.

– Да, я здесь живу.

– Нет ли здесь поблизости дома, принадлежащего бывшему слуге султана Корасанди?

– Да, господин, ты стоишь как раз у самого дома Корасанди, только он окружен садом, но если ты пришел, чтобы видеть старого Корасанди, то ты напрасно прошелся! Я видел, как он ушел из дому.

– Хорошо, благодарю тебя! – сказал Зора-бей.

Кучер поехал дальше, а молодой офицер подошел к воротам сада. Они были не заперты на ключ. Зора-бей вошел в темный сад и снова затворил за собой ворота. Пройдя несколько шагов, Зора-бей заметил перед собой свет; он стал осторожно подвигаться по направлению к нему, держась в тени деревьев, и подошел к небольшому дому. В одном из окон дома мелькал тот свет, на который шел Зора-бей. Он подошел к этому окну, закрытому ставней, и в щель заглянул в комнату. Это была спальня старого Корасанди. Его постель была пуста, но на другой, закрытой пологом, лежал восьмилетний принц Саладин. Невинный ребенок, еще не понимавший всей опасности своего положения, спокойно и сладко спал.

Тогда Зора-бей обошел дом с другой стороны, где была входная дверь. Он еще не знал, есть ли в доме кто-нибудь, кроме ребенка, или нет. Постучавшись тихонько и не получив никакого ответа, он попробовал отворить дверь и увидел, что она, так же как и ворота, была только притворена, но не заперта на ключ. Он вошел в дом и дошел до самых дверей спальни. Эта дверь точно так же отворилась, и Зора-бей очутился в комнате, в которой спал маленький принц.

Подойдя ближе к спящему ребенку, молодой офицер пристально взглянул на него. Затем он быстро схватил спящего Саладина на руки и спрятал под своим плащом.

Раздался испуганный крик неожиданно разбуженного ребенка.

– Молчи, – прошептал Зора-бей, – ни слова более, если тебе дорога жизнь.

– Пощади меня, куда ты меня несешь? Кто ты? – испуганным голосом спрашивал мальчик.

– Не спрашивай, ты все узнаешь сам. Не зови на помощь, а то умрешь!

Маленький принц, сердце которого сильно билось, начал тихонько плакать. Зора-бей вышел с ним из спальни. Он нес ребенка на руках под плащом, крепко прижимая к своей груди. В саду, казалось, никого не было, по крайней мере молодому человеку никто не встретился. Он вышел беспрепятственно на улицу со своей ношей, едва заметной под плащом, и скоро исчез из виду.

IX. Таинственный защитник

В эту же самую ночь, несколькими часами позже, к Скутари подъезжала лодка, управляемая молодым лейб-гвардейцем. Внизу, на дне лодки, лежало что-то, покрытое плащом молодого офицера. Подъехав к фольверку, молодой человек оглянулся кругом, и тогда можно было узнать его лицо. Это был Сади. Оглянувшись вокруг и убедившись, что как на море, так и на берегу все спокойно и пусто, он привязал свой каик. Затем поднял плащ и накинул его себе на плечи. На полу, в люке, лежал без движения маленький принц. Он крепко спал; покачивание лодки, свежий воздух и усталость победили наконец испуг и страх, но слезы еще блестели на его щеках и ресницах.

Сади наклонился к принцу и, казалось, ему было жаль будить ребенка, но это было необходимо. Когда Сади слегка дотронулся до его руки, мальчик сейчас же проснулся и с испугом стал глядеть вокруг своими большими глазами.

– Где Корасанди? – спросил он испуганным голосом. – Я хочу к нему! Кто ты? Я тебя не знаю! – И целый поток слез сопровождал эти слова.

– Будь покоен, мой милый, – прошептал Сади, беря ребенка на руки и пряча его под плащ, – тебе не сделают ничего дурного.

– Где я? Куда ты меня несешь?

– В место, где ты будешь в безопасности, Саладин!

– Я хочу назад к Корасанди! – плакал ребенок, еще не совсем придя в себя после сна, и плач его делался все громче.

– Не плачь, Саладин, чтобы тебя кто-нибудь не услышал, – старался Сади успокоить ребенка. – Ты не можешь вернуться к Корасанди! Но не бойся меня, милый мой, я с тобой для того, чтобы защитить тебя.

Несколько мгновений Сади стоял в нерешительности, не зная, что делать с ребенком, которого час тому назад ему передал Зора-бей, а сам снова отправился в сераль. Вдруг Сади осенила счастливая мысль. Веселая улыбка мелькнула у него на лице.

– Будь покоен, мой милый, я сведу тебя в такое место, где я и сам с удовольствием бы остался, за тобою будут ухаживать прелестные ручки, – прошептал Сади маленькому принцу, затем крепко прижал его к себе и выскочил из лодки.

Широкий плащ Сади совершенно скрывал его живую ношу. Маленький принц продолжал плакать, потому что его ничуть не успокоили слова Сади.

Было уже далеко за полночь, когда молодой капиджи-баши вошел в лабиринт узких улиц Скутари. В кофейнях еще мерцал огонь, и перед дверьми еще сидели турки и курили, но Сади, никем не замеченный, дошел до улицы, на которой стоял дом Альманзора, который Реция избрала себе убежищем. Сади знал это, потому что искал и нашел красавицу турчанку, но ему не удавалось еще переговорить с девушкой.

Дойдя до мрачного старого дома, Сади постучал в ворота и с беспокойством поглядел кругом, так как боялся любопытства соседей, но соседи крепко спали – никто нигде не показался. Сади постучал немного громче. Вслед за этим стуком во дворе послышались легкие шаги. Сердце Сади забилося сильнее – это были шаги Реции, он сейчас же узнал ее походку. Реция услышала стук и спешила к двери, думая, что, может быть, это возвратился отец, так как она ни за что не хотела поверить в его смерть. Она наскоро оделась и закуталась в покрывало.

– Кто стучит? – спросила она. – О, не ты ли это, отец? Говори!

– Ты ошибаешься, дорогая Реция, я не отец твой, – отвечал Сади.

– Я узнаю твой голос, – сказала после недолгого молчания девушка. – Ты – Сади.

– Открой, прошу тебя!

– Зачем пришел ты сюда в такое время?

– Я принес сокровище, которое хочу вручить твоему попечению,пусти меня, не бойся, я люблю тебя от всей души, ты царица моего сердца!

– Ты принес сокровище?

– Открой, тогда ты все узнаешь. Впусти к себе Сади и выслушай его. Никому, кроме тебя, не могу доверить я моего сокровища.

Реция больше не колебалась. Дрожащей рукой отодвинула она задвижку. Разве перед нею стоял не тот самый человек, который спас ее от ужасного Лаццаро? Разве сама она не желала видеть его? Теперь он был перед нею, ее горячее желание исполнилось!

Сади вошел во двор и снова запер за собой дверь, затем протянул руку Реции. Девушка принесла с собою маленькую лампу, и свет ее осветил украшенный шнурами мундир гвардейской стражи сераля. В ее глазах невольно выразилось изумление при виде того, что Сади так быстро достиг такого почетного положения. Но ее мысли были прерваны всхлипываниями маленького принца. Реция вопросительно взглянула на Сади.

– Ты должна все знать, – сказал Сади, – но отойдем подальше от ворот, чтобы нас не могли подслушать.

– В таком случае пойдем, – сказала девушка и пошла вперед, к тому месту двора, где бил фонтан.

Тогда Сади распахнул плащ и опустил на землю маленького принца. В первую минуту Реция была так удивлена, что не знала, что сказать, но потом вдруг она опустилась на колени и крепко прижала к груди ребенка. Саладин точно так же с радостным криком бросился ей на грудь. Казалось, что они давно знали друг друга.

– Дорогой Саладин! – вскричала Реция, тогда как малыш с любовью прижимался к ее груди. – Я опять тебя вижу! Ты со мной!

Это была прелестная трогательная сцена. Мальчик плакал и смеялся сквозь слезы, прижавшись к груди девушки, которая нежно обнимала и целовала его. Сади был изумлен, он не мог объяснить себе радости этого свидания. Наконец Реция объяснила все.

– Саладин жил прежде у нас, – сказала она. – Мой отец берег его как зеницу ока. Мы должны были скрывать ребенка, так как ему угрожала таинственная опасность, но однажды ночью Саладин был взят от нас, и с того времени мы с ним не виделись, теперь же ты приводишь его опять ко мне.

– Я хочу остаться у тебя, Реция! О, я так устал, уведи меня в дом! – вскричал маленький принц.

– Я передаю его твоему покровительству, – обратился Сади к девушке. – У тебя он будет скрыт лучше всего. Спрячь его от взоров всех людей, не доверяй никому, отведи его к себе в комнаты и возвратись назад ко мне, потому что я должен объяснить тебе эту тайну.

Реция сделала так, как сказал Сади. Она отвела мальчика к себе в комнаты, где приготовила ему постель и уложила его. Усталый ребенок сейчас же уснул; тогда Реция поспешила выйти во двор, где ее с нетерпением ожидал Сади.

– Ребенка преследуют, – прошептал Сади. – Скрой его хорошенько, иначе он погиб! Зорабей, мой товарищ, и я, мы готовы защищать маленького принца.

– Это благородно с твоей стороны. Не беспокойся, я с опасностью для жизни также буду защищать принца, – сказала Реция.

– Я знал это! Сам Аллах внушил мне мысль поручить принца тебе, когда я в нерешительности стоял на берегу. Но, Реция, я должен снова видеть тебя. Я буду приходить сюда в ночной тиши. А теперь скажи мне, вспоминала ли ты обо мне?

– О, неужели ты в этом сомневался? – прошептала Реция.

– Ты любишь меня! – вскричал Сади, схватив руку девушки. – Скажи мне одно слово! Ты любишь меня? Ты хочешь быть моей?

– Когда ты далеко от меня, я только и думаю о тебе, – прошептала Реция.

– О, повтори еще раз эти слова, они наполняют мою душу блаженством! Ты будешь моей! Теперь будущее улыбается мне, я буду стараться достичь почестей, чтобы приготовить тебе жизнь, достойную тебя, моя возлюбленная! Ты одна должна быть моей женой, так как вся моя любовь безраздельно принадлежит тебе.

– Ах, если бы я могла сделать тебя таким счастливым, как я того желаю, – сказала Реция дрожащим голосом. – О если бы мой отец Альманзор мог видеть счастье, которым ты даришь меня!

В эту минуту влюбленным послышался легкий шум за стеной, как будто шум шагов, но раздавшийся крик петуха, возвещавший о наступлении утра, заглушил его.

Реция быстро оглянулась кругом.

– Слышишь? – прошептала она. – Наступает утро!

– Я должен оставить тебя, моя возлюбленная Реция. Восходящее солнце заставляет меня бежать от тебя, но я скоро введу тебя в свой дом навсегда. Тогда мы больше не будем разлучаться.

– О, если бы это время наступило скорее!

– Оно недалеко! Скоро я назову тебя своей и тогда отведу тебя в мой маленький домик. А теперь да хранит тебя Аллах, моя дорогая.

Реция проводила Сади до ворот, где они обменялись еще несколькими словами любви, затем Сади поспешно удалился.

Утро уже наступало, когда Реция затворила калитку за своим возлюбленным и вернулась в дом. Прежде всего она посмотрела, спокойно ли спит порученный ее покровительству ребенок, которого она любила от всего сердца, потом она пошла в свою спальню. Но сон бежал от изголовья девушки. Большое счастье, так же как и несчастье, не дает человеку спать. Реция благодарила Аллаха за ниспосланное ей счастье, которое было так велико, что она почти не верила самой себе. Благороднейший и красивейший человек любил ее, и скоро она будет его женой!

Скоро Реция уже снова была на ногах, чтобы позаботиться о маленьком принце и хорошенько спрятать его. Сади привел к ней ребенка! Она уже и прежде любила мальчика, но теперь он стал для нее еще дороже, как залог любви дорогого ей человека, напоминавший о лучшем и счастливейшем дне ее жизни. Что касается маленького Саладина, то, проснувшись, он бросился в объятия Реции, которая нежно отвечала на ласки ребенка.

Вечером, когда уже стемнело, Реция решила наконец выйти из дома за водой. Водоем находился как раз перед воротами. Подойдя к нему, Реция увидела, что около него стоит много женщин и девушек, пришедших за водою так же, как и она. Она подождала на некотором расстоянии, затем подошла в свою очередь. В ту минуту, когда она хотела идти назад, из темноты показалась какая-то неясная фигура. Реция не могла различить, кто это, только ускорила свои шаги, но, пройдя немного, она невольно обернулась и увидела, что незнакомец приближается к ней. На его голове был зеленый платок, повязанный по-арабски, большая часть головы была закрыта, но на лице ясно видна была золотая маска.

– Реция! – раздался голос Золотой Маски.

Реция низко поклонилась и приложила руку к сильно бьющемуся от страха сердцу, так как вспомнила, что Золотая Маска, по словам всех, приносил несчастье тому, кому являлся, даже тогда, когда хотел помочь.

Золотая Маска назвал ее по имени, значит, он знал ее!

– Я видел, как ты вышла из дома твоего отца, – раздался вблизи от Реции приятный голос Золотой Маски. – Я следовал за тобою к водоему, потому что должен был защищать тебя.

Реция была удивлена.

– Ты любишь Сади, молодого офицера капиджи-баши, – продолжал Золотая Маска. – Он также любит тебя, но он не в состоянии защитить тебя от врагов, посягающих на твою жизнь, так же как и на жизнь принца Саладина, который спрятан у тебя с нынешней ночи.

Откуда Золотая Маска мог знать о любви к ней Сади? Откуда мог он знать, что маленький принц спрятан у нее? Реция была не в состоянии произнести ни слова. Молча слушала она таинственного незнакомца, знавшего все. Но ее удивление еще более усилилось, когда он продолжил:

– В эту минуту, – говорил Золотая Маска, – гадалка Кадиджа уже знает, что ты оставила прежний дом и переселилась сюда. Она ходила около твоего дома и подозревает, что Саладин у тебя. Теперь она идет в развалины дервишей – Кадри, чтобы погубить тебя и мальчика. Она придет сегодня слишком поздно и не достигнет своей цели. Но завтра вечером она может достичь ее, поэтому ты не должна дожидаться здесь завтрашнего утра. Ты должна бежать вместе с принцем.

– Куда же я должна бежать? – спросила Реция дрожащим испуганным голосом.

– Старая Ганифа еще жива, ищи у нее защиты, пока тебе не представится случай оставить Константинополь вместе с принцем. Хотя в настоящую минуту ты думаешь о Сади и боишься, что не увидишься с ним больше.

Реция была поражена. Как мог Золотая Маска проникнуть в самые сокровенные ее мысли?

– Сади найдет тебя, – продолжал таинственный незнакомец и медленно пошел дальше. – Я скажу ему, где ты будешь. Послушайся моего предостережения и не дожидайся утра в доме твоего отца. Беги вместе с Саладином!

Реция в замешательстве пробормотала несколько слов благодарности. Золотая Маска слегка кивнул головой и удалился.

Когда несколько мгновений спустя Реция пришла в себя и наклонилась, чтобы взять кувшин, который опустила на землю, и затем снова оглянулась вокруг, то Золотая Маска уже исчез во мраке.

Никто не знал, откуда появлялся таинственный человек по прозвищу Золотая Маска и куда он исчезал. Его намерения были так же загадочны, как и он сам. Реция в первый раз видела Золотую Маску, о котором в народе ходили такие разноречивые толки и о котором старая Ганифа рассказывала ей столько сказок. Исполненная суеверным страхом, девушка поспешила в дом своего отца, а в ее ушах все еще звучали слова незнакомца, ее неожиданного защитника.

Х. Караван паломников в Мекку

Наступил торжественный день ежегодного отправления каравана правоверных мусульман в Мекку, на родину Магомета, где каждый турок считает долгом побывать хоть раз в жизни. По случаю отправления этого каравана в турецкой части Константинополя царило сильное оживление. Путешествие в Мекку – одна из главных обязанностей каждого мусульманина, и прежние калифы совершали это путешествие ежегодно. Но в настоящее время султаны, боясь за свое здоровье, которое могло бы пострадать от такого дальнего пути, только посылают в Мекку драгоценные подарки, а сами ограничиваются тем, что смотрят из окна дворца, как караван отправляется в путь.

Уже рано утром все улицы Стамбула оживились. Богатые и бедные, женщины и старики, юноши и дети, девушки и дряхлые старухи – все спешили присоединиться к шествию и посмотреть на его отправление. Окна и крыши домов на тех улицах, по которым должен был проходить караван, были усеяны зрителями, там и сям развевались зеленые знамена, и на всем пути стояли кавасы, чтобы наблюдать за порядком. Кофейни и гостиницы были переполнены правоверными, которые пришли издалека, а улицы кишели нищими, дервишами, оборванными бродягами и чужестранцами.

Уже за несколько дней начали стекаться в Константинополь паломники. Впрочем, большая часть народа, с утра наполнявшего улицы, состояла из любопытных зрителей, которые искали удобного места, откуда они лучше могли бы увидеть шествие каравана. Солдаты и полицейские с трудом удерживали любопытных, чтобы сохранить свободной середину улицы для прохода караванов. В числе зрителей стояла одна старуха в грязном покрывале и красном широком плаще, около которой стоял Лаццаро, доверенный слуга принцессы Рошаны, очевидно, пришедший не из одного любопытства, но имевший еще и другую цель.

Лаццаро был молодым человеком лет двадцати с резкими, неприятными чертами лица. На нем была надета темная бархатная куртка и красная феска. На лице его заметны были следы всевозможных излишеств, в особенности курения опиума. Но замечательнее всего в нем были его беспокойные глаза, производившие странное впечатление на всякого, кто встречался с его взглядом.

Грек вместе с описанной нами старухой стоял на ступенях подъезда одного дома, так что мог видеть всю площадь. Караван должен был скоро появиться. Все взоры были устремлены в ту сторону, откуда он должен был показаться.

– Ты говоришь, что она спряталась у старой служанки Ганифы? – спросил грек.

– Со вчерашнего вечера она снова исчезла оттуда, – отвечала старуха. – Я была вчера в развалинах у дервишей, но не нашла там могущественного шейх-уль-ислама.

– Ты думаешь, что у Реции, дочери Альманзора, жил мальчик?

– Я видела его.

– И ты полагаешь, что это не кто иной, как принц Саладин?

– Неужели ты думаешь иначе, Лаццаро? – спросила старуха. – Старый Корасанди был приведен к султанше Валиде, где его расспрашивали, куда он дел принца, потому что посланный за ним офицер не нашел ребенка, но старик объявил, что принца украли, пока он был в кофейне, и, несмотря на угрозы и даже мучения, продолжает повторять то же самое.

– Как случилось, что ты нашла дочь Альманзора у старой Ганифы?

– Сирра, должно быть, знала об этом. На днях, вечером, она тихонько ушла из дома. Я увидела это случайно, неожиданно проснувшись. Очень может быть, что она каждую ночь уходила таким образом. Я поспешно вышла из дома и успела увидеть, как она села на берегу в каик. Я последовала за ней, так что она не заметила меня, и я увидела, что Сирра вошла в дом

старой Ганифы. Я стала наблюдать за домом и вчера утром увидела во дворе Рецию, которая вела за руку восьмилетнего мальчика.

– Черт возьми! Это недурная находка! – прошептал Лаццаро.

– Да, милый мой, особенно если этот мальчик принц. О, если бы я вчера видела шейх-уль-ислама! А теперь опять все пропало. Она убежала, потому что, вероятно, заметила что-нибудь и, вероятно, нашла теперь себе другое убежище.

Лаццаро молчал и задумчиво глядел вперед. Казалось, что у него в голове созрел какой-то план, которого не должна была знать старуха гадалка.

– Ты тоже метишь на прекрасную Рецию, – продолжала гадалка с едва заметной улыбкой, – она тебя околдовала, Лаццаро, не так ли? Но она смотрит выше; она думает, что происходит от великого калифа и считает себя важнее всех других правоверных. Не думай больше об этом, мой милый, ей тебя не надо. Я думаю, что ее очаровал какой-нибудь гвардеец или баши из сераля, а в таком случае тебе тут нечего делать.

Грек побледнел, услышав эти слова.

Вдруг на улице послышался сильный шум, который, казалось, быстро приближался.

– Идут, идут! – кричала нетерпеливая толпа, приветствуя громкими криками долго ожидаемое бесконечное шествие.

Впереди, чтобы очищать дорогу каравану, ехал отряд турецкой кавалерии в пестрых мундирах, за ними следовал эмир и другие последователи пророка в новых зеленых одеждах и зеленых же, расшитых золотом чалмах. Все были верхом на великолепных лошадях. Позади них ехали эфендасии всех частей города, Стамбула, Галаты и Перы, губернаторы Румелии и Анатолии и муллы. Затем следовали султанские чиновники в зеленых и синих, расшитых золотом и серебром мундирах. Одни из них несли серебряные, украшенные янтарем бунчуки, тогда как другие пели хвалебные гимны, время от времени прерываемые криками толпы: «Аллах! Аллах!»

Шейх-уль-ислам, окруженный своими приближенными, с довольным видом смотрел на паломников и провожавшую их шумную, разодетую по-праздничному толпу.

Потом ехали многочисленные важные сановники, везшие в Мекку собственноручное письмо султана, которое лежало в богато украшенном ящике. Затем следовали два священных верблюда, игравших главную роль в церемонии. Эти животные не должны никого везти и происходят, по преданию, от того верблюда, на котором ехал пророк во время своего бегства. Первый верблюд был великолепно украшен. Сбруя из зеленой кожи была осыпана драгоценными камнями, шея и хвост – обвешаны амулетами, на голове качался пучок страусовых перьев. Он нес на спине украшенный золотом и перьями ящик, заключающий в себе священное покрывало, которое султан назначил в подарок храму в Мекке. На другом верблюде было только седло, сделанное наподобие того, на котором некогда сидел Магомет. Оно, так же как и вся сбруя, было из зеленого, вышитого серебром бархата.

За верблюдами ехал начальник каравана в сопровождении своих помощников – кавасов. Дикая оглушающая музыка и толпы оборванных дервишей возвестили о приближении паломников. Опираясь на длинные дорожные палки, с криками «Аллах! Аллах!» шли паломники, принадлежавшие по большей части к низшим классам населения столицы. За ними шел отряд пехоты и семь мулов, нагруженных дарами для храма. Второй оркестр и вторая толпа паломников заключали шествие. С берега раздавались пушечные выстрелы, возвещавшие об отправлении каравана.

В числе паломников была одна турчанка. Боязливо шла она в толпе, закрыв лицо покрывалом и оглядываясь по сторонам, как бы отыскивая что-то взглядом. Она вела за руку маленького мальчика, едва, казалось, достигшего восьми лет, все внимание которого было поглощено окружавшей его пестрой толпой.

Вдруг турчанка вздрогнула. Она была у того места, где Лаццаро и гадалка смотрели на шествие паломников. Схватив поспешно ребенка, она попыталась спрятаться в толпе. Но гадалка ее увидела.

– Смотри же, – сказала Кадиджа вполголоса, обращаясь к Лаццаро, – смотри же, это она, она хочет бежать. Принц тоже тут.

– Реция и принц Саладин! Да, это они, она хочет скрыться; но что ты можешь предпринять? Она в безопасности среди паломников. Ты можешь только спокойно смотреть, как она проходит мимо тебя.

– Нет, нет! – вскричала в бешенстве Кадиджа, бросаясь в толпу паломников. – Я знаю кое-что! Они такие же паломники, как и я!

В то время как старая Кадиджа пробивала себе дорогу среди паломников, грек тоже старался продвинуться вперед, чтобы не потерять из виду Рецию и Саладина. Когда процессия подошла к берегу, откуда она должна была быть переправлена в Скутари, гадалке удалось добраться до шейх-уль-ислама, сходявшего с лошади, чтобы взойти на ожидавший его пароход.

– Выслушай меня, сильнейший из всех шейхов! – вскричала Кадиджа, падая на колени. – В числе отъезжающих скрываются двое, которых ты ищешь и которые хотят бежать из столицы под видом паломников! Еще есть время их задержать. Ты один можешь это сделать!

– Кто ты? – спросил, подходя к ней, шейх-уль-ислам.

– Кадиджа, – отвечала тихо гадалка.

– Кого же ты обвиняешь в оскорблении святости шествия? Кто они?

– Реция, дочь Альманзора, и принц Саладин! – прошептала Кадиджа, стараясь не быть услышанной никем, кроме шейх-уль-ислама. – Не медли, всемогущий Мансур, вся власть теперь в твоих руках! Ты можешь теперь завладеть ими – еще час и будет уже поздно.

При имени Реции глаза Мансура-эфенди блеснули; видно было, что для него слова гадалки имели важное значение.

– Ступай и ищи их между паломниками, – сказал шейх-уль-ислам Кадидже. – Стой тут, на берегу, и смотри; когда ты их увидишь – скажи, и кавасы схватят их.

– Будь благословен, великий шейх! – вскричала гадалка и поспешила встать на возвышение берега, откуда она могла лучше видеть бесконечное шествие паломников. Ее глаза искали Рецию и принца. Без сомнения, грек не потерял их из виду, и это должно было облегчить ее поиски.

Реция и Саладин, пытавшиеся под видом паломников покинуть столицу, конечно, погибли, если Кадидже удастся их увидеть и указать на них кавасам.

XI. Ужасное поручение

Сади был поражен, не найдя Реции и ребенка в том доме в Скутари, где они нашли убежище. Где же она теперь? Уж не пришлось ли ей бежать? Сади никак не мог объяснить себе, что произошло. Все его старания отыскать Рецию были напрасны. Она и принц исчезли бесследно. В первую минуту подозрение закралось в его душу, но он поспешил отогнать от себя эти мысли. Его товарищи, молодой изящный Зора-бей и гордый Гассан, с которыми он коротко сошелся, все более и более выказывали свое удивление в связи с происшедшей с их другом переменой, так что ему невозможно было бы скрыть от них истинную ее причину. Он решил притвориться веселым и откровенным и постараться ревностным исполнением обязанностей на службе отвлечь свои мысли от тяготившего его события.

На другой день после торжественного отправления в Мекку каравана паломников Магомет-бей, начальник султанской гвардии, неожиданно позвал к себе Сади. Когда Сади вошел в большую караульную залу, где его ожидал Магомет-бей, то последний был один и сидел на диване по-турецки, скрестив ноги и куря кальян. Возле дивана стоял небольшой столик.

– У тебя знатная покровительница, и я сам доволен тобой, – начал Магомет-бей. – Ты хороший солдат, и я очень рад, что тебя так скоро произвели. В настоящее время мне представляется случай дать одному из моих подчиненных возможность отличиться, и я подумал о тебе, Сади.

– Это очень великодушно с твоей стороны, достойный Магомет-бей, – сказал Сади. – Скажи, что надо сделать, чтобы получить отличие, о котором ты говоришь? Не восстали ли горные жители и не надо ли потушить пламя восстания? Или...

– Выслушай меня, – перебил Сади Магомет-бей, – я не знаю, какая услуга потребуется от тебя, я знаю только, какова будет награда! Тот, которого я выберу и который блестящим образом исполнит то поручение, которое ему дадут, получит большое повышение по службе. Если это будешь ты, то тебя сделают беем.

– Где должен я получить то поручение, о котором ты говоришь, благородный Магомет-бей? – вскричал с воодушевлением Сади. – Я исполню его, хотя бы мне пришлось бороться с самыми ужасными опасностями, и никогда не забуду твоего великодушия.

– Ты лучше всего можешь доказать мне свою благодарность усердием и повиновением. Что касается поручения, то оно будет передано тебе сегодня же вечером в развалинах Кадри могущественным повелителем нашего полка мудрым Мансуром-эфенди. Садись на коня и спеши в развалины. Шейх-уль-ислам ожидает верного человека, которого я должен был для него выбрать. Прощай, желаю тебе успеха!

– Благодарю тебя, благородный Магомет-бей! – вскричал с восхищением Сади, затем он поспешно вышел из зала и отправился в конюшню, чтобы взять коня.

Сев на коня, он поехал к берегу и взял большую лодку, в которой поместился вместе с конем, и приказал везти себя в Скутари. Начало уже темнеть, когда они отъехали от берега, и Сади велел гребцам поторопиться. Они скоро добрались до противоположного берега. Выйдя на берег, Сади вскочил на коня и поспешил к развалинам дервишей Кадри.

Шейх-уль-ислам и Гамид-кади были уже в развалинах и, сидя в той же комнате, где мы их уже видели раньше, разговаривали о делах.

– Меня занимает один план, одна мысль, – говорил Мансур-эфенди своему задумчивому собеседнику, – это – возможность завладеть принцем Саладином.

– И как могло случиться, что, несмотря на донос гадалки из Галаты, он мог ускользнуть? – спросил Гамид-кади.

– Дочь Альманзора спрятала его! Старая Кадиджа, чему я, впрочем, не верю, говорит, что будто видела ее между паломниками, – отвечал шейх-уль-ислам, – но на берегу, где те

садились на корабль, эта женщина напрасно ждала, чтоб указать кавасам на последнюю поросль рода Аббасидов! Она, вероятно, заблаговременно успела спрятаться вместе с принцем; слуга принцессы Рошаны также не смог уследить за девушкой в тесноте и давке.

– Значит, всякий след потерян? А между тем та двойная добыча была бы очень важна.

– Нет, не все еще погибло! Если нам удастся овладеть принцем Саладином и воспитать его для наших целей, то будущее будет в наших руках.

В эту минуту разговор был прерван появлением дервиша-привратника, доложившего, что капиджи-баши Сади просит, чтобы его приняли. Мансур-эфенди приказал ввести его и, когда дервиш ушел, обратился к Гамиду-кади.

– Этого молодого человека, – сказал он, – нам присылает Магомет-бей! Теперь я припоминаю, что принцесса Рошана покровительствует ему.

– Можешь ли ты положиться на него? – спросил недоверчивый Гамид-кади.

– Магомету-бею было приказано выбрать самого надежного баши, – успел только ответить Мансур-эфенди, потому что в эту самую минуту дверь отворилась и в комнату вошел Сади.

Сложив руки на груди, он опустился на колени перед могущественным шейх-уль-исламом и его мудрым товарищем.

– Магомет-бей посылает вам свой нижайший поклон.

– Я теперь вспоминаю, что сам султан назначил тебя баши, – обратился Мансур-эфенди к Сади, – и теперь представляется случай получить титул бея! Тебе, кажется, суждено быстро повышаться в чинах, другие должны прослужить годы, прежде чем делаются баши!

– Дай мне случай отличиться, могущественный баба-Мансур, пошли меня сражаться с врагами, я горю желанием доказать, что умею владеть саблей! – отвечал Сади с воодушевлением.

– Этому скоро также представится случай, – сказал Мансур-эфенди, – но сегодня я хочу дать тебе другое, но не менее важное поручение, при исполнении которого ты можешь доказать свое усердие! На одной из боковых улиц, идущих от рынка в Стамбуле, стоит маленький полуразрушенный деревянный домик, принадлежащий старой невольнице Ганифе, она арабского происхождения. Отправься в этот дом. Кроме названной старухи, ты найдешь там молодую девушку и мальчика...

– Как зовут девушку и как зовут мальчика, могущественный баба-Мансур? – спросил с замиранием сердца Сади.

– Девушку зовут Реция, она дочь толкователя Корана Альманзора, имя мальчика Саладин, нам необходимо завладеть обоими, и ты должен сегодня ночью тайно привезти их сюда!

Сади нужна была вся сила его характера, чтобы не выдать себя при этих словах, но он победил ужас, сказав себе, что должен спасти Рецию, так как иначе и она, и принц, попав в эти мрачные развалины, могут навсегда исчезнуть в них.

– Я понимаю твое молчание, юноша, – продолжал ужасный Мансур-эфенди с ледяным хладнокровием. – Ты ожидал нечто иное и думаешь, что завладеть девушкой и ребенком – не слишком важное поручение, но могу тебя уверить, что оно имеет большое значение, и успешное исполнение его окажет нашему делу громадную услугу. Иди и спеши исполнить данное тебе поручение.

Сади не помнил, как вышел из комнаты, где его принимал Мансур-эфенди, но когда дервиш подвел молодому человеку коня, то решение было уже принято. Он благодарил Аллаха, что поручение не было дано кому-нибудь другому, потому что теперь он мог спасти свою возлюбленную и принца от грозившей им ужасной опасности. Для чего нужна была шейх-уль-исламу Реция, этого Сади не мог объяснить себе, что же касается принца, то нетрудно было догадаться, для чего желали им завладеть.

Между тем ночь уже развернула над Стамбулом свое черное покрывало. Мрачно было на душе одинокого всадника, исполненного заботой о спасении его возлюбленной. Лодка ожидала Сади, чтобы снова отвезти его в сераль. Молодой человек отдал гребцам почти все бывшие с ним деньги, чтобы они везли его скорее; тем не менее было уже около полуночи, когда они доехали до берега. Сади поспешно вскочил на лошадь и погнал ее к рынку.

Доехав, он привязал лошадь к решетке и углубился в грязный и темный переулок, в котором стоял дом старой Ганифы. Вокруг было тихо и пусто. Двери домов были заперты, ни в одном окне не светился огонь. Сади поспешно подошел к двери одного бедного дома и постучал. В ту же минуту в доме послышалось движение и открылось окно, в котором показалась голова женщины, закрытая большим покрывалом. Это была Ганифа.

– Отвори! – сказал Сади.

– Кто ты и что тебе надо от меня ночью, бей? – спросила Ганифа.

– Ты все узнаешь, открой скорее, а не то Реция погибла! – сказал Сади, чтобы придать большее значение своим словам.

– Реция? Что с нею? – вскричала бывшая служанка Реции.

– Я хочу спасти ее! Отвори! Нельзя терять ни минуты!

– Она ушла, ее нет больше у меня, юноша, она ушла вчера с паломниками.

– А мальчик?

– Реция, гордость и счастье Альманзора, взяла с собою ребенка, оба они ушли от меня.

– Если ты говоришь правду, то завтра Реция погибла!

– Аллах свидетель, – вскричала старуха, – что я говорю правду, благородный бей, она ушла, и с нею вместе мальчик; оба они ушли от меня, и я не знаю, где они теперь, но скажи мне, не Сади ли ты, о котором мне говорила Реция?

– Да, я Сади.

– О, какое горе, что ты пришел поздно! Она все рассказала мне про вашу любовь. Она хотела видеть тебя еще раз, о, она только и думает о тебе!

– Куда она хотела отправиться с паломниками? – спросил Сади.

– Она хотела только выбраться из города, чтобы отвести в безопасное место маленького принца; она хотела все тебе рассказать и проститься с тобою, но ты пришел слишком поздно.

Опасность, которой подвергалась Реция в доме старой Ганифы, несколько не уменьшалась с уходом девушки из дома старухи. Где бы ни была она, могущественные представители мусульманской религии всюду могли достать ее. Единственное место, где она была бы в безопасности, был дом Сади, в котором никому не пришло бы в голову искать ее.

«Прежде всего надо найти девушку! Пока мне поручено искать Рецию в доме Ганифы, до тех пор никто другой не будет преследовать ее, – думал про себя Сади. – Если же я дам знать, что девушка исчезла из дома старухи, то ее сейчас же снова начнут разыскивать».

Нельзя было терять ни минуты. Сади поклонился старухе и сейчас же пустился в путь, чтобы отыскать след Реции. Он должен был догнать караван, который отправился в путь накануне. Очень может быть, что его возлюбленная находится среди паломников.

Он возвратился обратно на рынок, отвязал коня и хотел уже ехать обратно, как вдруг перед его конем точно из-под земли выросла какая-то фигура. Конь взвился на дыбы от испуга.

– Сади! – раздался глухой голос.

Услышав свое имя, Сади стал пристально всматриваться. Перед ним выросла фигура незнакомца. На голове его был зеленый арабский платок, из-под которого сверкала Золотая Маска.

– Сади, – снова повторил Золотая Маска, чтобы быть услышанным молодым всадником, – ты ищешь Рецию, дочь Альманзора и принца Саладина. Отправься на пристань сераля, там в лодке султана спряталась Реция с маленьким принцем. Но берегись и ты сам, потому что у тебя есть враг, который хочет во что бы то ни стало погубить тебя.

– Итак, я найду Рецию! – вскричал Сади. – Благодарю тебя за это известие; да благословит тебя Аллах!

Лошадь Сади все еще фыркала и дрожала от страха, но Золотая Маска исчез так же быстро, как появился.

Сади пришпорил лошадь и поспешил к тому месту, где должен был найти свою возлюбленную. Между тем ночь уже давно наступила, и весь Стамбул казался погруженным в глубокий сон. На улицах никого не было, кроме множества собак, бегающих ночью в поисках пропитания. Сади приблизился к берегу. Около него стояли лодки, предназначенные для ежедневных нужд султана. Гребцы, которые должны были день и ночь находиться на своих местах, крепко спали, убаюкиваемые равномерным покачиванием лодок. Сади осторожно подошел к ним; ни один не проснулся.

Последний патруль прошел уже давно, да и вообще эта часть берега даже и днем была довольно пустынна, ночью же на ней не было ни души. Около берега стоял целый ряд больших и малых лодок султана, которые очень редко употреблялись в дело. Сади должен был сознаться, что Реция выбрала себе отличное убежище, так как тут она могла пробыть не одну неделю, не будучи никем потревожена. Молодой человек поспешил к лодкам. Ожидание волновало его. Он увидит Рецию, чтобы больше никогда не разлучаться с нею. Он будет защищать и скрывать ее, она должна принадлежать ему вполне и найти у него безопасное убежище. Осторожно, чтобы не разбудить спавших матросов, Сади вошел в первую лодку.

– Реция, – шепотом позвал он.

Ответа не было.

– Реция, – повторил он еще раз, – тебя зовет Сади, который хочет защитить тебя и отвести к себе.

Он подошел к устроенному в лодке навесу и откинул полог – под навесом никого не было. Но в это время в соседней лодке из-под навеса показалась женская головка под покрывалом.

– Неужели это в самом деле ты? – раздался слегка дрожащий голос.

В следующее мгновение Сади был рядом с Рецией, около которой плакал маленький принц.

– Узнаешь ли ты меня теперь, моя возлюбленная? – спросил Сади в восторге от свидания с любимой. – Сади пришел, чтобы отвести тебя к себе в дом, где он сам будет защищать тебя! Ты превратишь его мрачный маленький домик в эдем! Ты будешь делить со мной и радость и горе! Говори, согласна ли ты на это?

Вместо ответа Реция молча протянула руку. Слезы счастья текли по ее щекам, и она прижалась к груди благородного юноши, пришедшего спасти ее. Между тем маленький принц, ничего не понимая, а видя только чужого человека, заплакал и с испугом прижался к Реции.

– Не плачь, Саладин, – весело вскричала девушка, – мы теперь спасены!

– Да, – сказал Сади, – мальчик также пойдет ко мне, его я также буду защищать от преследователей, которые будут его искать всюду, но только не у Сади.

– Сколько страху я натерпелась, – шептала Реция, – счастье, что мне удалось скрыться в караване от преследований Кадиджи и Лаццаро, искавших меня! Я спряталась вместе с Саладином в этой лодке.

– Бедняжки, вы сидите здесь со вчерашнего дня не евши и не пивши! Садитесь под навес. Сади сумеет один довести вас до своего дома.

Реция и Саладин с радостью вошли под навес.

Сади взял весла и, несмотря на то, что лодка была очень тяжела, ему удалось доехать до противоположного берега.

Начало уже светать, когда Сади, никем не замеченный, привел в свой дом Рецию и Саладина.

ХII. Яд ревности

– Магомет-бей пришел по твоему приказанию, светлейшая принцесса, и ожидает в приемной, – докладывал грек Лаццаро принцессе Рошане. – Прикажешь ему предстать пред твои светлые очи?

– Я хочу с ним переговорить немедленно! – отвечала принцесса.

Лаццаро оставил комнату, окна которой были закрыты ставнями, защищавшими от палящих лучей солнца. Через несколько минут он возвратился в сопровождении Магомет-бея.

– Ты командуешь полком капиджи, – обратилась принцесса к Магомет-бею, – в этом полку служит один молодой баши по имени Сади.

– Я очень счастлив, принцесса, что мой полк обратил на себя твое милостивое внимание, – отвечал Магомет-бей.

Не обращая внимания на слова бея, Рошана продолжала надменным тоном восточных повелительниц:

– Сади-баши не тебе обязан своим повышением, а могущественному повелителю правоверных! Я удивилась, что, будучи начальником, ты настолько плохо знаешь своих подчиненных, что до сих пор не оценил вполне этого Сади. Он до сих пор все еще только баши.

Магомет-бей понял, что Сади пользуется особенным благоволением принцессы и она желает его повышения, но в то же время, несмотря на власть принцессы, у Магомет-бея был другой повелитель, еще более могущественный, чем она, хотя и действовавший во мраке.

– Ты права, принцесса, Сади умен и храбр, – сказал он, – я, так же как и ты, знаю это и сам с радостью доставил бы ему титул бея, если бы он исполнил последнее поручение, данное ему. А между тем это поручение было дано ему предпочтительно перед другими.

– Что это за поручение, о котором ты говоришь? – спросила принцесса.

– Дело шло о приведении в исполнение одного важного ареста! Надо было арестовать дочь толкователя Корана Альманзора и одного мальчика, который у нее скрывается.

– Мальчика? Это приказание было отдано Мансуром-эфенди? – спросила принцесса.

– Да, принцесса, и ты сама можешь судить, насколько важно было данное ему поручение, – отвечал Магомет-бей.

Рошана поняла, что дело шло о взятии принца Саладина.

– Этот мальчик был у девушки по имени Реция, – продолжала принцесса, тогда как глаза Лаццаро засверкали мрачным огнем.

– Сади-баши должен был захватить девушку и ребенка, местопребывание которых было ему указано, но он не нашел их, а следовательно, и не взял, – сказал Магомет-бей.

При этих словах дьявольская улыбка искривила черты Лаццаро, казалось, он что-то знал, что делало ему понятнее эти слова и в то же время возбуждало его ярость.

– Это меня удивляет, – сказала принцесса. – Сади такой человек, который способен исполнить какое угодно поручение. Доставь ему еще новый случай отличиться, и я даю тебе слово, что он исполнит все в совершенстве! То поручение, о котором ты говоришь, он, может быть, не исполнил, потому что не понимал всей его важности. Сади более кого-нибудь другого заслужил ту форму, которую он носит. Иди!

Принцесса отпустила Магомет-бея со всеми признаками сильного недоумения. Впрочем, в последнее время расположение ее духа постоянно ухудшалось, и ее прислужницы дрожали перед ней. Любовь к красавцу Сади росла в ней с каждым днем, а он ни разу не воспользовался чудной силой подаренного ему кольца, которое открывало ему свободный доступ во внутренние покои принцессы. Когда Магомет-бей вышел, она продолжала мрачно смотреть вдаль, и ее желание видеть Сади все более и более увеличивалось. Наконец она подозвала к себе грека.

– Видел ты Сади-баши? – спросила она своего доверенного слугу.

– Да, светлейшая принцесса, я видел благородного Сади-баши, – отвечал грек. – Ты удивляешься его неблагодарности и желаешь видеть его; но не жди напрасно, пройдет много дней, а он и не подумает прийти к тебе.

– Почему ты говоришь это так уверенно? Из твоих слов я вижу, что ты узнал нечто, дающее тебе право говорить таким образом; я хочу знать, что это такое! Я действительно удивляюсь, почему Сади-баши не был у меня больше во дворце после первого раза. Ты хочешь объяснить мне это, Лаццаро, но берегись, если ты скажешь что-нибудь, чего не будешь в состоянии доказать, я строго накажу тебя.

– В таком случае твой верный и покорный слуга будет молчать, – с поклоном сказал Лаццаро.

– Ты скажешь, что ты знаешь, я приказываю тебе! – с гневом вскричала принцесса.

– Твои приказания для меня святы, светлейшая принцесса, ты все узнаешь, хотя бы это стоило мне жизни! Но прежде, прошу тебя, прикажи выйти твоим прислужницам.

Принцесса знаком исполнила просьбу грека. Невольницы вышли, и Рошана осталась вдвоем с греком.

– Говори! – приказала она мрачным тоном. – Я слушаю!

– Счастливый случай открыл мне, что Сади-баши, юноша, к которому ты так благоволишь, моя милостивая повелительница, любит одну девушку, – медленно сказал грек, капля по капле вливая яд в сердце принцессы, – я несколько раз видел его ночью разговаривающим с этой девушкой.

– Почему же ты знаешь, что Сади-баши любит девушку, о которой ты говоришь? Разве не может она быть его сестрой? – спросила принцесса.

– У Сади-баши нет сестры, но есть возлюбленная, которую он сделал своей женой.

– Где же эта возлюбленная, шпион? – с досадой спросила принцесса.

– Моя повелительница сердится на меня, а между тем Лаццаро сказал только истину. Сади-баши взял свою возлюбленную к себе в дом и сделал ее своей женой, и так любит ее, что готов для нее перенести всевозможные опасности.

– О каких опасностях говоришь ты?

– Возлюбленная Сади и есть та самая красавица Реция, дочь Альманзора, которую Сади должен был арестовать, – продолжал грек, любуясь впечатлением, которое эти слова произвели на принцессу, благосклонность которой к Сади Лаццаро давно заметил. – Во всяком случае, Реции действительно не было в том месте, куда за ней послал Сади Мансур-эфенди, но Сади нашел ее в другом, до сих пор не известном мне месте и привел ее вместе с мальчиком к себе.

– Как? И мальчика также?

– Я головой отвечаю за это, принцесса.

– Теперь ты должен представить мне доказательство твоих слов, – сказала после довольно продолжительной паузы принцесса.

– Тебе надо только приказать, светлейшая принцесса, какое доказательство нужно тебе?

– Без сомнения, ты знаешь дом, куда отвел Сади Рецию и мальчика?

– Да, знаю, принцесса, он стоит на Коралловой улице, это дом старого муэдзина Рамана, всякий живущий на этой улице укажет тебе этот дом.

– Ты должен проводить меня туда! Я лично хочу убедиться в истине твоих слов. Я хочу быть в доме, хочу видеть и слышать, действительно ли Сади привел Рецию в свой дом. Вот какого я требую доказательства, и требую сейчас же!

– Ты требуешь многого, принцесса! – сказал торжествующий грек. – В моей власти доставить тебе возможность взглянуть на тщательно скрытое от всех счастье Сади и Реции. Лучшего доказательства никто не в состоянии дать тебе, но я не советовал бы тебе, принцесса, идти сейчас же, не потому, что я не уверен в успехе, но потому, что теперь слишком светло и оживленно на улицах, так что нас могут узнать.

– В таком случае сделай себя неузнаваемым, как это сделаю я.
– Сади и Реция также могут нас заметить и начать подозревать!
– Скоро будет темно, приходи сюда через час... Нет, жди меня на террасе! Закрой себе лицо и оденься в другое платье!

Сильно взволнованная принцесса отпустила грека, довольного успехом своего первого шага, и позвала обратно своих прислужниц, чтобы переодеться таким образом, чтобы не быть узнанной. Для турчанок подобное переодевание легче, чем для кого-либо другого, так как они совершенно закрывают себе лицо покрывалом. Широкого платья, которое скрыло бы фигуру, совершенно достаточно, чтобы они могли явиться куда угодно, не будучи узнанными. Прислужницы принесли другое покрывало, и принцесса надела его сверх того, которое уже на ней было. Никто еще не видел принцессы без покрывала, даже ее прислужницы не могли похвалиться, что видели черты ее лица. Никогда, даже оставаясь совсем одна, принцесса не понимала покрывала. Затем она закуталась в широкий плащ и отправилась на террасу своего дворца.

На каменной лестнице, уходившей в канал, стоял Лаццаро. На голове его был пестрый платок, скрывавший лицо. Он низко поклонился своей повелительнице, которая, ни слова не говоря, подошла к нему и стала спускаться вниз по лестнице к воде. Сойдя вниз, она села в маленькую простую лодку. Грек последовал за нею, а гребцы взялись за весла. Лаццаро приказал им грести в Скутари.

Солнце уже зашло, на небе начали показываться первые звезды, и грек нашел, что уже достаточно темно, чтобы привести в исполнение их предприятие; тем более что узкие улицы предместья были темными и пустынными.

Принцесса и ее спутник вышли из лодки и направились к Коралловой улице, где стоял дом Сади. Улица эта вполне оправдывала свое название, потому что на ней жили большей частью торговцы кораллами; почти все они были евреи, которые кое-где сидели у дверей своих домов. Несколько турок также все еще курили на улице трубки и разговаривали между собой. Никто не обратил внимания на спутницу Лаццаро.

– Здесь! Мы пришли, принцесса, – прошептал грек, когда они прошли маленький, но веселый по наружности домик Сади и подошли к стоявшему рядом большому и, должно быть, необитаемому дому.

Лаццаро вынул из кармана ключ и открыл им дверь необитаемого дома, затем, оглянувшись вокруг, не наблюдает ли за ними кто-нибудь, он поспешно вошел в дом вместе с принцессой.

– Разве это дом Сади? – спросила принцесса. – Как достал ты от него ключ?

– Сади принадлежит соседний дом, принцесса, – шепотом отвечал Лаццаро, – мне стоило большого труда получить доступ в этот дом, из которого мы отлично можем все видеть и слышать, не будучи сами замечены! Я надеюсь, что ты довольна!

– Встретим ли мы кого-нибудь в доме?

– Нет, светлейшая принцесса, дом пуст и весь к твоим услугам!

Принцесса пошла вперед по темному коридору. Грек последовал за ней, предварительно заперев дверь на ключ. Затем он вынул из кармана маленький потайной фонарь и стал освещать путь.

– Твоя милость позволит мне идти вперед, чтобы указывать дорогу? – спросил грек и пошел вперед. Через коридор они вышли во двор, перешли через него к другой двери, которую грек снова отпер. Пройдя несколько комнат, они подошли к лестнице, Лаццаро посветил принцессе и помог подняться по ступеням. Они поднялись на площадку, от которой шел коридор со множеством дверей.

В каждом турецком доме в Константинополе есть во дворе внутренний флигель, в котором находятся женские комнаты. В один из таких флигелей грек ввел принцессу, тщательно

закрывая полою фонарь, как бы боясь, чтобы кто-нибудь не заметил огня. Комната, в которую вошел Лаццаро с принцессой, была темна и пуста, и в ней было всего одно маленькое окно, выходившее во двор.

– Сейчас ты увидишь Сади и Рецию, принцесса, – прошептал грек. – Позволь мне дать тебе возможность заглянуть внутрь дома Сади.

Вдруг Рошане послышался какой-то шум, как будто неясный шепот влюбленных. Кровь закипела в ее сердце при этом шуме, потому что она вообразила себя вблизи Реции и Сади. Итак, Лаццаро не солгал, у Сади была возлюбленная, которую он прятал у себя, несмотря на все опасности.

Тогда грек подошел к стене, закрыл потайной фонарь, затем он, казалось, открыл какой-то проход или вынул несколько камней. Слова стали доноситься яснее. Вместе с тем в комнату пробрался луч света.

Рошана поспешно подошла к тому месту, откуда виднелся свет, и увидела, что в стене было вынута несколько кирпичей и на высоте глаз сделано насквозь в соседний дом два отверстия, в которые можно было свободно видеть все, что делалось внутри, тогда как в то же время эти отверстия были совершенно незаметны из соседнего дома. Принцесса наклонилась с любопытством к отверстиям и увидела, что они выходили в женское отделение соседнего дома. Рошана легко могла оглядеть всю комнату, которая была освещена лампой. То, что Рошана там увидела, страшно поразило ее! Сердце ее перестало биться, дыхание остановилось, она точно окаменела. В освещенной комнате Реция лежала в объятиях своего дорогого Сади, который крепко прижимал к себе возлюбленную и с неописуемой любовью глядел в ее черные глаза. Это была картина полнейшего счастья. Сади наклонился и поцеловал молодую женщину. Принцесса была не в состоянии переносить долее этого зрелища. Ревность так сильно заговорила в ней, что она чуть не выдала себя и Лаццаро. Но она успела победить себя, хотя это стоило ей большого труда. Рошана отошла от отверстия.

– Возьми фонарь и посвети мне! – приказала она бесцветным голосом.

Лаццаро видел, какое сильное впечатление произвело на принцессу все виденное, но не сказал ничего и молча исполнил ее приказание.

Принцесса не произнесла ни слова, не пошла в дом Сади, не бросилась между любовниками, но она решила во что бы то ни стало уничтожить и раздавить соперницу! Они не будут знать, кто их поразит, но тем ужаснее будет месть.

Рошана пылала от неслыханного оскорбления и всю обратную дорогу только и думала о мести. В этих мыслях провела она всю ночь... Перед ее глазами стоял образ влюбленных.

ХІІІ. Гадалка из Галаты

Если идти из главной части Константинополя, называемой собственно Стамбулом, по большому главному мосту на другой берег Золотого Рога, то прежде всего войдешь в часть города, называемую Галатой. Вслед за Галатой идет заселенный иностранцами, посланниками и христианскими путешественниками квартал Пера, в котором европейский характер настолько преобладает, что даже большая часть улиц носит французские названия и все дома выстроены на европейский лад. Впрочем, это можно сказать только про ту часть Перы, которая идет по берегу. Внутренняя же часть так же грязна и состоит из таких же маленьких деревянных домиков, как и Галата, которая составляет центр торговли в Константинополе. В Галате есть всего только одна мечеть, тогда как другие части города имеют их почти сто, и это обстоятельство лучше всего доказывает, что в этой части живет много евреев, греков и различных иностранных торговцев. В той части Галаты, которая идет по берегу, стоят землянки, в которых живут фокусники, цыгане, укротители змей и веселые женщины всех наций, и иностранец сделает хорошо, если будет избегать этих проклятых береговых улиц, где воздух кажется насквозь пропитанным заразой. С одного до другого конца предместья проходит одна главная улица, от которой расходится целый лабиринт узеньких грязных переулков.

На главной улице Галаты был сильный шум. Караульные на Генуэзской башне старинной цитадели увидели сверху огонь в Скутари и дали об этом сигнал барабанным боем; караульные, стоявшие на другом берегу, на башне военного министерства, называемого сераскиератом, ответили на этот сигнал. Тогда с батареи было сделано семь выстрелов, чтобы дать всем знать, что в Скутари пожар, тогда как в Скутари по улицам были посланы гонцы, кричавшие: «Пожар! пожар!» Часовые на улицах присоединились, в свою очередь, к этим крикам, давая знать, где горит. Шум и суматоха на улицах еще более увеличились, когда на пожар побежали солдаты, неся с собою лестницы и ведра, и пожарные с ручными насосами.

Пожар, казалось, все более и более увеличивался, потому что зарево делалось все больше.

Когда в Константинополе загораются деревянные дома, то никто уже не думает гасить загоревшийся дом, а только отстаивают соседние, чтобы предупредить распространение пожара, который бывает ужасен в части города, застроенной почти только деревянными домами; так за несколько лет перед этим выгорела вся Пера. Однако на этот раз пожар ограничился только тем домом, в котором начался, и скоро весь народ, спешивший сначала на пожар, возвращался обратно.

В то время как толпа, шедшая с пожара, проходила по главной улице Галаты, в темноте раздался громкий крик о помощи. Это был крик ребенка или молодой девушки. Вдруг с середины улицы появился какой-то человек с ножом в руках, угрожая им всякому, кто осмелился бы преградить ему путь. Между тем снова раздался крик о помощи, и он звучал так громко и в то же время так угрожающе, что трудно было понять, в чем дело, тем более что окружающие с трудом могли видеть в темноте. Можно было различить только, что какое-то существо, покрытое кровью, лежало на земле у ног человека с ножом. Большинство думало сначала, что лежащий на земле просит о помощи, но вскоре все увидели, что, напротив, он хотел во что бы то ни стало удержать незнакомца с ножом.

– Помогите! – кричал лежавший на земле. – Помогите! Это он поджег там дом! Схватите его! Он хочет меня убить!

– Ты сама этого хотела! – вскричал человек с ножом. – Так умри же!

Он нанес сильный удар лежавшему у его ног существу, которое слабо вскрикнуло, и длинные руки, державшие, как в тисках, ноги незнакомца, бессильно опустились. Большинство зрителей хотели броситься к лежавшей на земле жертве, некоторые же хотели остановить человека с ножом.

– Держите его! Позовите кавасов! – раздались голоса, и множество рук с угрозой потянулись к незнакомцу. – Он совершил поджог!

– Назад, если вам жизнь дорога! – вскричал, сверкая глазами и с угрозой размахивая ножом, обвиняемый в поджоге. – Тот, кто первый подойдет ко мне, простится с жизнью.

Толпа попятилась, все окружающие были испуганы не столько угрозами незнакомца, сколько его взглядом, имевшим сходство со взглядом змеи.

– Это грек! Убитая – дочь гадалки! Держите его! Он не должен убежать! – кричали одни.

– Что вы верите Карлику! Оставьте в покое грека! – кричали другие.

В одно мгновение толпа разделилась на две партии.

– Схватите его! Ведите под арест!

– Я Лаццаро, слуга принцессы Рошаны, – сказал тогда незнакомец, – неужели вы больше поверите сумасшедшей, чем мне?

– Какой у него злой взгляд! – шептали некоторые.

– Это Черный Карлик, – говорили некоторые, глядя на лежавшее на земле существо, в котором читатель, вероятно, уже узнал бедную Сирру, – стоит ли поднимать из-за нее шум?

– Жива ли она?

– Пусть ее лежит, старуха гадалка придет взять ее, – говорили другие.

В эту минуту по улице проезжал экипаж. Толпа разделилась, чтобы пропустить карету. Когда грек взглянул на ехавших, он сейчас же узнал, кто едет, и воспользовался случаем, чтобы спокойно уйти. В карете сидели две женщины под покрывалами, и толпа, расступившаяся, чтобы дать дорогу, стала кричать, что это султанша Валиде со своей прислужницей, а так как султанша раздавала много денег бедным и устроила для них кухню, то у нее было довольно много приверженцев среди низшего сословия, которые находились и на этот раз в толпе и бросились на колени по обе стороны экипажа, низко наклонив головы и приложив руки к груди.

Между тем лошади, увидав лежавшую на земле Сирру, бросились в сторону.

– Что случилось? – с неудовольствием спросила султанша Валиде, когда карета остановилась, потому что кучер сильно натянул вожжи, чтобы удержать лошадей. – Селим, посмотри, что там такое! – приказала султанша негру-лакею, сидевшему рядом с кучером.

Селим поспешно соскочил с козел, увидел Сирру, лежавшую на улице, расспросил стоявших вокруг и, подняв покрытую кровью девушку, подошел с нею к карете султанши, зная, что подобное зрелище не может испугать его повелительницу.

– Черный Карлик, – сказал он. – Кажется, она мертва! Это дочь Кадиджи!

– Неужели это человеческое существо? – спросила султанша, с любопытством глядя на безжизненную массу, которую Селим держал на руках.

– Черный Карлик как бы наполовину человек, – отвечал Селим, – у нее длинные руки и большая спина.

– Это дочь гадалки? Иди за мной, я хочу отнести к ней дочь, – сказала султанша, выходя из кареты. – Знаешь ты, где живет Кадиджа? – продолжала она, обращаясь к своей спутнице, тогда как следовавшие за каретой кавасы в одно мгновение разогнали палками окружающую толпу.

– Я знаю, где живет Кадиджа, могущественная повелительница, – отвечала прислужница, – но ее жилище отвратительно, и я боюсь твоей немилости, если провожу тебя туда.

– Это воля судьбы. Я хочу идти к Кадидже! Я хочу отнести к ней дочь и переговорить с ней. Веди меня!

– Как прикажешь, повелительница, – отвечала невольница.

Султанша сделала знак Селиму следовать за ней с бесчувственной Сиррой на руках.

Прислужница повернула на набережную, где горели редкие фонари. С иностранных кораблей слышались песни матросов, а издали из какой-нибудь кофейни доносились музыка

и пение. Но султанша Валиде была не такая женщина, чтобы из-за таких пустяков не исполнить задуманного ею плана.

Когда султанша дошла до первого перекрестка, то вдруг до нее донесся раздраженный женский голос.

– Где она, змея ядовитая, Карлик? Где она, негодная дрянь? – кричала раздраженная Кадиджа, искавшая свою дочь с такими «словами любви», приближаясь к султанше и не подозревая, кто эта знатная турчанка. Только подойдя к ней и увидев кавасов, черного невольника и блестящий экипаж, следовавший за султаншей, гадалка узнала, кто идет к ней навстречу, и ее крики мгновенно смолкли.

– Это ты, Кадиджа? – спросила султанша.

Гадалка бросилась на колени.

– Какое счастье выпало мне! – вскричала она. – Повелительница правоверных стоит передо мной, да будет благословен этот час, и пусть пропадает моя отвратительная дочь!

– Я шла к тебе. Проводи меня к себе в дом! – приказала султанша Валиде.

– Какое счастье, какая честь и милость выпадают на мою долю! Сама могущественная султанша пришла к своей рабе! – вскричала гадалка, протягивая к султанше свои костлявые руки. – Но мой дом беден, и наши полы не покрыты коврами, достойными твоих ног!

– Однако ты могла бы жить хорошо, так как я знаю, что ты богата. У тебя есть дочь?

– Да, есть, повелительница! Аллах обрушил на меня свой гнев! Моя дочь – урод! И на несчастье, она не умирает! К тому же у нее черное сердце, и она больше привязана ко всякому встречному, чем ко мне.

– Селим! – позвала султанша своего слугу, потом, обратясь к Кадидже, продолжала: – Посмотри сюда, твоя ли это дочь?

– Да, это она! Это Сирра! Она умерла! Залита кровью! – вскричала гадалка. – Вот рана от удара ножом!

– Возьми свою дочь, я нашла ее лежащей в этом положении на дороге, – сказала султанша.

– Она умерла! Велик Аллах! – вскричала старая Кадиджа. – Никто не знает, что с ней случилось. Она умерла, и я наконец освободилась от нее! Ты приказала поднять мертвую и принести мне ее, это хороший знак.

– Уверена ли ты, что она умерла? – спросила султанша старуху, которая взяла Сирру из рук Селима.

– Да, умерла, положительно умерла!

– Ты, как я вижу, желала этого.

– Она была несчастное создание, для чего было ей жить на свете? Теперь же все кончено. Аллах велик.

– Мне надо поговорить с тобой. Проводи меня к себе!

Старуха еще несколько раз повторила о своем счастье и радости видеть у себя султаншу и повела ее, сгибаясь под тяжестью безжизненной Сирры, пока наконец не привела к маленькому низенькому домишке, одна стена которого опускалась в воду.

– Вот дом Кадиджи, которая удостоится сегодня такой неслыханной чести, – сказала старуха.

В одном из окон дома виден был свет. Дверь была заперта. Кадиджа отперла ее и, положив Сирру на землю у порога, поспешно вошла в дом и принесла лампу, чтобы осветить султанше. Гадалка ввела ее в комнату, вся обстановка которой состояла из старого дивана и круглого стола, стоявшего посередине комнаты, на который Кадиджа поставила лампу. Затем она принесла из другой комнаты старый ковер, который разостлала перед султаншей. Селим и прислужница султанши не вошли в дом, карета медленно ездилa взад и вперед по берегу.

– Ты знаешь, что я хотела во что бы то ни стало захватить в свои руки Саладина, сына принца, который по закону не должен был иметь сыновей, – сказала султанша, оставшись вдвоем с гадалкой. – Ты сказала мне, где находится ребенок, но он уже исчез оттуда.

– Ты опоздала, повелительница!

– Принц находится теперь в другом убежище?

– Я надеюсь, что на днях в состоянии буду указать тебе, где он теперь, – отвечала старуха, – я неустанно разыскиваю его. Я знаю, что принц Саладин не должен жить, но против нас действует какая-то сила.

– Про какую это силу ты говоришь? – подозрительно спросила султанша Валиде.

– Нет силы более могущественной, чем твоя власть, повелительница, – отвечала Кадиджа, – но против тебя действует кто-то, чье могущество тем ужаснее, что он действует во мраке. Никто не знает, кто это, но тем не менее это сопротивление существует.

– И ты думаешь, что эта сила, о которой ты говоришь, противится моим планам?

– Да, повелительница, ты угадала! И эта таинственная сила велика!

– Что же это за сила?

– Несчастье угрожает тебе и всему государству! – вскричала Кадиджа. – Золотая Маска показался снова!

– Селим говорил мне об этом, но не знаешь ли ты, что это за привидение?

– Оно враждебно тебе и всюду, где ни появляется, приносит с собой несчастье...

– В таком случае его надо схватить и уничтожить.

– Это значило бы только увеличить несчастье! Золотую Маску нельзя убить! Уничтожь его сегодня, завтра же он появится снова! Когда десять лет тому назад в Каире свирепствовала черная смерть, похищая каждый день тысячи людей, то перед этим на улицах города появился Золотая Маска – я была в Каире и видела сама! Чума пощадила меня и Сирру, и я бежала в Константинополь. Когда около семи лет тому назад Пера сделалась добычей пламени, которое уничтожило тысячи домов, то перед этим опять-таки появился таинственный Золотая Маска.

– И теперь привидение снова появилось?

– Да, всемогущая повелительница, это существо неуловимо и бессмертно! Когда больше чем двадцать лет тому назад была большая война в Стамбуле, перед нею видели Золотую Маску! Тогдашний шейх-уль-ислам Армид-эфенди велел схватить его. И преследователям удалось даже убить его, но так только казалось, потому что после того, как он был похоронен, он тут же снова появился. Сам Армид-эфенди видел это и приказал вырыть тело, где оно было похоронено, но земля была напрасно перерыта – Золотая Маска исчез!

Казалось, что этот рассказ о Золотой Маске сильно взволновал султаншу Валиде. Она была очень суеверна, и ее сильно обеспокоили слова колдуньи, что та сама видела привидение.

– Мансур-эфенди, мудрый и могущественный теперешний шейх-уль-ислам, также приказал поймать Золотую Маску, – продолжала Кадиджа, – но все напрасно.

Султанша Валиде перебила говорившую.

– Постарайся найти следы мальчика! – сказала она резким отрывистым тоном и пошла из комнаты, чтобы сесть в карету вместе со своей прислужницей.

Селим сел на козлы рядом с кучером, а гадалка, желая доказать свою преданность, упала на колени и поклонилась почти до земли, тогда как сильные лошади уносили обратно в сераль мрачную и задумчивую султаншу Валиде.

XIV. Три лейб-гвардейца

Несколько дней спустя после описанного нами события на гауптвахте в серале сидели три молодых человека из капиджи-баши. Один из них был Зора-бей, молодой знатный офицер, сын богатого чиновника из Смирны, нисколько не дороживший деньгами. Зора-бей был высок и строен. Его черные волосы и борода были тщательно причесаны, мундир сделан из тончайшей материи, перчатки всегда новы. Рядом с ним сидел Гассан-баши, черкес по происхождению, но уже давно переселившийся в Константинополь и посещавший военную школу в Тофане; он был моложе Зора-бея, не старше двадцати четырех лет. Выражение лица Гассана было суровое и решительное. Самый красивый и самый молодой из трех собеседников был уже знакомый нам Сади-баши. Но с тех пор, как мы его видели в последний раз, с ним, казалось, произошла перемена. Вместо обычной веселости лицо его носило на себе отпечаток скрытого горя.

– Итак, огонь в один час уничтожил твой дом? – спрашивал в эту минуту Гассан.

– Да, только один мой дом и сгорел! – отвечал Сади.

– Я очень сожалею о твоей потере, Сади-баши, – сказал Зора-бей, – тем более что на жалованье в настоящее время плохая надежда; во всяком случае, я прошу тебя смотреть на мой кошелек как на свой собственный.

– Благодарю тебя за предложение, но я не воспользуюсь им, потому что я умею довольствоваться малым, – отвечал Сади. – Потеря дома также не очень огорчала меня сначала, как вы сами могли заметить.

– Да, я понимаю, – заметил Гассан, – тебе жаль только того, что сгорело место, где ты вырос.

– Ты прав, мой добрый Гассан, но во время пожара меня поразил более тяжелый удар, – печально сказал Сади. – Вам я могу это доверить, друзья мои! Вы с распростертыми объятиями приняли меня в свою среду, хотя по моему происхождению я и не был достоин этого, поэтому вы заслуживаете моего полного доверия. У меня в доме была красавица Реция, дочь Альманзора, которую преследует глава дервишей Кадри, а теперь она нашла смерть в огне или же похищена кем-нибудь во время пожара.

– Ты не нашел ее снова?

– До сих пор все мои старания были тщетны, – продолжал Сади, – но это еще не все. Принц Саладин также был у меня в доме и исчез вместе с Рецией.

– Я ручаюсь головой, что это дело Мансура-эфенди или Гамида-кади! – вскричал с гневом Гассан.

– Тише! Не забывай, что пока они еще наши начальники, – заметил осторожный Зора-бей. – Итак, твоя жена и принц оба исчезли?

– Оба.

– Это ясно! – вскричал Гассан, не отличавшийся турецкой сдержанностью, которой в высшей степени обладал Зора-бей. – Ясно, что это дело дервишей Кадри, которые узнали местопребывание принца Саладина, любимого сына принца Мурада, наследника престола и племянника теперешнего повелителя правоверных! Тому, кто завладеет Саладином, легко будет иметь большое влияние на наследника престола, отца мальчика, принца, который напрасно ищет сына. Вот вам и объяснение этой охоты за маленьким принцем.

– Я также твердо убежден, что это дело рук главы дервишей Кадри, и поэтому я твердо решил выйти из этого полка, который имеет своим главой шейх-уль-ислама! – сказал Сади-баши. – Я лучше хочу быть солдатом в другом полку, чем здесь офицером.

– Я согласен с тобою, Сади, я также не хочу оставаться в полку, который служит орудием в темных делах, – не колеблясь, объявил Гассан.

– Я уже давно решил при первой возможности выйти из капиджи-баши, – сказал, улыбаясь, Зора-бей, – так что мы в этом отношении сходимся все трое. Прежде всего надо, чтобы были ясны цели тех, кому надо служить. Что же касается планов, которые преследует глава капиджи-баши, то они или совершенно необъяснимы, или же прямо противоречат верности султану. Но возвратимся к твоей тяжелой потере, – продолжал он, обращаясь к Сади, – хорошо ли ты обыскал место пожара?

– Все до последней головни пересмотрено мною! Очевидно, рассчитывали, что не только Реция с принцем, но и я погибнем в пламени. В тот вечер, как вы знаете, я был свободен от службы, и только случай заставил меня пробыть несколько лишних часов в Стамбуле, и когда я узнал о пожаре, то был у сераля. Мне и в голову не пришло, что горел мой дом, но зная, что пожар, во всяком случае, недалеко, я поспешил домой и, придя, нашел только обгорелые остатки. Невозможно было открыть никаких следов Реции и бедного ребенка, и никто не знал, каким образом произошел пожар.

– Невероятно, чтобы Реция и принц нашли смерть в огне, – заметил Зора-бей, – во всяком случае, кто-нибудь на улице слышал бы крик застигнутых огнем, и ты нашел бы хоть какие-нибудь останки их.

– Нет сомнения, что твоя Реция и мальчик просто похищены! – вскричал Гассан. – Да и я думаю, что пожар был устроен нарочно для этого. Это мы должны узнать во что бы то ни стало, ты ведь согласен со мною в этом, благородный Зора-бей?

– Рассчитывай на меня, Сади, – сказал Зора-бей вместо ответа на слова Гассана, протягивая руку Сади, – рассчитывай на меня как на своего помощника. Мы сделаем все, что можем, чтобы отыскать Рецию и принца.

– Отлично, мой благородный товарищ! – вскричал пылкий Гассан. – Мы соединимся, чтобы оказать помощь другу. Мы будем помогать тебе, Сади, а нашей тайной целью будет...

– Молчи, Гассан! – прошептал Зора-бей. Действительно, в эту самую минуту дверь отворилась и на пороге появился придворный. Друзья вежливо поклонились ему.

– Я ищу Магомет-бея, – сказал вошедший, обращаясь к Зора-бею, который пошел ему навстречу. – Его величество султан приехал в сераль и желает лично отдать какое-то приказание начальнику капиджи-баши.

– Я очень сожалею, но Магомет-бея нет в настоящее время во дворце, – отвечал Зора-бей, – но если ты прикажешь, то за ним можно послать.

– Это будет слишком долго! Кто заменяет его?

– Зора-бей, который имеет честь говорить с тобою.

– В таком случае пойдем со мной, – сказал придворный, – его величество желает, кажется, дать какое-то спешное поручение; в чем оно состоит, я не знаю, но мне не велено возвращаться без офицера, так как его величество желает сейчас же возвратиться в Беглербег.

– Я очень счастлив, что мне предстоит честь исполнить приказание повелителя правоправных, – отвечал Зора-бей и отправился вслед за придворным в покои султанши Валиде, у которой сидел султан Абдул-Азис, ее сын.

Абдул-Азис во всем повиновался матери и слушался ее советов гораздо более, чем всех своих визирей. Он ожидал возвращения посланного в большой комнате, отделанной на европейский лад. Вся мебель, ковры, бронза и даже обои были выписаны из Парижа. Султан, одетый в черное европейское платье и со звездой на шее, стоял у маленького столика, на котором лежало несколько бумаг.

Придворный вошел первым и доложил султану, что привел дежурного офицера. Султан был бледен и, видимо, взволнован. Наружность султана, человека еще не старого и довольно полного, в обыкновенное время выражала апатию, но на этот раз он был довольно оживлен.

– Подойди сюда! – приказал он Зора-бею. – Ты офицер капиджи-баши?

– Да, ваше величество, – отвечал молодой человек, – Зора-бей, сегодня дежурный по караулу.

Несколько мгновений султан молча рассматривал Зора-бея.

– Со мной здесь два мои адъютанта, – сказал он наконец, – но для исполнения того, что я хочу тебе поручить, мне нужен другой офицер.

– Приказание вашего величества будет в точности исполнено!

– В этом я не сомневаюсь! Это поручение очень важно, и я думаю, что тебе одному невозможно будет его исполнить, – сказал султан, понижая голос. Казалось, Зора-бей внушил султану доверие. – Тебе нужны будут помощники, которые сумели бы сохранить все дело в тайне!

– Ваше величество оказывает мне большую честь своим доверием, и я надеюсь показать себя достойным его. Мой отец также пользовался доверием своего повелителя и никогда не изменял ему.

– Кто был твой отец?

– Эссад-ага, флигель-адъютант.

– Я очень рад слышать, что ты сын Эссада-аги, я его очень хорошо помню! – вскричал султан. – Жив ли еще твой отец?

– Да, ваше величество! Эссад-паша в настоящее время, милостью вашего величества, губернатор Смирны.

– Хорошо! Поговорим о деле. Я хочу дать тебе одно очень важное для меня и спешное поручение. Мне передали, что один из моих визирей вошел в тайные сношения с принцами, моими племянниками, и ночью имеет с ними свидания. Я хочу узнать, в чем состоят эти сношения и насколько злоупотребляют моим доверием. Визирь, имя которого не относится к делу, пошлет сегодня ночью депешу принцу со своим доверенным адъютантом Галил-беем. Я хочу завладеть и доверенным, и депешей. Но это должно быть сделано быстро и без шума.

– Я горю желанием немедленно исполнить поручение вашего величества! – отвечал Зора-бей.

– Знаешь ты Галил-бея?

– Да, ваше величество! Если я не ошибаюсь, то Галил-бей – адъютант Мустафа-паши.

– Да! Но вот что еще: во дворец принца ведут три дороги, я не знаю, известны ли они тебе. Одна дорога идет от Перы, через Долма-Бахче, вторая от Скутари по другому берегу Босфора, третья дорога водой, следовательно, ты один не можешь исполнить моего поручения.

– Нас должно быть трое, чтобы наблюдать за каждой из трех дорог. У меня есть два товарища, на которых я так же могу положиться, как на самого себя, и которые в настоящее время здесь во дворце. Если ваше величество позволит мне, то я посвящу их, насколько это необходимо, в данное мне поручение.

– Кто эти товарищи, о которых ты говоришь?

– Гассан-баши и Сади-баши.

– Не тот ли Сади, который сопровождал меня во дворец?

– Точно так, ваше величество!

– Если ты возьмешь их себе в помощники, то они, так же как и ты, должны хранить глубочайшую тайну. Я приказываю это под страхом моего гнева! Если же кому-нибудь из вас удастся схватить курьера, то я щедро награжу того. Иди!

Зора-бей поклонился и оставил комнату. Султан снова позвал его.

– Я сейчас еду обратно в Беглербег, – сказал он, – принеси мне туда известие о захвате депеши и аресте гонца.

Зора-бей поспешил к своим товарищам, которые с нетерпением ждали его.

– Хорошая новость, – сказал он, не расставаясь, однако, со своим обычным спокойствием, – я принес для нас троих дело, за исполнение которого мы можем получить большие выгоды.

– Ты был у султана? – спросил Гассан. Сади также со вниманием слушал.

– Около полуночи мы должны отправиться по трем различным дорогам, чтобы схватить Галил-бея, – отвечал Зора-бей.

– Галила, адъютанта Мустафы-паши? Что же такое случилось? – спросил Гассан.

Зора-бей пожал плечами.

– Мы должны его и находящуюся у него депешу ночью же доставить в Беглербег и передать султану, – сказал он, – в этом состоит все поручение.

– А куда же ведут дороги? – спросил Сади, глаза которого засверкали.

– В Терапию.

– Значит, ко дворцу принцев.

– Галил-бей должен во что бы то ни стало быть схвачен прежде, чем он доедет до дворца, – продолжал Зора-бей (в это время в дверях показалась чья-то голова). – Чтобы не ошибиться, мы должны ехать сейчас же. Ты, Гассан, возьми себе ту дорогу, которая идет от Скутари, ты, Сади, – дорогу по морю, так как твоему умению бороться с этой стихией мы обязаны тем, что видим тебя среди нас; что касается меня, то я возьму себе дорогу через Долма-Бахче.

– Отлично! – вскричал Гассан. – Он не уйдет от нас!

– Я ручаюсь, что водой Галил-бею не удастся пробраться во дворец, – сказал Сади, которого поручение султана наполнило благородным воодушевлением. – До свидания, друзья мои. Но где же мы сойдемся, если один из нас захватит курьера? Каким образом тот, кому повезет, даст об этом знать остальным?

– Три пути лежат не очень далеко один от другого, – отвечал Зора-бей (между тем как в дверях снова мелькнула прежняя голова). – Тот, кто схватит курьера и депешу, главное – депешу, тот три раза выстрелит из револьвера. Три выстрела будут для остальных сигналом отправиться к Беглербегу, потому что захваченный должен быть отведен туда, и там мы все встретимся.

– Отлично! А теперь вперед! – вскричал Гассан.

– Вы сядете на коней, а я в лодку, – сказал Сади. – Прощайте! Мне очень любопытно знать, кому из нас улыбнется счастье, кто захватит курьера и депешу.

На этом друзья расстались.

XV. Ангел и демон

В ту ночь, когда пожар уничтожил до основания домик Сади, грек Лаццаро возвратился во дворец принцессы в оборванном платье и весь в крови, но, казалось, он не обращал никакого внимания на эти следы борьбы. Как только он поднялся по ступеням лестницы, навстречу ему вышла прислужница принцессы, Эсма, и сказала, что принцесса с нетерпением ждет его и в течение часа спрашивала о нем более десяти раз. Она передала ему также приказание принцессы, не теряя ни минуты, идти к ней. Лаццаро повиновался и прямо пошел к принцессе.

Она сидела на диване и читала французскую книгу, которую не раз бросала в нетерпении и потом снова брала. На маленьком столике перед диваном, на котором полулежала принцесса, стояла бутылка шампанского и стакан, из которого принцесса понемногу пила вино. Когда Эсма доложила наконец о приходе Лаццаро, то Рошана бросила книгу и приказала выйти бывшим в комнате невольницам, так как хотела остаться наедине с Лаццаро.

– На Коралловой улице был пожар, – сказала принцесса, как только Лаццаро вошел в комнату. – Я боюсь за жизнь Сади-баши, так как горел его дом.

– Точно так, принцесса, горел дом Сади-баши, – отвечал Лаццаро, и дьявольская улыбка искривила его губы.

– Говори, был ли Сади дома?

– Если бы он был дома, то не было бы пожара.

– Я так и думала, значит, это ты сделал, – прошептала принцесса. – Знаешь ли ты, что могло случиться, если бы тебя поймали?

– Тогда Реция и принц не были бы в моих руках, – отвечал грек с улыбкой, придававшей страшное выражение его бледному лицу.

– Я спрашиваю тебя, знаешь ли ты, что было бы тогда с тобой?

– Разумеется, светлейшая принцесса, меня, конечно, наказали бы за поджог.

– Ты изверг! – прошептала Рошана. – Благодарение Аллаху, что Сади не было дома, но если бы Сади сгорел, то я приказала бы тебя зашить в кожаный мешок и бросить живого в канал.

– Это всегдашняя история, – дерзко сказал грек, – удастся уладить – тогда все хорошо и все средства дозволены, не удастся – несдобровать бедному слуге. Скажи мне, повелительница, исполнил ли я твое желание, захватив Рецию и принца?

– Почему ты спрашиваешь меня об этом? Да, конечно, я приказала тебе это сделать.

– Хорошо, а как же должен был Лаццаро в густонаселенном квартале захватить двух упомянутых лиц? Как мог он завладеть ими? Я стал советоваться сам с собой и нашел, что это лучше всего устроить в суматохе, во время пожара. Я привел в исполнение эту мысль, и сам Сади-баши должен меня благодарить, что я избавил его от старого хлама, потому что его дом был совсем в развалинах, а тебе, принцесса, представляется случай выстроить новый дом спасителю твоей жизни.

– Сади не было дома... рассказывай дальше!

– Я поджег, когда начало темнеть, и сухое дерево вспыхнуло так быстро, что, бросившись в дом, я сам подвергся опасности. В дверях надворного флигеля я наткнулся на испуганную Рецию, жену Сади. Она была хороша как ангел, – продолжал он, наблюдая, какое впечатление производят на принцессу его похвалы Реции. – Она одевалась еще лучше, с тех пор как жила в доме Сади. Маленький принц, плача, держался за ее платье. Весь двор был наполнен дымом, соседи уже начали сбегаться на помощь, чтобы тушить огонь. Я схватил Рецию вместе с ребенком и посадил в карету, в которой мы доехали до берега, там я взял большую лодку, в которой отправился в Галату вместе с моей кричавшей и плакавшей добычей, которую я поместил в дом гадалки Кадижди.

– И это удалось тебе без всякой помехи?
– Я говорил всем, что несчастная от горя потеряла рассудок.
– А никто не видел, как ты поджег дом и тайно похитил Рецию и принца?
– Все равно что никто!
– Что это значит? Я тебя не понимаю!
– Это видел урод, Черный Карлик.
– Кто это?
– Дочь Кадиджи.
– Она видела это – где же она теперь?
– Она умерла, светлейшая принцесса. Негодная кошка напала на меня в Галате, называя поджигателем, она вцепилась в меня и разорвала на мне платье, тогда я должен был употребить против нее силу. Я оставил ее на улице мертвой. Старуха Кадиджа будет очень рада этому.
– Так что это теперь никому не известно?
– Никому, кроме тебя и меня, даже Кадиджа не знает ничего.
– Но она узнает все от Реции и от мальчика.
– Я уже позаботился, чтобы этого не случилось. Я отвел Рецию и мальчика в одну из комнат в доме Кадиджи и запер их там, вот и ключ, светлейшая принцесса, – продолжал Лаццаро, подавая его принцессе. – Пленники в твоих руках, я отдаю их тебе.
– Ты доказал мне свое благоразумие и решительность, – сказала Рошана, очень довольная случившимся. – Завтра утром можешь получить у моего банкира десять тысяч пиастров.
– Твое великодушие и милость неисчерпаемы, принцесса! – вскричал грек, низко кланяясь.
– Но прежде ты должен исполнить еще одно важное поручение, – перебила его Рошана. – В доме гадалки Реция и принц недостаточно хорошо скрыты. Они могут легко убежать оттуда. В одну из следующих ночей ты отвезешь Рецию и мальчика в развалины к дервишам. Передай их Мансуру-эфенди, во всем же остальном мы можем положиться на его мудрость.
– Будет исполнено, повелительница.
– В таком случае возьми ключ.
– Сегодня уже поздно, я отвезу пленников в развалины в следующую ночь. Во всяком случае, я пойду теперь посмотреть, что они делают, и скажу старой Кадидже, что она скоро освободится от них. Да пошлет тебе Аллах спокойный сон и приятные сновидения!
Лаццаро ушел.
– Он жив – и он будет мой, – прошептала Рошана, оставшись одна.
Между тем в это время Сирра лежала во дворе там, куда положила ее старая Кадиджа с тем, чтобы на следующий день похоронить.
Может быть, читатель усомнится, можно ли это так просто сделать? Неужели же, скажет он, покойник не должен быть осмотрен доктором, который определил бы причину его смерти, и, следовательно, сказал бы, что несчастная девушка умерла насильственной смертью?
Да это было бы так, если бы дело происходило не в Турции. Осмотр покойника имеет место в Турции только тогда, когда этого требуют и притом платят за это. Что же касается той части Галаты, в которой жила гадалка, то там происходят такие вещи, какие никому не снились в самых грязных кварталах Лондона и Парижа. Трудно определить количество жертв, погибающих в этом квартале.
Итак, гадалка нимало не заботилась о бедной Сирре. Когда султанша Валиде уехала, старуха отправилась в один близко стоявший дом, в котором продавали опиум и гашиш, а также вино и водку, употребление которых запрещено мусульманам.
Старая Кадиджа любила спиртные напитки и часто опьяняла себя опиумом и гашишем, чудесное действие которого мы узнаем впоследствии. На этот раз она купила бутылку кипрского вина. Возвратившись домой, Кадиджа вдруг услышала слабый стон, она испугалась

и подумала о Сирре, но последняя лежала по-прежнему неподвижно. Тогда старуха стала прислушиваться и услышала, что стон выходит из комнаты, в которую Лаццаро запер своих пленников. Но это нисколько ее не касалось, поэтому она преспокойно отправилась в свою комнату, где принялась за принесенное вино, которое пила до тех пор, пока не опьянела и не заснула. Тогда в доме старухи-гадалки все стихло, только из одной комнаты слышался слабый крик о помощи, но и тот скоро стих. Зато из соседних кофеен доносились веселые крики, песни и музыка.

Вдруг в доме гадалки произошло что-то необыкновенное – слабый крик пронесся в воздухе, и снова все стихло. В это же самое время дверь в ту комнату, где спала Кадиджа, приотворилась, и на пороге появилась уродливая фигура несчастной Сирры. Ее голова и все тело были покрыты ранами, но она была жива и, придя в себя, осторожно пробралась в дом. Увидев мать спящей, она тихонько пробралась к кадке с водой и начала осторожно обмывать свои раны, боясь, чтобы плеск воды не разбудил ненавидевшую ее мать. Бедная девушка готова была снова лишиться чувств от боли. В это мгновение из внутренних комнат снова раздался глухой крик о помощи и слабые рыдания. Черная Сирра стала прислушиваться.

Вдруг она, казалось, узнала голос, звавший на помощь. Она сильно вздрогнула – итак, проклятый грек привез сюда Рецию и мальчика. Сирра не видела этого, она видела только, как он поджег дом, но в суматохе она потеряла его из виду и встретила только тогда, когда, отвезя Рецию с мальчиком к Кадидже, грек вновь вернулся на пожар. Мы были свидетелями сцены, происшедшей при этом.

В то же мгновение, как только Сирра узнала голос, зовущий на помощь, решение было ею принято; она не думала ни о своей слабости, ни об опасности, которой подвергалась. Единственное желание наполняло ее душу – спасти во что бы то ни стало Рецию и Саладина, единственная мысль – расстроить планы грека. Сирра не чувствовала более слабости, она сознавала только то, что без нее Реция погибнет, что она, Черный Карлик, должна быть спасительницей пленников, и это сознание придало ей новые силы. Она отлично знала все углы и закоулки в доме, поэтому могла без малейшего шума пробраться к той комнате, где были заперты Реция и Саладин.

– Помогите! Сжальтесь! – глухо раздавалось из-за толстой двери, и этот крик глубоко проник в сердце бедной Сирры.

Она подошла к самой двери.

– Помощь близка, – сказала она дрожащим и слабым голосом, который прозвучал, как небесная музыка. – Сирра здесь. Будь покойна, бедная Реция. Я спасу тебя и Саладина, я освобожу вас.

– Ты здесь! Слава Аллаху! – вскричала Реция, и рыдания мальчика смолкли.

– Я иду, я освобожу тебя, – продолжала Сирра и стала искать в темноте ключ.

В это время снаружи послышался стук. Сирра вздрогнула. Кто-то пришел. Кто это мог быть? Никто, кроме грека. Стук повторился, и на этот раз громче. Сирра поспешила обратно к дверям. Страх, испуг и потеря крови наконец сломили ее, и она упала без чувств.

Между тем Лаццаро с нетерпением снова постучался. Тогда старуха гадалка начала наконец просыпаться. Просыпаясь, она опрокинула стол и стоявшую на нем бутылку с остатками вина. Кадиджа стала браниться, потом зажгла огонь и отправилась, шатаясь, к воротам. Трудно представить себе, какой отвратительный вид имела полупьяная старая колдунья, явившаяся отворять дверь. Она чуть не наткнулась на лежавшую Сирру.

– Кто там? – спросила она.

– Отвори! – раздалось в ответ.

– Ого, это ты, Лаццаро, скажи мне, ты был сегодня уже здесь или нет? Я никак не могу этого припомнить! Вся беда – старость! Память совсем пропала, – продолжала Кадиджа, отворяя дверь.

Грек поспешно вошел и запер за собою дверь. При слабом свете фонаря он увидел Сирру, лежавшую в углу.

– Сирра умерла! – объявила гадалка. Лаццаро только теперь заметил, что старуха пьяна. – Я избавилась от нее! – продолжала Кадиджа. – Завтра я ее похороню...

– Пойдем в дом, – перебил грек, боясь, чтобы кто-нибудь из прохожих не услышал их разговора.

Он вошел в комнату Кадиджи, наполненную винными испарениями. Кадиджа шла за ним с огнем.

– Ты хочешь увести Рецию и принца Саладина, ты запер их у меня, – сказала старуха со злобной радостью, – это недурная добыча, мой дорогой. Поздравляю тебя, только не дай птичкам снова улететь!

– Согласна ли ты продержат их у себя до следующей ночи?

– Конечно, почему же нет! Я охотно сделаю все, что тебе угодно. Я очень рада, что ты поймал их наконец. Помнишь, как мы потеряли их из виду в караване паломников, но я знала, что ты не бросишь дела. Теперь она уже не уйдет!

На дворе в это время что-то зашевелилось, и у дверей комнаты Кадиджи послышался легкий шелест. Сирра снова пришла в себя и узнала голос Лаццаро, тогда, собрав все силы, она дотащилась до дверей, чтобы послушать, о чем грек говорит с ее матерью.

– В будущую ночь я возьму их снова от тебя, а до тех пор ты отвечаешь мне за них головой, – сказал Лаццаро.

– Не беспокойся, мой милый, отсюда им не убежать. Разве ключ не у тебя? Да, не бойся ничего. Двери крепки, повторяю тебе, и в доме никого нет, кто мог бы помочь твоим пленникам, так как Сирра умерла. Поганая тварь любила дочь Альманзора больше, чем меня, она была отравой моей жизни! Итак, тебе нечего бояться до завтрашней ночи, а куда ты хочешь их деть?

– Я отвезу их в развалины к дервишам Кадри, – отвечал Лаццаро.

– Так, мой милый, так, там их будут сторожить лучше всего. Мансур-эфенди уже давно хотел завладеть ими обоими.

– Я пришел теперь сюда для того, чтобы убедиться, действительно ли Сирра умерла и не скрылись ли пленники.

– В таком случае убедись сам, мой милый.

За дверями произошло движение. Через мгновение Лаццаро со свечой в руках выходил из дома, его беспокойные глаза прямо устремились в угол двора. Тут по-прежнему лежало бездыханное тело Сирры.

Грек подошел к ней, поднес свечу прямо к ее лицу и поднял руку Сирры. Когда он опустил ее, то рука упала тяжело и бесчувственно, как рука трупа.

– Она еще теплая, – прошептал Лаццаро. – Ты должна смотреть за нею, старуха!

В это время из комнаты, где была заперта Реция, снова раздался крик о помощи.

– Ты слышишь? – сказала старуха с дьявольской улыбкой. – Голубка воркует, хи-хи-хи, будь покоен, мой милый, я уберегу ее до завтрашней ночи! Тебе нечего бояться.

Лаццаро отдал свечу Кадидже и, не говоря ни слова более, вышел на улицу.

Когда полупьяная Кадиджа снова заснула, в углу, где лежала Сирра, зашевелилось... она слышала все... надо было во что бы то ни стало спасти Рецию и Саладина из когтей ненавистного грека – это должно было произойти! У Реции не было никого, кроме нее. Но как могла она исполнить это?..

XVI. Охота за депешей

Возвратимся снова к тому вечеру, когда султан Абдул-Азис поручил Зора-бею арестовать курьера Мустафа-паши и когда три приятеля отправились на три различные дороги, ведущие в Терапию; Зора-бей и Гассан верхами караулили оба берега, Сади в маленькой лодке, которой он управлял один, снял с себя оружие, чтобы легче было грести. Галил-бей, посланный визиря, надеялся избежать всех преследований.

В то время как Сади со своей лодкой отчаливал от берега у сераля, в отдаленной части от берега отчаливала большая лодка, в которой сидел курьер Мустафа-паши в сопровождении двух солдат, переодетых гребцами. Галил-бей, человек еще молодой, обязанный своим положением тому, что никогда не останавливался в выборе средств для достижения цели, стоял в лодке и глядел кругом, тогда как солдаты гребли. Среди офицеров Галил-бей пользовался самой дурной репутацией. Его боялись, потому что он старался возвыситься за счет других и всегда готов был донести на товарища, и про него говорили, что Мустафа-паша дает ему такие поручения, за которые не берутся другие офицеры. Но Галил-бей был совершенно равнодушен ко всему, что о нем говорилось.

Опасность, которой он подвергся в эту ночь, стала ему известна, потому что он подслушал разговор трех друзей, после того как случайно узнал, что султан призывал к себе Зора-бея. Галил знал, на какой дороге кто будет его ожидать, знал, какой сигнал они решили дать, когда его поймут, и это наполняло его сердце тайной радостью и самодовольствием. Он радовался при мысли, что проведет всех троих противников и внутренне смеялся, какие они сделают лица, когда, обманутые сигналом, который он подаст, они все трое с различных сторон поспешат к Беглербегу и ни один из них не привезет депеши, которая тем временем будет им безопасно доставлена во дворец принцев. Он приказал солдатам держать лодку посередине фарватера и стал осматриваться вокруг, не преследует ли его Сади. Галил еще не знал этого молодого капиджи-баши и не ожидал, что имеет в нем опасного соперника, а думал, что это не более как неопытный молодой офицер, который так же, как и его товарищи, будет обманут фальшивым сигналом.

Было около полуночи, когда лодка Галила проехала добрую половину дороги, не встретив ничего подозрительного. Тогда ему показалось, что настало время подать фальшивый сигнал. Он приказал гребцам ехать к берегу, который был окружен высоким тростником. Под прикрытием этого тростника он и хотел подать сигнал. Когда лодка стала приближаться к берегу, то скоро вода оказалась так низка, что невозможно было добраться до тростника. Тогда Галил приказал остановиться. Место казалось ему достаточно удобным и безопасным для исполнения его намерения. Все вокруг было тихо и спокойно. Последние перевозчики были уже давно дома. Галил-бей вынул револьвер и три раза выстрелил из него с короткими промежутками. Эхо далеко разнесло выстрелы по воздуху.

Сигнал был дан, и Галилу не оставалось ничего более, как ждать успеха своего дела, то есть того, что его противники отправятся в Беглербег.

В это время Зора-бей на своем великолепном скакуне проехал уже довольно далеко. Вдруг издали до него донеслись три выстрела.

– Досадно, – прошептал он, сдерживая коня, – тебе не посчастливилось, Зора. Гассан или Сади захватили курьера и депешу, но все равно хорошо, что удалось хоть кому-нибудь из нас исполнить повеление султана. – И, повернув коня, он поехал в первую прибрежную деревню, чтобы велеть перевезти себя на другой берег в Беглербег, где султан ожидал его и где он должен был встретиться с товарищами.

Гассан также отъехал уже далеко, когда услышал условный сигнал. Он повернул и поскакал в Беглербег, куда приехал первым. Он соскочил с седла и стал ожидать товарищей.

Прошло довольно много времени, когда наконец к берегу подъехала большая тяжелая лодка. Это был Зора-бей, ехавший в лодке вместе с лошадей. Выйдя на берег, он нашел Гассана.

– У тебя нет депеши? – спросил он.

– Нет! Это ты стрелял?

– Нет! Это, должно быть, Сади, – отвечал Зора-бей, – меня только удивляет, что его еще нет.

– Мы должны подождать его здесь, – заметил Гассан. Между тем Сади в это время на своей легкой лодке дошел почти до Терапии, не встретив Галил-бея. Следовательно, последний, если только он воспользовался водным путем, должен был быть позади. Чтобы не пропустить его, Сади начал переезжать от одного берега к другому, так что ни одна лодка не могла ускользнуть от его внимания. Сади был исполнен живейшего желания исполнить приказание султана и открыть измену министра, который давал клятву верности своему монарху, а вместо того преследовал изменнические планы. Эти мысли занимали его, и в то же время он смотрел с негодованием и презрением на Галил-бея, помощника недостойного министра.

Сади поставил небольшой парус, и лодка его без шума быстро скользила по воде от одного берега к другому. Вдруг Сади стал прислушиваться. Было уже за полночь. На некотором расстоянии прозвучал выстрел, за ним другой и третий. Сигнал был дан, оставалось только возвратиться в Беглербег. Но прежде чем ехать во дворец, Сади хотел убедиться, действительно ли это был условный сигнал или же просто случайное совпадение. Ему казалось невероятным, чтобы его товарищи успели так скоро овладеть депешей. Да если даже это и случилось, то не будет вреда, если он немного опоздает. Он снова поставил свой серый парус и начал скользить по волнам, внимательно вглядываясь в темноту, к которой глаза его привыкли, когда он еще был лодочником. Но кругом было тихо и пустынно, так что спустя какое-то время Сади уже хотел ехать в Беглербег, как вдруг ему послышался в отдалении как будто плеск весел. Сади плыл на парусе, следовательно, без всякого шума, поэтому ему легко было слышать всякий звук. Он был недалеко от берега, на котором стоит Беглербег, как вдруг заметил перед собой лодку, которая медленно подвигалась вперед, так как шла на веслах. Сади не думал, чтобы это мог быть Галил-бей, посланный визиря, тем не менее из предосторожности хотел посмотреть, кто это может ехать так поздно. Сади приготовил свое оружие, укрепил веревку от паруса и стал ждать.

Лодка подошла ближе. Вдруг она повернула прочь от берега. Сади сейчас же заметил это и, не теряя ни минуты, поставил парус так, чтобы догнать лодку. Но едва в большой лодке заметили, что Сади следит за нею, как изо всех сил начали стараться уйти от него. Тогда Сади догадался, что имел дело с Галил-беем или, во всяком случае, с людьми, которые затеяли что-нибудь нечистое, иначе им не было бы надобности убегать. После этого Сади не колеблясь стал преследовать бегущих.

Началась настоящая охота. Галил-бей и его два гребца старались изо всех сил, но Сади так хорошо управлялся со своей маленькой легкой лодочкой, что скоро почти нагнал большую тяжелую лодку Галила. Теперь Сади убедился, что перед ним находится посланный Мустафа-паши и был очень рад, что ему пришлось в голову усомниться в истинности сигнала.

– Именем его величества султана приказываю вам остановить лодку! – вскричал Сади, все более и более приближаясь к беглецам.

Насмешливый хохот был ответом на его слова. Тогда Сади понял, что ему надо силой овладеть депешей, но прежде всего надо было догнать лодку. То, что, может быть, было бы для другого невозможно, для Сади было игрушкой. Он перегнал лодку и спустил парус, стал ей поперек дороги, но теперь должна была начаться настоящая борьба. Один против троих!

Галил-бей внимательно следил за всеми движениями лодки Сади, приготовляясь выдерживать нападение. Хотя его хитрость обманула двух преследователей, тот, кого нужнее всего

было обмануть, не поддался на хитрость! Надо было во что бы то ни стало спасти себя и депешу, которая была у него на шее в кожаной сумке. Он смеялся над опасностью и над преследователем, на зов которого не отвечал ни слова, а только велел своим гребцам удвоить скорость.

– Стойте! Сдайтесь! – вскричал Сади. – Именем его величества султана я приказываю тебе, Галил-бей, следовать за мной в Беглербег!

– Глупый мальчишка, понимаешь ли ты, что говоришь, – отвечал тогда Галил-бей, – возвращайся назад! До сих пор я щадил тебя. Но если ты не послушаешься моего предостережения, то берегись!

– Берегись сам! – вскричал раздраженный Сади. – Ты мой пленник!

Вместо ответа Галил-бей вынул пистолет, и над головой Сади просвистела пуля. Тогда Сади тоже вынул пистолет и, держа его в правой, левой рукой управлял лодкой. В эту минуту раздался второй выстрел, но Сади вовремя успел отклониться и в свою очередь выстрелил, видя, что дело не обойдется без кровопролития. Пуля Сади попала Галил-бею в руку, так что он принужден был выронить оружие.

Увидев себя раненым, Галил-бей сорвал с шеи кожаную сумку с депешей и передал ее одному из гребцов вместе с приказанием, которого Сади не слышал и даже едва заметил, что произошло, потому что другой гребец хотел со всего маху ударить его веслом, и Сади принужден был стать за мачту своей лодки, чтобы избежать удара. В это самое мгновение тот, которому Галил передал депешу, бросился в воду и поплыл к берегу. Между тем Сади в несколько мгновений одолел своего второго противника, нанеся ему сильный удар саблей по плечу, хотя Галил-бей, держа оружие в левой руке, пытался оказать помощь своему солдату. Тяжелораненый солдат упал на дно лодки, а Галил, видя, что не может противиться своему врагу, не подвергая опасности свою жизнь, покорился судьбе.

– Что заставило тебя напасть на меня и ранить? – спросил он с досадой.

– Твое сопротивление! Разве ты не слышал, что я именем султана приказывал тебе сдаться?

– Что тебе от меня надо? Почему я, Галил-бей, должен сдаться тебе, простому баши?

– Я требую, чтобы ты отдал мне депешу, которую везешь по поручению Мустафы-паши.

– Ты дурак, тебя нарочно обманули! У меня нет никакой депеши, – отвечал Галил.

– Это увидим, а пока ты мой пленник. Еще раз повторяю тебе – отдай мне депешу!

– Ты опоздал! – насмешливо сказал Галил-бей. – У меня была депеша, да! И она теперь на дороге к цели. Разве ты не видал второго гребца в моей лодке? Его нет больше в лодке, и он несет депешу куда надо.

– Я поймал тебя, пока этого с меня довольно, – твердо и спокойно отвечал Сади, – не думай, чтобы твои слова заставили меня сколько-нибудь изменить мое решение относительно тебя и погнаться за другим. Ты мой пленник, есть у тебя депеша или нет!

Он отнял у обоих побежденных оружие, привязал их лодку к своей и поплыл в Беглербег, не спуская глаз с Галила.

XVII. Казнь

Между тем Гассан и Зора-бей в это время напрасно ждали Сади на берегу у Беглербега.
– Что, если мы обманулись мнимым сигналом, – сказал наконец Гассан, сидевший у берега на древесном пне, держа коня под уздцы.

Зора-бей стоял около него и с беспокойством глядел на темную поверхность воды.

– Я тоже начинаю находить это очень странным, – заметил вполголоса Зора-бей.

– Не видно ли чего-нибудь?

– Ничего не видно и не слышно!

– Но ведь Сади должен был или сам подать этот сигнал, или же слышать его так же, как и мы.

– Очень может быть, что он был благоразумнее, а может быть, он не расслышал сигнала совсем, – отвечал Зора-бей. – Я боюсь, что мы сделались жертвой хитрости.

– Но как могло это случиться?

– От Галил-бея всего можно ожидать, – продолжал Зора-бей, – для него всякие средства хороши. Изменник должен быть предусмотрителен и хитер, чтобы скрывать свое преступление.

– Ты думаешь, что это он подал фальшивый сигнал? Тогда я сейчас же еду снова! – вскричал Гассан, вскакивая с места.

– Успокойся, друг мой, – остановил Зора-бей молодого вспыльчивого Гассана, – я надеюсь, что Сади успеет лучше нас, но во всяком случае, я думаю, что мы сделаем хорошо, если снова отправимся по выбранным нами дорогам, на тот случай, если Галил-бей выехал уже после того, как дал фальшивый сигнал! К несчастью, лодка, в которой я приехал, уже давно отправилась обратно, и мне невозможно теперь, ночью, переехать на тот берег, следовательно, нам обоим остается только одна дорога!

– Я согласен с тобой. Не надо терять ни минуты! – вскричал Гассан, поспешно вскакивая на коня.

– Возьми себе часть дороги отсюда до Терапии, а я возьму себе дорогу отсюда до Скутари, затем снова возвратимся сюда, – сказал Зора-бей и тоже сел на коня.

В следующее мгновение оба офицера уже скакали в противоположные стороны.

В то время как Зора-бей спешил к отдаленному предместью, чтобы, если можно, поймать там посланного визиря, Гассан, склонясь на шею лошади, чтобы лучше видеть по сторонам, и сжимая в правой руке саблю, скакал во весь опор по темной дороге.

Прошло около часа, как вдруг Гассану показалось, что какая-то тень при его приближении бросилась в кусты, росшие по обе стороны дороги.

Гассан сейчас же подъехал к тому месту, где что-то зашевелилось.

– Кто тут? – закричал он. – Отвечай, а не то я начну стрелять по этим кустам, пока не буду уверен, что в них никто не спрятался!

Все было тихо.

Тогда Гассан соскочил с лошади, которую привязал к дереву, и, размахивая саблей, пошел в кусты.

– Я не ошибся, – бормотал он, – я видел человека, и он не должен уйти от меня, пока я не узнаю, кто он такой.

Тогда посланный Галил-бея, так как это он спрятался в кустарник, не желая быть пойманным, бросился бежать.

Между тем, раздвинув кусты, Гассан увидел бежавшего солдата.

Гассан бросился вслед за ним.

– Стой, если тебе жизнь дорога! – вскричал он. – Стой, а не то я убью тебя!

Солдат продолжал бежать. Гассан вынул револьвер и выстрелил вслед бежавшему, но так как было слишком темно, чтобы хорошо прицелиться, то он промахнулся; тогда он бросился вслед за бежавшим, которого принимал или за Галил-бея, или за какого-нибудь другого гонца.

Со своей стороны солдат употреблял все усилия, чтобы уйти от Гассана. Гассан же ни за что не хотел упустить его, и так как бежавший не обращал внимания на угрозы, то оставалось только одно средство – преследовать его. Скоро Гассан увидел, что он приближается к беглецу, но тот тоже, должно быть, заметил это, потому что постоянно оглядывался. Когда Гассан готов уже был нагнать бежавшего, то вдруг заметил, что последний отбросил от себя что-то и потом снова побежал дальше.

Гассан остановился и начал осматриваться. Наконец в небольшой яме он нашел кожаную сумку с оборванным ремнем. Зная, что он всегда успеет догнать беглеца, Гассан захотел, прежде чем продолжать преследование, узнать, что находится в найденной им сумке, которую солдат бросил, очевидно надеясь, что преследователь не откроет ее. Гассан открыл сумку и вскрикнул от радости. В сумке лежало письмо! Это была депеша Мустафа-паши! Наконец-то она нашлась! Не преследуя более солдата, так как он был только слепым орудием в руках визиря и Галил-бея, Гассан вернулся назад к своему коню и, вскочив в седло, поспешил со своим сокровищем к Беглербегу. Он был в сильном волнении и крепко держал депешу – главное было сделано!

Между тем Зора-бей, не найдя на своем пути ничего заслуживающего внимания, возвратился обратно в Беглербег, и в тоже самое время к берегу подъехал Сади со своими двумя пленниками.

– Отчего у тебя две лодки? – закричал ему Зора-бей.

– Одна моя, а другая Галил-бея! – отвечал Сади.

– Значит, ты его захватил?

– Да, его и одного гребца-солдата.

– Значит, это ты подал сигнал?

– Нет, не я.

Сади причалил, и Зора-бей подошел помочь товарищу и увидел сидящего в большой лодке Галила и тяжелораненого солдата, который лежал на дне лодки и стонал.

– Поздравляю тебя, Сади! – сказал Зора-бей, видя успех своего товарища. – Мы сейчас же должны отвести его во дворец к султану.

Сади привязал лодку и потребовал, чтобы пленники выходили.

– Галил-бей тоже ранен? – спросил Зора-бей. – Тем не менее это не спасет его от передачи нам депеши.

До сих пор Галил-бей не говорил ни слова, мрачно глядя перед собой, но, услышав эти слова, он прервал молчание.

– Галил-бей прежде всего будет жаловаться на то, что офицеры напали на него, как на разбойника, – сказал он. – Никакой депеши у Галил-бея нет, а если бы и была, то он давно уничтожил бы ее, чтобы вы не могли торжествовать. Таким образом, ваша ссылка на депешу не имеет основания; клянусь вам пророком, что у меня нет никакой депеши.

Эта клятва, надо признаться, произвела неприятное впечатление на обоих товарищей.

– Очень может быть, – сказал Зора-бей, – но нам приказано привести тебя во дворец, есть или нет у тебя депеши.

– Вы не достигли вашей цели, – насмешливо отвечал посланный Мустафа-паши, довольный успехом своей хитрости, – чего же вам надо от меня? Моя особа не может быть вам ни для чего полезной. Вы можете меня обыскать с головы до ног и все-таки не найдете депеши.

Сади не произнес ни слова, но принудил Галил-бея идти вперед. Все отправились в Беглербег, куда султан возвратился уже несколько часов тому назад и прямо прошел в гарем.

Придя во дворец, Сади и Зора-бей просили, чтобы их пустили, и были сейчас же отведены к караульному офицеру, который принял их очень любезно.

– Мне приказано сейчас же доложить о вашем приезде, – сказал он. – Прошу вас подождать несколько минут!

Он ввел Сади и Зора-бея, не спускавших глаз с Галила, в дежурную комнату, а сам отправился доложить об их приходе.

После ухода дежурного офицера Зора-бей снова обратился к Галилу, требуя, чтобы тот отдал депешу, на что последний только засмеялся, тогда Зора-бей приказал обыскать его. В это время дежурный офицер возвратился и передал приказание султана, чтобы Зора-бей и Сади вместе с пленником сейчас же шли к нему.

Обыск Галил-бея не имел никаких результатов. Депеши не обнаружили. Тогда Сади и Зора-бей повели его с собой в приемную. Султан Абдул-Азис вышел почти сейчас же, так как торопился узнать о результате.

– Кого вы привели? – спросил он.

– Галил-бея, доверенного посланного Мустафа-паши, ваше величество, – отвечал Зора-бей. – Сади-баши схватил его после сильного сопротивления с его стороны, точно так же, как и сопровождавшего его солдата.

– Где депеша?

Злая улыбка пробежала по лицу Галил-бея, затем он вдруг бросился на колени перед султаном.

– Я прошу ваше величество милостиво выслушать меня! – вскричал он. – Этот офицер напал на меня, ранил и привел сюда, а я даже не знаю причины этой вопиющей несправедливости.

– Кто ты?

– Галил-бей, ваше величество.

– В какой ты состоишь должности?

– Я адъютант у Мустафа-паши.

– Ты должен был отвезти в эту ночь тайную депешу в Терапию?

– Ваше величество, можете спросить у этих офицеров, нашли ли у меня какую-нибудь депешу? – отвечал Галил-бей. – Меня не только ранили и арестовали, но в высшей степени унизили, приказав меня обыскать.

– И ничего не нашлось? – вскричал поспешно султан, обращаясь к Зора-бею и Сади.

– К сожалению, нет, ваше величество.

– Как же это могло случиться? – сказал султан, начиная сердиться, так как бесполезный арест Галила уничтожал всякую возможность открыть измену Мустафа-паши. – Адъютант визиря имеет полное право жаловаться. Мне нужна была депеша, а не пленник.

Положение Зора-бея и Сади сделалось очень скверным! Их торжество обратилось в поражение, которым Галил-бей не преминул воспользоваться.

– Я надеюсь, – сказал он, – что ваше величество прикажет за полученное мною сегодня оскорбление наказать виновных, напавших на меня без всякого повода с моей стороны, ранивших и униживших меня.

– Действительно, это неслыханное насилие! – вскричал султан, раздраженный неудачей.

В эту самую минуту в комнату вошел дежурный флигель-адъютант. Галил-бей уже готов был выйти победителем, когда султан обратился к вошедшему адъютанту.

– Что такое? – спросил он.

– Гассан-баши говорит, что привез вашему величеству важное известие.

Сади и Зора-бей обменялись радостным взглядом. Гассан пришел! Очень может быть, что он принес доказательство виновности Галил-бея.

– Кто этот Гассан-баши? – спросил султан.

– Третий из нас, ваше величество! – позволил себе ответить Зора-бей.

– Он принес какую-то важную бумагу, – продолжал адъютант, – про которую говорил, что она имеет связь с поручением обоих офицеров.

Галил-бей молча прислушивался, не вставая с колен, как трусливая лиса, застигнутая врасплох.

– Пусть войдет! – приказал султан дежурному адъютанту. Глубочайшее молчание царило в ярко освещенной зале в ожидании появления Гассана. Гассан вошел, он держал в руках депешу.

– Что за бумага у тебя в руках? – спросил султан.

– Позвольте передать вашему величеству депешу визиря Мустафа-паши, – отвечал Гассан, – я отнял ее у солдата по дороге в Терапию.

Опустившись на колени, он передал бумагу султану, который, против обыкновения, принял ее собственноручно, развернул и стал читать. Сади и Зора-бей вопросительно поглядели на Гассана, который им сделал знак рукой.

Лицо султана прояснилось.

– Мое предчувствие оправдалось, – прошептал он едва слышно, – этот Мустафа-паша изменник и предатель!

Затем он обратился к Галил-бею, все еще стоявшему на коленях.

– Ты виновен! – сказал он. – Неужели ты будешь продолжать отрицать, что ты был отправлен с этой депешей?

Галил задрожал, но не в силах был ничего ответить.

– В этой депеше ты назван доверенным лицом Мустафа-паши, – продолжал султан, – и будешь наказан по заслугам. Наденьте на изменника цепи и отправьте его в Стамбул, я по заслугам накажу его! Ни слова! Прочь с глаз моих!

Несколько адъютантов бросились на Галил-бея, побледневшего от страха, и вывели его из комнаты, откуда он несколько минут назад чуть было не вышел победителем. Султан еще раз поглядел на бумагу, затем сложил ее и положил на стол около себя. Тут только он заметил, что три молодых офицера все еще были в комнате.

– Вы исполнили мое приказание, – сказал он, – просите у меня за это чего хотите!

– Мы желаем выйти из капиджи-баши, – сказал Гассан.

– Как? Все трое?

– Да, наше живейшее желание состоит в том, чтобы быть переведенными в другой полк, – подтвердил Сади.

– Я не спрашиваю вас о причине этого желания, хотя служить в капиджи считается за честь, – сказал султан, – но я исполню ваше желание, как обещал! Как тебя зовут? – обратился он к Гассану.

– Гассан-баши, ваше величество!

– Гассан-бей назначается адъютантом к моему сыну Юсуфу-Изеддину! – сказал тогда султан.

– Благодарю вас, ваше величество! – вскричал с восхищением молодой человек.

– Зора-бей и Сади-бей, – продолжал султан, – назначаются в корпус башибузуков. Без благодарности! Самым лучшим образом офицер может доказать благодарность, служа верой и правдой своему государю. Я надеюсь иметь в вас таких слуг.

Султан сделал знак рукой, и трое товарищей вышли.

– Кажется, я пришел как раз вовремя, – сказал Гассан, когда они вышли из дворца на берег, где у Сади была лодка, а у двух других – кони.

– Как тебе удалось захватить депешу? – спросил Зора.

Гассан рассказал, как это произошло. Затем Сади сел в лодку и отправился обратно в Константинополь, тогда как двое других поехали туда же верхом.

На следующее утро к Мустафа-паше явился посланный из дворца с бумагой, в которой было сказано, что за измену правительству он заслужил смерть, но что султан приговаривает вместо него к смерти Галил-бея, а его же, Мустафа-пашу, приговаривает к изгнанию, вследствие чего ему предписывается в тот же день сдать все дела его преемнику Муци-паше и в течение трех дней выехать из Стамбула навсегда. Местом его пребывания назначается главный город острова Родоса, который он не должен оставлять под страхом смертной казни.

Итак, Галил-бей был приговорен к смертной казни. По повелению султана прежде всего у него были отняты все титулы и ордена, казнь же была назначена на следующий вечер. Мужество и самоуверенность оставили Галила в ту самую минуту, как его хитрость была так неожиданно уничтожена. Насмешка мгновенно сбежала с его лица и сменилась ужасом и отчаянием. Как всегда бывает с людьми такого характера, как Галил, страх смерти заменил в нем заносчивость. Узнав о смертном приговоре, он был совершенно уничтожен и почти без сознания лежал в углу своей мрачной темницы. Он знал, что для него нет спасения, так как ему приходилось искупать не только свою вину, но и вину паши.

Жизнь всех турок находится в руках султана, но когда какой-нибудь высший сановник заслуживает смерти, то существует такое обыкновение, что султан посылает провинившемуся красный шнурок, и получивший такой подарок должен сейчас же сам лишиться себя жизни. Единственное лицо, которое могло не бояться такого подарка, был шейх-уль-ислам, так как, будучи главой магометанской церкви, он столь же неприкосновенен, как и султан, и не раз султаны вынуждены были склоняться перед властью шейх-уль-ислама. В настоящее время шейх-уль-ислам все еще стоит выше всех остальных сановников и без его содействия не объявляется ни одно постановление, так как турки требуют, чтобы все их законы были в согласии с религией, главой которой является шейх-уль-ислам.

Всякая другая вина могла бы еще быть прощена, но для турецких султанов нет ужаснее мысли о том, что их наследники составляют заговоры. Причина этого постоянного страха, жертвой которого является множество людей, состоит в том, что в Турции по смерти султана вступает на трон не его старший сын, но старший принц во всем семействе, который приходится братом, или дядей, или даже племянником султану. Этот основной закон турецкого престолонаследия постоянно служит причиной множества беспорядков и никогда не дает султану истинного спокойствия и, конечно, не приводит к услаждению жизни наследников турецкого престола. И мы увидим со временем, какие ужасные последствия имеет этот закон.

Галил служил посредником в сношениях принцев с высшими сановниками, и никогда такие люди не могли надеяться на снисхождение. Очень часто даже сами принцы не были пощажены, а приносились в жертву боязни султана потерять престол. Доказательством жестокости турецких нравов может служить известное постановление о престолонаследии, что только принцессы, дочери принцев, могут оставаться в живых, сыновей же убивают при рождении. Поэтому сыновья принцев воспитывались тайно. После этого совершенно понятно, почему Саладин, сын принца Мурада, наследника султана Абдул-Азиса, вынужден был скрываться уже описанным нами образом, точно так же Абдул-Азис боялся, что его собственный сын Юсуф-Изеддин также, в свою очередь, будет предметом преследований.

Султан Абдул-Азис вступил на престол 25 июня 1861 года после смерти брата своего Абдул-Меджида. Оба были сыновьями султана Махмуда II. Абдул-Меджид оставил после себя шесть сыновей и восемь дочерей. Старшим в семействе, кому должен был перейти трон после Абдул-Азиса, был племянник его, Магомет-Мурад, родившийся 21 сентября 1840 года, затем после него следовал брат его, Абдул-Гамид. Исполняя последнее желание своего умершего брата, Абдул-Азис не принял никаких строгих мер против своих наследников, сыновей умершего, как это делали другие султаны, но все-таки он не был совершенно спокоен и постоянно боялся, что его наследники имеют какие-нибудь тайные планы.

Это короткое объяснение было нам необходимо для пояснения дальнейших обстоятельств и интриг. Из этого же становится ясным желание султана овладеть известной нам депешей. И если бы она даже не заключала в себе ничего действительно изменнического, то и тогда довольно было одного обстоятельства, что она послана к принцам, чтобы передавший ее заплатил за это жизнью.

Султан приказал, чтобы Галил как изменник был публично казнен рукой палача во втором, внутреннем дворе сераля. Этот большой двор, в котором, так же как и в первом, стоял на часах капиджи, представляет собой большой четырехугольник, вокруг которого идут густые аллеи для прогулок и по обеим сторонам бьют фонтаны. По левой стороне идет здание, в котором находится сокровищница султана, направо расположены квартиры служащих и дворцовое управление. На левой же стороне стоит старый колодец, окруженный плитами, у которого прежде обыкновенно происходило обезглавливание турецких сановников, приговоренных к смертной казни.

Вечером на другой день после ареста Галила, перед заходом солнца, весь двор был заполнен различными служащими при турецком дворе, и эта толпа была так велика, что занимала весь двор, каждая из сторон которого была триста шагов, так что для визирей и их свиты едва могли очистить место. По приказанию султана все должны были присутствовать на казни изменника.

Когда солнце уже зашло за горизонт, но еще весь Константинополь был залит ярким светом заката, точно заревом пожара, когда с высоких стройных минаретов муэдзины призывали правоверных к вечерней молитве, когда по улицам снова началось движение, прекращавшееся на время жары, тогда Галил, в сопровождении нескольких дервишей и караульных, был приведен во внутренний двор. Войдя во двор и увидев ожидавшую его толпу, он почти лишился чувств от ужаса и слабости. Тогда с него сняли цепи, чтобы ему было легче идти, но он лежал как убитый. Лицо его было страшно бледным, казалось, что смертный приговор уже убил его.

Ни малейшего сострадания не возбуждал к себе Галил вследствие своей трусости. Вид эшафота отнял последнюю твердость у приговоренного. Стоявшие вокруг чиновники с равнодушным видом смотрели на приготовления к казни человека, которого наказывали за измену, думая только о том, как бы самим, в свою очередь, не попасться, так как многие из них были несколько не менее виновны в измене, чем Галил-бей. Они называли Галила ослом за то, что он позволил себя поймать, тогда как прежде восхищались и завидовали его быстрому повышению.

В числе зрителей находились три наших героя – Сади, Зора и Гассан. Молодые люди стояли недалеко от места казни на почетном месте, и все глаза с любопытством устремлялись на них. Всем уже было известно, что сам султан лично дал им повышение – милость, которой удостаивались только избранные. Другие офицеры с завистью смотрели на них. Даже сам палач глядел на них: он видел падение не одного любимца, кончавшего на эшафоте, поэтому очень понятно, что он думал о том, скоро ли падут эти новые любимцы. Палач вечно думает только о конце, и нигде этот конец не бывает так близок, как в Турции.

Палач Будимир, человек уже пожилой, был по происхождению черкес, но с юности жил в Константинополе, где был прежде помощником палача. Теперь уже сам Будимир состарился, но это все еще был сильный и высокий старик внушительной наружности, черкесский костюм которого имел в себе нечто театральное. Его лицо, обрамленное длинной седой бородой, выглядело весьма внушительно, как будто он гордился важностью своего поста. Его все боялись и говорили, что в старом черкесе нет ни на йоту чувства. Обе щеки и шея палача были покрыты страшными рубцами.

Между тем Галил был подведен к эшафоту и передан в руки палача. Едва последний хотел положить свою жертву, как Галил лишился чувств и, несмотря на все усилия палача, не приходил в себя. В воздухе мелькнул топор, раздался глухой удар, и голова Галила покати-

лась... Приговор был приведен в исполнение, и толпа разошлась, довольная зрелищем и уже совершенно забыв о Галиле...

На следующую ночь Мустафа-паша оставил Константинополь, чтобы отправиться в изгнание.

XVIII. Привидение во дворце

К числу самых прелестных мест живописных берегов Босфора принадлежит, без сомнения, та часть азиатского берега, на которой стоит дворец Беглербег, называвшийся прежде Хризохером. Здесь находилась летняя резиденция султана Абдул-Азиса, это был его любимый дворец, доступ в который для европейцев был чрезвычайно затруднителен.

Этот дворец стоит на самом берегу, и его белый блестящий фасад виден издалека. Он самый большой из всех дворцов султана, и еще недавно к нему была сделана огромная пристройка, так что стоимость этого дворца неслыханна. В нижнем этаже дворца, в который надо пройти через обнесенный стеною двор, живут прислуга и все служащие. Поднявшись по мраморной, покрытой ковром лестнице на следующий этаж, поражаешься ослепительной восточной роскоши, которая окружает вас. Лестница освещается через купол, весь состоящий из красных стекол, распространяющих чрезвычайно приятный свет, перила на лестнице золотые, и вся лестница уставлена тропическими растениями. Внутренний двор дворца окружен мраморной решеткой, и на него с одной стороны выходят решетчатые окна гарема, с другой – бесчисленные залы и комнаты султана, превосходящие одна другую роскошью и великолепием. Позади гарема разбит великолепный сад.

К воротам дворца подъехала карета с султанскими гербами и, въехав во двор, остановилась у самого подъезда. Лакеи бросились опустить подножку и отворить дверцы кареты. Из кареты вышла принцесса Рошана и, не обращая внимания на распростертых перед нею слуг, прошла на лестницу. На принцессе было надето роскошное платье, выписанное прямо из Парижа, а сверху накинута дорогая шаль.

Вечер уже наступал, а вместе с ним и время визитов и аудиенций. Рошана явилась во дворец своего царственного дяди, чтобы узнать о его здоровье и в то же время с другой целью, которую мы узнаем впоследствии. Принадлежа к царствующему дому, Рошана имела свободный доступ в покои султана, и потому она гордо поднялась по ступеням лестницы на второй этаж. Здесь ее принял гофмаршал и провел в приемную, где она должна была ожидать выхода султана. В приемной был уже кто-то, казалось, что принцесса несколько не была этим удивлена. Приемная была освещена большой люстрой, вся мебель была обита темно-красной материей.

В отдаленном темном углу комнаты стоял мрачный и суровый шейх-уль-ислам Мансур-эфенди. Он был одет по-европейски, в вечерний, доверху застегнутый сюртук и черные панталоны. Шейх-уль-ислам казался в это мгновение каким-то мрачным духом, сторожившим каждый шаг султана, представителем пророка, вследствие этого имевшим неограниченную власть над всеми старотурками. В доказательство того, что это действительно так, довольно сказать, что, издавая какое-нибудь постановление, султан, для того чтобы оно имело значение, должен обращаться к шейх-уль-исламу за подписью и одобрением. В свою очередь шейх-уль-ислам также должен обращаться к султану за согласием, но мог обойтись и без него, потому что правоверные мусульмане и без того должны повиноваться его повелениям.

Войдя в приемную, принцесса сейчас же заметила Мансура-эфенди, который с достоинством поклонился ей.

Когда гофмаршал пошел доложить султану о приезде принцессы, последняя подошла к Мансуру-эфенди.

– Я очень рада, что встречаю тебя здесь, – сказала она вполголоса, – какой результат имели твои усилия?

– Никакого, принцесса! Ты верна нам, но его величество султан чуждается нас, – отвечал шейх-уль-ислам.

– Ты в своем усердии видишь все в черном свете! Я думаю, что могущественный повелитель правоверных во всем следует твоим советам.

– Нет, принцесса, ты ошибаешься, я не имею на султана никакого влияния: другой приобрел это влияние!

– Ты намекаешь на султаншу Валиде?

Шейх-уль-ислам утвердительно кивнул.

– Я знаю это, – продолжала принцесса, – сегодня я пришла сюда для того, чтобы сделать последнюю попытку! Я ничего не хочу обещать заранее, но ты знаешь мое усердие, знаешь также мою решимость, когда дело идет о достижении успеха; сегодня же, повторяю тебе, я хочу сделать последнюю попытку. Я иду к султану и надеюсь найти тебя еще здесь, когда возвращусь от него, чтобы иметь возможность передать тебе, чего я достигну.

– Желаю тебе успеха, принцесса, – отвечал Мансур-эфенди, кланяясь Рошане. В эту минуту в комнату вошли двое пажей, которые подняли тяжелую бархатную портьеру, тогда как вошедший за ними гофмаршал доложил принцессе, что султан ожидает ее.

В прохладном кабинете, в котором били фонтаны, сидел султан Абдул-Азис. На маленьком столике стояла чашка кофе, рядом – наполовину выкуренная трубка. Расстроенное состояние здоровья не позволяло султану курить много. Султан, так же как и шейх-уль-ислам, был одет в черное европейское платье.

Когда принцесса вошла, султан поднялся со своего места и с поклоном пошел ей навстречу.

– Как здоровье моей дорогой племянницы? – спросил он, предлагая ей занять место рядом с ним.

Принцесса любезно поклонилась и приняла приглашение.

– Я очень рада видеть тебя здоровым, дорогой дядя и повелитель, – сказала она. – Я уже давно желала поговорить с тобой наедине. Сегодня ты доставляешь мне эту милость.

– Я погружен в государственные заботы, принцесса, так что едва имею время отдохнуть, – сказал султан. – Надо сознаться, что быть султаном совсем не такое большое счастье, как это воображают. Но во всяком случае, будучи султаном, я хочу остаться им до своей смерти.

– Да продлит Аллах твою жизнь! – заметила принцесса.

– Мне донесли, что сын принца Мурада Саладин жив, – продолжал султан. – Я не хочу, чтобы мальчик подвергся каким бы то ни было преследованиям! Точно так же, как я хотел бы устранить всякую опасность, грозящую моему сыну Юсуфу-Изеддину после моей смерти, так же хочу я спасти от всякой опасности принца Саладина.

– Это новое доказательство твоего великодушия, дорогой дядя, – сказала Рошана, – но не думай, что только ты один думаешь обо всем, многие точно так же думают и заботятся о тебе. Твоя покорная племянница может доказать свою благодарность, доставив тебе развлечение.

– В самом деле?

– Это тебя удивляет, мой дорогой дядя, а между тем Рошана только и думает о том, как бы доказать тебе свою благодарность за все твои милости. Праздник Байрама недалеко, и я хочу по случаю его подарить новое украшение для твоего гарема.

Султан улыбнулся.

– Посмотри на этот портрет, могущественный повелитель, – продолжала принцесса, вынимая фотографию в роскошной бархатной рамке и показывая ее султану, – я никогда еще не видала такой красавицы.

Султан взял портрет и стал рассматривать его. Рошана внимательно наблюдала, какое он произведет впечатление на султана.

– Кто эта девушка? – спросил он.

– Ее имя Реция, мой дорогой дядя, она сирота. Если она тебе нравится, то будет у тебя к Байраму.

Султан еще раз поглядел на портрет красавицы, потом передал его Рошане.

– Благодарю тебя за предложение, – сказал он, – но ты знаешь, что все приготовления к этому празднику обыкновенно делает султанша Валиде, точно так же как и выбирает мне в гарем девушек, и я не хочу изменять этой традиции. Возьми портрет обратно!

Рошана побледнела при этих словах султана, доказывавших, какое сильное влияние имела на него султанша Валиде. Последняя попытка повернуть султана на свою сторону не удалась! Принцесса взяла портрет и спрятала.

– Ты отвергаешь доказательство моей благодарности, милостивый повелитель, – сказала она, – хотя я от всего сердца желала угодить тебе.

В эту минуту в дверь вошли двое пажей и остановились у дверей, что было знаком прибытия во дворец султанши Валиде. Почти вслед за ними в комнату вошла сама султанша, бросив удивленный взгляд на сидящую в кабинете принцессу. Абдул-Азис поднялся, чтобы поздороваться с матерью. Гордая, роскошно одетая султанша Валиде вошла в комнату своего сына как повелительница. Она поздоровалась с сыном, потом с принцессой, которая встала при ее появлении. Молчание, последовавшее за этим поклоном, показало Рошане, что ей пора уйти. Тогда она простилась с султаншей и ее сыном, которые остались одни.

Рошана возвратилась обратно в приемную, где ее ожидал Мансур-эфенди. Принцесса поспешно подошла к нему.

– Все было напрасно, – сказала она шепотом, – знаешь ли ты, кто пришел сейчас к султану?

– Султанша Валиде! – отвечал шейх-уль-ислам.

– Она была со мной холоднее, чем когда-либо, – продолжала принцесса, – она теперь полновластная госпожа, и нам не остается ничего другого, как найти какой-нибудь способ сойтись с нею; твоя мудрость должна найти этот способ точно так же, как избрать дорогу, идя по которой мы скорее достигнем цели.

– Я не дремлю, принцесса! – отвечал Мансур-эфенди. Между тем в то время, как все это происходило в приемной, между султаном и его матерью шел разговор.

– Я все более и более прихожу к убеждению, что мы должны упрочить трон за твоим сыном Юсуфом, – говорила султанша. – Вот уже два дня, как этот план не дает мне покоя! Мы должны сделать это, слышишь ли ты – должны!

– Чтобы привести в исполнение этот план, нам придется нарушить закон, – отвечал султан, задумчиво глядя перед собой. – Я сам часто думал о том, чтобы оставить трон моему сыну, но я трепещу за его жизнь! Около нас пребывает наш злейший враг!

– Ты подразумеваешь Мансура-эфенди, – сказала султанша, – но разве не от тебя зависит заменить теперешнего великого муфтия другим? Если Мансур-эфенди не будет благоприятствовать нашим планам, тогда он должен пасть!

– Подобные перемены очень опасны!

– Эти опасности будут все увеличиваться, пока ты будешь терпеть Мансура-эфенди на месте шейх-уль-ислама. Частые перемены сановников очень полезны, – продолжала шепотом султанша Валиде. – Мне передавали, что Мансур-эфенди захватил принца Саладина! Он преследует какой-то тайный план.

– Если Мансур падет, то изменится только имя, все же останется по-прежнему, – перебил султан свою мать.

– До сих пор ты верил моим советам и мои предостережения находили дорогу к твоему сердцу. Вокруг тебя происходят тайные интриги, в которые я еще не совсем проникла, но которые еще более усиливают во мне желание утвердить престол за твоим сыном. Кто не будет благоприятствовать этому плану, тот должен пасть. Найди себе таких людей, в которых ты был бы уверен.

– Я знаю, что ты уже давно не расположена к Мансуру, – сказал султан, – но если он завладел Саладином, то, во всяком случае, оставит его в живых, следовательно, мое желание будет исполнено.

– Твоя мягкость заходит уж слишком далеко, молю Аллаха, чтобы тебе не пришлось раскаиваться! Относительно принца ты уж слишком милостив!

– Я обещал это моему покойному брату!

– Ты знаешь, что я имею везде глаза и что я знаю такие дела, которые от тебя скрыты. Я, может быть, единственное существо, которому ты можешь вполне доверять!

– Я знаю твою проницательность и твое желание мне добра, я, так же как и ты, желаю, чтобы на престол после меня вступил мой сын.

– Поверь, сын мой, – продолжала султанша, – что я думаю только об увеличении и укреплении твоей власти! Но вот уже наступает ночь, и тебе пора отправляться на отдых! Да защитит тебя Аллах и да увеличит он твое могущество!

Султанша-мать встала и простилась с сыном, на которого их разговор произвел сильное впечатление.

– Она права, – прошептал он, – я должен во чтобы то ни стало упрочить престол за моим сыном, тогда мне нечего будет бояться исполнения предсказания старого дервиша, который предрекал мне, что я буду свергнут с престола и умру насильственной смертью. «Берегись твоих врагов в твоём дворце!» – постоянно повторял мне старик Нагиб, умерший в прошедшем году. Если же мне удастся назначить наследником моего сына, то, конечно, мне нечего бояться, что он свергнет меня с престола, и предсказание дервиша уничтожится само собою. Я должен во что бы то ни стало стараться достичь этого... Между тем вокруг меня происходит что-то непонятное, я чувствую, что над моей головою висит какая-то неопределенная опасность; что это такое, я не могу определить, но мною невольно овладевает страх... Но прочь эти черные мысли! Пора мне отправиться в гарем.

Абдул-Азис подошел к портъере и откинул ее. Это было знаком, что он отправляется в гарем. В комнату сейчас же вошли пажи с канделябрами, чтобы проводить султана. Когда Абдул-Азис в сопровождении своей свиты вышел в приемную, то увидел стоявшего в ней шейх-уль-ислама.

– Ты еще здесь, Мансур-эфенди? – с удивлением спросил султан.

– Я ожидал чести видеть ваше величество, как это бывает каждый день, – отвечал шейх-уль-ислам, – но сегодня я напрасно ждал этой чести.

– В вознаграждение за это я позволяю тебе проводить меня до гарема, – сказал Абдул-Азис.

– Благодарю ваше величество за это новое доказательство вашей ко мне милости, что же касается моих донесений, то я надеюсь, что завтра ваше величество милостиво выслушает их!

– Нам надо о многом переговорить с тобой, великий муфтий, – сказал султан, – завтра мы ждем тебя в нашем кабинете.

В это время султан и его спутник шли по галерее, освещаемой пажами; несколько слуг следовали в отдалении. В галерее царствовал красноватый полусвет, который в конце переходил в совершенный мрак.

Султан уже подходил ко входу в гарем, как вдруг пажи, шедшие впереди, с испугом бросились в сторону, выронив из рук канделябры; слуги, шедшие сзади и не знавшие причины этого неслыханного случая и боявшиеся гнева султана, бросились к пажам, чтобы поднять упавшие на ковер канделябры и снова зажечь погасшие свечи. Но и слуги, в свою очередь, с ужасом попятнулись назад. Султан, не понимавший причины случившегося, уже готов был рассердиться.

Вдруг в темном конце галереи показалась высокая фигура в разорванном кафтане, с зеленым арабским платком на голове и бледным лицом, до половины закрытым золотой маской.

При этом зрелище султан нерешительно остановился.

– Золотая Маска! – прошептал он.

Все с ужасом попятились назад, только один шейх-уль-ислам, казалось, не был особенно поражен этим таинственным явлением.

– Это Золотая Маска, – обратился он к султану, – не позволите ли вы, ваше величество, разоблачить наконец тайну этого явления?

Султан сделал знак согласия. Шейх-уль-ислам поспешно пошел к выходу из галереи на лестницу.

– Прикажите часовым занять все входы и выходы и под страхом смерти не выпускайте никого из дворца! – закричал он, наклоняясь вниз через перила, – закройте все двери и ворота, пусть стены будут караулить часовые точно так же, как и пристань.

Слышно было, что приказание было сейчас же исполнено, ворота были закрыты, и по всем направлениям послышались мерные шаги часовых и целого отряда, отправляемого на берег. В несколько минут весь дворец был занят солдатами. Что же касается Золотой Маски, то он исчез в темных переходах дворца.

Мансур-эфенди довольно улынулся и продолжал путь вместе с еще бледным от испуга султаном. Привидению не было выхода из дворца. На этот раз оно не должно было ускользнуть от часовых, если только действительно Золотая Маска не был существом бесплотным.

XIX. Рука покойницы

Когда Лаццаро ушел от Кадиджи в ту ночь, в которую привез к ней Рецию и Саладина, Сирра, притворившаяся мертвой, сейчас же встала и, несмотря на страшную слабость от потери крови, поднялась вверх, где Реция уже давно ждала ее. Плач мальчика смолк, потому что он наконец уснул, крики о помощи Реции также стихли, только тихие вздохи доносились до слуха Сирры, которая напрасно искала ключ. Дверь была заперта на замок, ибо грек принял меры, чтобы его пленники не бежали, и Сирра была не в состоянии их освободить.

– Реция! Утешься! Я с тобой! – вскричала она.

– Сирра, это ты? – прошептала Реция.

– Да, я здесь – я спасу тебя!

– Слава Аллаху! Ты выпустишь нас? О, спаси нас из нашей тюрьмы.

– Потерпи еще немного! Дверь заперта, но я постараюсь найти ключ.

– Ты близко от меня, и я ничего не боюсь, – вскричала Реция, – я знаю, ты поможешь нам!

– Подкрепи себя сном и не беспокойся ни о чем, я с тобой, – прошептала Сирра, затем она тихонько спустилась вниз, в ту комнату, где спала Кадиджа.

Начало светать, когда Черная Сирра отворила дверь в комнату своей матери. Кадиджа лежала на старом диване и крепко спала, так что не слышала, как Сирра вошла в комнату, чтобы поискать ключ, но не нашла его, в то же время она почувствовала такую слабость, что едва могла удержаться на ногах. Кровь снова потекла из ее ран. Тогда, собрав последние силы, Сирра добралась до того угла, куда бросила ее Кадиджа, и без сил опустилась на землю; слабость ее была так велика, что она казалась мертвой, но в то же время видела и слышала все, что происходило вокруг, не будучи только в состоянии пошевелиться. Это ужасное состояние скоро перешло в сон, но когда утром Сирра проснулась, то по-прежнему не могла подать никакого признака жизни.

Прошел целый день, а Сирра продолжала лежать без движения. Старая Кадиджа подошла к ней, посмотрела и нашла, что Сирра мертва.

Вечером к старухе-гадалке пришел посланец от одной знатной турчанки с приглашением прийти к ней, а с наступлением ночи к дому подъехала карета, из которой вышел грек Лаццаро. Между тем старая Кадиджа только что приготовилась уйти.

– Она умерла? – спросил Лаццаро, войдя и указывая на Сирру.

Старуха утвердительно кивнула.

– Она больше не шевелится, – заметила старуха. – Ее надо было взять отсюда, но мне некогда этим заняться, так как я должна уйти.

– Хорошо, я возьму это на себя, – сказал Лаццаро, – я сегодня же ночью отвезу ее на кладбище. Я пришел за Рецией и Саладином.

– В таком случае возьми с собой покойницу.

– Хорошо!

– Но ты должен будешь принести мне доказательство, что ты похоронишь ее.

– Разве ты думаешь, что я хочу отвезти ее куда-нибудь в другое место?

– Я хочу иметь доказательство, что она умерла и похоронена.

– Хорошо, твое желание будет исполнено. Нет ли у тебя какого-нибудь старого сундука?

– У меня есть старый черный сундук, он будет хорош для карлика, – отвечала гадалка.

– В таком случае принеси его сюда, я уложу в него твою дочь.

Старая Кадиджа исполнила приказание грека.

Произошла ужасающая сцена. Сирра жила, она слышала каждое слово, она знала все, что с ней происходило, но не могла пошевелиться и должна была позволить делать с собой все, что угодно. Кровь стынет в жилах при мысли о том, что должна вытерпеть несчастная, слыша,

как ее собираются похоронить живую! А ее собственная мать радуется ее смерти! Единственное существо, которое могло помочь Реции и знало о преступлении Лаццаро, было в его руках!

Грек поднял Сирру с земли и положил в сундук. Обезображенное существо отлично поместилось в нем, тогда Лаццаро сложил покойнице руки и опустил крышку.

– Остальное предоставь мне, – сказал он Каидже и вынес сундук из дома.

Старуха сейчас же ушла, предоставив окончить все греку, тогда Лаццаро возвратился обратно в дом и пошел в ту комнату, где были заперты Реция и Саладин. Когда он вставил ключ в замок, Реция подумала, что это Сирра пришла освободить ее.

– Сирра, это ты? – шепотом спросила Реция.

– Не Сирра, а некто другой, кто пришел взять тебя с собой, – отвечал Лаццаро, отворяя дверь.

– Назад, негодяй! – вскричала Реция, протягивая руки, как бы желая оттолкнуть от себя грека.

– Не шуми напрасно! Иди за мной! – приказал грек.

– Если ты меня не отпустишь, я позову на помощь!

– Если ты будешь звать на помощь, я принужден буду связать тебя. Ты в моей власти! Всякая попытка бежать или позвать на помощь будет иметь для тебя самые печальные последствия! Я хочу увести тебя отсюда. Следуй за мною!

– Куда? – спросила Реция, тогда как маленький принц, плача, держался за ее платье.

– К твоему красавцу Сади, – с насмешкой отвечал грек, – в его новый, роскошный дом, который ему подарила принцесса Рошана, которая его любит; я отведу тебя туда, чтобы ты видела, как блаженствует твой неверный Сади и как мало он о тебе думает.

– Прочь от меня, демон! – вскричала Реция.

– О, ты, конечно, не веришь моим словам? Ты думаешь, что Сади принадлежит одной тебе! Но разве ты не видела на его пальце драгоценного кольца? Это кольцо дает ему во всякое время доступ во внутренние покои принцессы.

– Это ужасно!.. Я не хочу больше ничего слышать!..

– Теперь тебя нет, и твой красавец Сади забыл о тебе, – продолжал грек, любясь мучениями своей жертвы. – Ты сама заслужила то, что с тобой случилось! Ты должна сама увидеть, как верен тебе твой Сади. Я покажу тебе его, лежащим у ног принцессы.

– Прочь от меня!.. Убей меня, но не мучь более, злодей!.. – с отчаянием простонала Реция.

– Ты и Саладин, вы оба должны следовать за мной, – приказал грек, – и если вы не будете мне повиноваться добровольно, – прибавил он, вынимая кинжал, – то я убью вас.

При этих словах глаза грека засверкали такой магической силой, что несчастная Реция, точно очарованная этим змеиным взглядом, пошла за ним из дома. Мальчик следовал за ними, держась за платье Реции и от страха не произнося ни слова.

Когда Реция пришла в себя, то вместе с Саладином она уже сидела в закрытой карете. Она хотела кричать, но ее крик был едва слышен. Лаццаро сидел вместе с ними в карете, которая катилась с необычайной быстротой. Испуганная Реция крепко прижимала к себе Саладина.

– Послушай, – заговорил грек, – ты еще можешь все изменить. Твоя участь в твоих руках. Не надейся на Сади и его любовь, он потерян для тебя навсегда, он любовник принцессы, которая окружает его всеми благами мира сего! Или ты думаешь, что он способен оттолкнуть от себя все это? Послушайся меня. Если ты будешь долее сопротивляться мне, то ты погибла.

– Я скорее перенесу всякие мучения, даже смерть, чем буду твоей! – решительно вскричала Реция.

– Умереть ты не умрешь, тогда для меня исчезла бы всякая надежда когда-либо обладать тобой. Но страдать ты должна! Ты должна покориться мне! Время от времени я буду приходить к тебе и спрашивать, не изменила ли ты своего решения.

– Никогда не отвечу ничего другого, клянусь тебе! – вскричала Реция.

– Пусть пройдет несколько недель, моя голубушка, тогда ты другое запоешь, – сказал грек, – твоя гордость будет сломлена, и ты сама рада будешь отдаться мне, когда я снова приду к тебе.

Между тем карета, казалось, доехала до берега, где ее поставили на большую барку и повезли на другой берег. Переехав, она снова покатила по улицам. Куда же вез Лаццаро своих беззащитных жертв?

Было уже за полночь, когда карета наконец остановилась. Лаццаро открыл дверцу и, высадив Рецию и принца, ввел их в какую-то темную комнату или коридор. Кругом было так темно, что Реция не могла рассмотреть, где они находятся. Но почти в то же самое время появился дервиш, в руке которого был фонарь. Увидав дервиша, Реция бросилась к нему навстречу. Лаццаро иронически засмеялся.

– Спаси меня, святой человек! – вскричала она с отчаянием. – Освободи меня и ребенка!

Дервиш, казалось, не слышал воплей молодой женщины.

Между тем Лаццаро подошел к дервишу и показал ему какую-то бумагу. Эта бумага произвела чудесное действие. Старик низко поклонился. Тогда Лаццаро показал на Рецию и мальчика.

Старик снова низко поклонился и, подойдя к Реции, сделал ей знак следовать за собою.

– Куда хочешь ты меня отвести, святой человек? О, сжался над нами! – умоляла Реция, а испуганный Саладин плакал все громче и громче, но старик не слышал ничего – старый Тагир был глухонемой от рождения, – ни один звук не проникал в его уши.

Лаццаро поглядел вслед удалявшимся с видом облегчения, – наконец-то Реция и Саладин были в надежных руках и отправлялись в такое место, где навеки были отделены от всего света. Затем он пошел к выходу из коридора под сводами, в котором происходила описанная нами сцена. Реция и Саладин были привезены в развалины Кадри...

Возвратившись вскоре к тому месту, где его ожидала карета, Лаццаро приказал кучеру ехать на кладбище в Скутари. Не прошло и четверти часа, как карета уже подъезжала ко входу на кладбище. У самого входа стояла мечеть, около которой жил муэдзин, исполнявший вместе с тем и обязанности могильщика. Когда карета остановилась, Лаццаро вышел из нее, взял сундук, в котором лежала Сирра, и пошел к дому могильщика. Он тихо постучался в дверь. Почти в ту же минуту старый могильщик отпер дверь и со страхом взглянул на незнакомца.

– Хорошо, что ты еще не спишь, – сказал Лаццаро, – я принес к тебе покойницу, ты должен выкопать могилу.

– Теперь, ночью?

– Я подожду, пока ты это сделаешь, – отвечал грек, опуская на землю тяжелый сундук.

– Ты не слуга ли принцессы, живущей здесь, в Скутари?

– Ты угадал. Вот твоя плата! – сказал грек, подавая могильщику кошелек.

Это, очевидно, сделало могильщика гораздо любезнее. Он поблагодарил грека и пошел копать могилу. В это время Лаццаро наклонился к сундуку, в котором лежала Сирра, но было так темно, что нельзя было разобрать, для чего он это сделал. Затем он снова закрыл сундук и понес к тому месту, где могильщик рыл могилу.

Могилы в Турции роют совсем не так глубоко, как у нас, поэтому яма для Сирры была выкопана очень скоро. Сундук, в котором лежала несчастная, не подававшая ни малейшего признака еще не угасшей в ней жизни, был опущен в могилу и засыпан землей и над ней сделан бугор, чтобы обозначить место погребения.

Все было кончено. Грек простился с могильщиком и вернулся назад к карете, в которой доехал до дворца принцессы. Войдя во дворец, он узнал, что принцесса уже удалилась в спальню. Тогда он снова вышел на террасу и, сев в лодку, приказал вести себя в Галату. Он отправился к старой Кадидже.

В Галате еще царствовало большое оживление, в ее лачужках раздавались крики, смех и песни. Когда Лаццаро дошел до дома Кадиджи, то она уже давно возвратилась и сейчас же на его стук отворила дверь. Лаццаро вошел в темный двор.

– Все ли готово? – спросила Кадиджа.

– Я принес тебе доказательство того, что Черный Карлик мертва и похоронена, – отвечал грек, вынимая что-то из-под широкого верхнего платья, – вот, возьми!

На дворе было темно, но из полуотворенной двери в дом пробивался слабый луч света.

– Что это такое? – спросила гадалка.

– Рука мертвой, – отвечал злодей, – теперь у тебя есть доказательство! Спокойной ночи!

Старая Кадиджа не могла не вздрогнуть: она держала в руках холодную как лед руку Сирры, руку, которую Лаццаро отрезал у мертвой.

Лаццаро оставил дом, а Кадиджа все еще продолжала держать руку покойницы; она не знала, что ей с ней делать, у трупа теперь неоставало левой руки: что, если, думала Кадиджа, покойница явится потребовать эту руку назад?..

XX. В чертогах смерти

Прежде чем мы увидим, что потом случилось в эту ночь с Рецией и маленьким принцем, бросим еще один взгляд на мрачное, как ночь, кладбище в Скутари.

Прошло около получаса после того, как грек Лаццаро оставил кладбище, и могильщик вернулся в свой маленький сторожевой домик. Свеча в его спальне потухла. Могильная тишина и глубокий мрак покрыли могилы, камни и деревья; но вот в кустах близ стены что-то зашевелилось, ворота кладбища отворились – из них выплыли человеческие фигуры и длинной вереницей вступили на кладбище. Их было семь, и все похожи одна на другую. Когда они вышли на освещенное место, можно было рассмотреть их оборванные кафтаны. У каждого на голове зеленая арабская головная повязка, ниже ее, на полузакрытом лице каждого узкая золотая маска. Безмолвно, как сонм духов, прошли они между могилами и остановились у свежего холмика Черной Сирры. Духи ли это, призраки, полуночные существа которых носятся между кипарисами и, кажется, роются в земле. Глубокий мрак не позволил различить, что делали эти оборванные таинственные люди на могиле; через полчаса они снова длинной вереницей неслышно удалились с кладбища – последний из них затворил ворота в стене, и затем они исчезли в ночной темноте.

Вернемся теперь к Реции и маленькому принцу Саладину, которых Лаццаро передал глухонемому дервишу Тагиру в развалинах Кадри. Письменный приказ, предъявленный греком старому дервишу, оказался достаточным для того, чтобы указать последнему, что ему надо сделать.

Часть обширных руин, куда приведена была Реция с мальчиком, лежала на стороне, противоположной башне Мудрецов и залу Дервишей, и казалась совершенно изолированной от этих помещений. Развалины Кадри за несколько столетий, когда они еще не были развалинами, служили дворцом греческому императору, прежде чем турки овладели Константинополем, свергли с престола и умертвили греческих государей. Как Софийская мечеть, чудо Константинополя, которую мы позже будем осматривать, была прежде христианской церковью, славившейся сказочным великолепием, точно так же и бывший дворец, расположенный на самом краю роши, перед Скутари, сделался местом магометанского богослужения, после того как выстрелы осаждавших Константинополь турок обратили его в беспорядочную груду развалин. От прежней роскоши не осталось и следа! Величественные колонны потрескались и разбились, стены местами были пробиты и обрушились, купола исчезли, мрамор рассыпался. Что пощадили турецкие ядра, то лишило великолепия дикое неистовство завоевателей, и в заключение всеразрушающая рука времени в течение веков довершила дело истребления, пока, наконец, с разрешения прежнего султана все руины не перешли во владение дервишей Кадри, могущественного монашеского общества на Востоке.

Между тем как та часть развалин, где находились залы и покои, в которых дервиши жили и совершали свои религиозные обряды и где помешалась башня Мудрецов, была большей частью разрушена, другая часть, которая, казалось, имела особое тайное назначение, более противостояла разрушению. Здесь стены высились к небесам, подобно дворцу, и там и сям были снабжены оконными просветами, местами заделанными решеткой. Открытые покои служили дервишам для того, чтобы в тесном кружке предаваться своим безумным молитвам, переходившим часто в исступление. Но ни один из них не входил в ту мрачную, обнесенную толстыми стенами часть прежнего величественного дворца, которая в продолжение многих лет скрывала бесчисленное множество ужасных тайн. Эту мрачную уединенную часть развалин называли чертогами Смерти, и посвященные знали ее назначение.

Ночью из маленьких решетчатых отверстий очень часто доносились тоскливые жалобные стоны жертв, предаваемых мучительной смерти, но никто не осмеливался поспешить к ним

на помощь, никто не решался даже обнаружить, что он слышал эти ужасные звуки. Те несчастные, которые попадали в чертоги Смерти по какой-нибудь тайной причине, шли навстречу смерти и покидали этот мир в ту самую минуту, как вступали в эти ужасные места. Это был предел между жизнью и смертью, это был мост решения. Кто его переходил, тот погибал безвозвратно. Однако никто не знал, что происходило в обнесенных стенами покоях, никто не смел о том спрашивать, ни одни уста не смели упоминать об этом, непостижимая тайна окружала эту часть развалин Кадри – чертоги Смерти были непроницаемы для всех!

Одно уже имя говорило о многом, хотя чертогами Смерти называли эти страшные и мрачные места только потихоньку. Хотя сторож их, старый дервиш Тагир, не мог ничего сообщить об этих ужасах, однако все шептали друг другу по секрету, что в камерах, за стенами в десять футов толщиной, гнили трупы, лежали скелеты, у которых суставы рук и ног еще были в железных оковах, и томились люди, которые, исхудалые, как скелеты, годами выдерживали лишения и ужасы этой неволи. Среди немого безмолвия раздавались глухие звоны цепей и замирающие жалобные стоны, но ведь, кроме дервишей, никто не проходил в это отделение древних развалин. Никто, кроме посвященных, не смел входить туда, кто же вступал в это место, тот уже более не возвращался оттуда.

Это был тюремный замок ужасной религиозной злобы, место мрачного владычества и рабства, место, где фанатические ревнители ислама начинали и довершали свои преследования. Султаны являлись в башню Мудрецов и преклонялись перед защитниками веры. Полная власть сосредотачивалась в руках начальников Кадри, они пользовались действительной властью, между тем как в руках султана она была только кажущейся. Отсюда выходили могущественные приказы и решения, и имя божественного пророка должно было всегда придавать им неопровержимую силу и значение.

В данном случае, конечно, действовала эта таинственная сила. Султан Абдул-Азис не преклонялся перед шейх-уль-исламом и его приближенными; он, правда, оказывал ему должное уважение, но находился более под влиянием султанши Валиде, чем главы церкви, а султанша Валиде была предана более суеверию, чем вере. Тем не менее могущество шейх-уль-ислама и его приближенных было еще велико, так как султан не мог его ослабить и отнять у него. Бывали также случаи, что султан пользовался религиозным фанатизмом и могуществом шейх-уль-ислама для своих целей, так что если бы он сломил его могущество, то в подобных случаях навредил бы самому себе. Развалины Кадри были вне всякого контроля и вне всякой власти, и даже обвинения и доносы оставались без всяких последствий, так как они проходили через руки подчиненных шейх-уль-ислама. Они имели часто самые губительные последствия для тех, кто на них отваживался. Наказание постигало их раньше, чем они его предчувствовали, приказы шейх-уль-ислама исполнялись с удивительной точностью и быстротой, и на всем лежала печать глубокой тайны.

Власть высоких служителей ислама обнаруживалась также и открыто. Они должны были решать вопросы собственности, произносить приговоры, определять наказания и наблюдать за их исполнением. Все они зависели от шейх-уль-ислама. Вся организация была устроена с удивительным искусством и умом. Целая сеть тайных нитей шла от шейх-уль-ислама, все они соединялись в его руках, он приводил их в движение, и от его произвола зависела судьба хаджей, мулл, законоучителей и верховных судей, кади и шейхов, софтов, имамов и ульмасов, которые действовали по всему обширному государству, на сторону которых, когда было нужно, становилась власть ревнителей веры.

Невидимые нити выходили из рук шейх-уль-ислама, а именно из зала Совета в башне Мудрецов. В ночь, когда Лаццаро передал Рецию и мальчика старому дервишу Тагиру, шейх-уль-исламом был сделан новый важный шаг, новая уловка – маленький принц находился в его власти, под его защитой, как он ловко выражался, и через обладание им он надеялся достигнуть больших выгод. Мансур-эфенди неусыпно заботился о расширении своего могу-

щества. Он с радостью пожертвовал бы всем остальным для удовлетворения своего властолюбия. У него было одно только стремление, одна только цель: это усиление его власти! В душе этого строгого, скрытного человека зародилась только одна любовь – любовь к могуществу. Этому кумиру он жертвовал всем, перед ним одним он преклонялся, ему одному он был предан. И неужели такой характер, полный железной энергии и силы, как этот Мансур-эфенди, не должен был достигнуть своей цели!

Старый дервиш Тагир, этот молчаливый страж тех мрачных мест, которые назывались чертогами Смерти, не знал, кто ему был передан в эту ночь, он не спрашивал имен, он исполнял только свой долг. Глухонемой старик как будто был создан для этой смотрительской должности. Он не мог ничего открыть из того, что происходило при нем, и невыслушанными проходили мимо его ушей жалобы, проклятия или просьбы заключенных.

Тагир был человек без всякого чувства, без самостоятельной мысли и суждения – именно такой, рожденный для слепого повиновения, сторож был нужен шейх-уль-исламу.

Все вопросы и просьбы бедной Реции были оставлены без внимания. Старый дервиш, который провел большую часть своей жизни в этих мрачных местах и был совершенно отчужден от внешней жизни, который жил, как заключенный, в действительности совершенно уподоблялся животному и не обращал внимания на жесты обоих плачущих жертв. С фонарем в руке шел он рядом с ними через длинный, широкий, со сводами коридор, где там и сям находились заложённые камнями окна. Каменная стена состояла из красно-бурых кирпичей и от времени казалась совсем темной. Внизу коридор был выстлан плитами. Старый дервиш довел Рецию и мальчика до витой лестницы, имеющейся обыкновенно в башнях. Она была необыкновенно прочно сделана и противостояла разрушительному действию времени. Витая лестница вела в верхнее отделение чертогов Смерти.

Реция и Саладин должны были взбираться по ступенькам, Тагир освещал им дорогу. Оставив за собой шестьдесят высоких ступеней, они снова вступили в широкий, с неровными стенами коридор с остроконечным сводом. Тут, как бы из могилы, раздавались глухие жалобные стоны, тяжкие мольбы томившихся в заключении и перемежающиеся звоном цепей, доходившим до ушей исполненной ужаса Реции. Ребенком же в этом страшном месте овладел такой ужас, что Реция, исполненная сострадания, нежно сжала его в своих объятиях.

По сторонам высились массивные, толстые, старые деревянные двери безобразной высоты и ширины. От главного хода расходились мрачные длинные боковые ходы. Скучный свет фонаря, который нес старый дервиш, слабо освещал огромные покои этой части развалин. Наконец дервиш остановился у одной двери и вытащил связку ключей из-за пояса. Он отворил дверь и впустил Рецию и мальчика в просторное помещение со сводами, в котором постоянно было сыро, так как толстые стены не прогревались солнечными лучами.

В квадратной комнате находились жалкая постель, стул и стол. В одной из стен небольшое решетчатое окно, а в другой стене – полуотворенная дверь, которая вела во вторую – смежную – комнату. Здесь не было ничего, кроме соломенной постели и старого, изъеденного червями стола. В невыразимом отчаянии, ломая руки и потом снова сострадательно сжимая плачущего мальчика в своих объятиях, следовала она за глухонемым сторожем в эти ужасные покои. Никто не объяснял ей, куда она попала и что с ней должно случиться. Но ее привел грек, этого было достаточно, чтобы убедить ее в том, что с ней должно было произойти нечто ужасное. Все ее вопросы и просьбы остались невыслушанными. Некому было ее услышать и дать ей ответ. Погибла она, беспомощная, вместе с ребенком!

Старый дервиш, как мы сказали, ввел обоих заключенных в большое, наводящее ужас помещение – пустые комнаты древнего замка; затем он принес кружку воды, маисовый хлеб и несколько фиников, положил все это на стол и удалился со своим фонарем. Глубокий мрак окружил Рецию и мальчика, одна только звезда мерцала через решетчатое окно комнаты,

как будто хотела принести утешение обоим несчастным заключенным. Реция глядела на нее и простирала к ней руки, между тем как из ее прекрасных глаз струились слезы.

– Око Аллаха, прекрасная блестящая звезда! – восклицала она дрожащим голосом. – Ты видишь скорбь и бедствие, которое постигло бедного маленького принца и меня! О, приведи сюда Сади, моего повелителя и супруга, чтобы он освободил нас; освети путь благородному человеку, с которым меня разлучило ужасное несчастье, чтобы он мог нас отыскать! Взгляни! Мое сердце, моя душа связаны с ним бесконечною любовью, и теперь я должна быть с ним в разлуке? Ты, ты вывело его, храброго защитника и избавителя, на мой путь, приведи же его и теперь ко мне, чтобы он освободил меня из рук моих врагов! Светлое око Аллаха, проникающее ко мне в темницу, блестящая многообещающая прелестная звезда, услышь мольбу Реции, сияй в пути моему Сади, приведи его сюда! Низкие, позорные речи Лаццаро, который старался очернить в моих глазах благородного человека, дорогого возлюбленного, не проникли в мою душу, я знаю, как Сади меня любит. Но он не знает, где я томлюсь и как я очутилась во власти моих врагов. О, если мой вопль долетел бы до его ушей, он, исполненный мужества и любви, поспешил бы ко мне, чтобы ввести меня в свой дом, но где он? Несчастье за несчастьем! Дом его отца сделался добычей пламени. Несчастье преследует его и меня и разлучает нас. Аллах, услышь мою мольбу, приведи его ко мне, дай мне снова увидеть его, дорогого возлюбленного, и тогда окончатся все печали.

– Реция, где мы? Мне страшно, здесь так темно!

– Успокойся, мое милое дитя. Я с тобою, осуши свои слезы! Всемогущий Аллах вскоре поможет нам, – утешала Реция трепещущего мальчика, хотя сама была исполнена неописуемого беспокойства и страха, но страх мальчика придавал ей силы и мужества. Что было бы, если бы она теперь же изнемогла!

– Где мы теперь, Реция?

– Я сама этого не знаю, но я с тобой.

Мальчик припал к ней и положил голову к ней на колени. Он успокоился, слезы не текли более, вопли смолкли, он ведь был под защитой существа, которое любил с раннего детства. Реция заменила ему мать!

– Ты со мной, – тихо говорил он, – но подожди, пусть только вернется баба-Альманзор и дядя Мурад, тогда мы отомстим нашим врагам! О, баба-Альманзор умен и мудр, и все уважают его, а дядя Мурад могуч и богат! Когда они нам помогут, когда они только придут, тогда мы спасены. Твой Сади также придет с ними и поможет нам?

– Не знаю, мой милый мальчик!

– Ах, если бы он только пришел, он и баба-Альманзор... – продолжал Саладин, тут его уста смолкли, и утомленная событиями дня головка его склонилась, и сон осенил его своими легкими крылами.

Реция все еще бодрствовала. Ее душа не находила так скоро надежды и покоя, как душа ребенка, который верил в возвращение старого Альманзора, в помощь своего отца, принца Мурада, и в появление Сади. Его фантазия рисовала ему, что этим трем лицам, окруженным для него ореолом величия, стоило только показаться, чтобы одним ударом истребить всех врагов, и эти картины не покидали мальчика в его сновидениях. Не то было с Рецией. Исполненная томительного беспокойства, сидела она в мрачной тюрьме, куда засадил ее грек за то, что она отвергла его любовь и оттолкнула его от себя. Неужели он должен был восторжествовать? Неужели порок и несправедливость одержат верх? Ее сердце и все ее помыслы принадлежали благородному Сади, которого она пламенно любила, и неужели верность и добродетель должны были пострадать?

Она тихо и осторожно перенесла Саладина на жалкую постель в смежной комнате; слабого полусвета, пробивавшегося сквозь высокое окно с остроконечными сводами, было достаточно для нее, чтобы найти дорогу. Она положила спящего мальчика на солому и накрыла

его старым одеялом. И вот маленький принц лежал на жалкой постели. Никто, кроме нее, не наблюдал за ним, и он спал так сладко, как будто на самой мягкой перине!

Реция сложила руки для молитвы. Издалека доносился сюда глухой звон цепей несчастных заключенных, ужасно звучали тяжелые стоны из соседних тюремных камер среди безмолвия ночи. Никто теперь не слышал их, жутко было одиночество среди этих страшных звуков – она была одна-одинешенька! Где она находилась? Фигура старого глухонемого сторожа произвела на нее тяжелое впечатление, и как бы смертельно она не была утомлена, все же она не решалась лечь на постель и предаться сну. Мучительные образы проносились в ее душе. Наконец ее охватил благодетельный сон; тихо, осторожно подкрался он к ней, нежным прикосновением сомкнул ее веки и с любовью отогнал от нее все заботы и мучения. Затем он заключил бедную Рецию в свои объятия и навеял на ее душу волшебные сновидения, в которых она отдыхала на груди возлюбленного Сади...

XXI. Летний праздник

Европейские посланники с наступлением летней жары оставили дела в Пере и отправились со своими семействами в Буюк-Дере, где большая часть из них имела летние резиденции. Буюк-Дере – одно из лучших мест на берегу Босфора, получившее свое название от большой долины, которая тянется в глубь страны на протяжении почти полутора миль от берега.

Селение Буюк-Дере состоит из нижней, лежащей у моря, половины, где живут богатые греки, армяне и некоторые турки, и из верхней, живописно расположенной на холмах, где находятся дворцы и прелестные сады посланников. Это один из красивейших уголков на всем берегу; свежий, прохладный морской ветерок смягчает здесь солнечный зной. Сюда убегают от душливой жары и зловонной атмосферы улиц Константинополя владельцы этих великолепных дворцов, и в старых, тенистых, живописно и искусно распланированных садах находят места с невыразимо прелестными видами на сушу и воду.

В особенности хорошо бывает здесь в летние лунные вечера. Светлая, серебристая синева звездного неба смешивается тогда с глубокой лазурью Босфора, волны которого сверкают при луне, и на воде колышутся каики с греческими певцами и музыкантами. Тихий ветерок несет нежные звуки по воде до садов, где в беседках или темных рощах безмолвные слушатели наслаждаются волшебной красотой ночи Востока.

Английский посол, имевший здесь также в своем распоряжении дворец и великолепный парк, имел обыкновение каждый летний сезон устраивать летний праздник, на который он рассылал многочисленные приглашения всей знати турецкой столицы. В этом году также должен был состояться такой же праздник, и везде его ждали с радостью, так как он относился к самым приятным и прелестным развлечениям жаркого времени года.

В прежние годы знатные турецкие дамы принимали участие в этом празднике, конечно, скрыв лицо под покрывалом. Присутствие двора до сих пор обыкновенно ограничивалось только принцами. Сам султан никогда в нем не участвовал. В этом же году, должно быть, были важные политические причины, потому что султан принял лично для себя приглашение и обещал приехать. Между тем принцессы, через принцессу Рошану, дали при случае понять супруге посланника, что они также хотели бы когда-нибудь посетить летний праздник, и сейчас же были сделаны соответствующие этому желанию распоряжения.

В числе турецких офицеров, получивших приглашение на этот праздник, попал, к его величайшему удивлению, и Сади-бей, новый офицер башибузуков. Получив пригласительный билет, он с удивлением покачал головой. Как удостоился он такой необыкновенной чести, такого отличия, когда ему до сих пор не приходилось входить ни в малейшее соприкосновение с английским посольством? Он не делал визитов в тех кругах, не заводил знакомства ни с одним офицером или членом посольства. Ошибки никак не могло произойти, так как его имя и звание было отчетливо обозначены на билете. Что теперь было делать?

Сади отправился к товарищу своему Зора-бею, у которого он застал Гассана, адъютанта принца Юсуфа-Изеддина.

Друзья радушно поздоровались.

– Я пришел к тебе с вопросом, – начал Сади, обращаясь к Зора, – я не знаю, каким образом я удостоился чести быть приглашенным и что мне тут делать? – При этом он достал приглашение из кармана.

Зора-бей улыбнулся.

– Что там у тебя такое? – спросил он.

– Гм, довольно загадочная история, мой друг! – продолжал Сади. – Приглашение на летний праздник английского посланника.

– И ты также? – заметил Зора-бей со смехом.

– И ты? Что это значит? Чему вы так смеетесь? – спросил Сади обоих товарищей.

– Тому, что мы получили такие же приглашения, – отвечал Зора-бей и показал билет. – Сейчас только пришел ко мне Гассан с тем же вопросом, как и ты, и я был намерен предложить вам тот же вопрос!

– Значит, и ты тоже? – спросил удивленный Сади.

– Ну что же? – заметил Гассан.

– Очень просто, мы отправимся, – отвечал Зора-бей.

– Я думаю, что мы этим приглашением обязаны тебе, Гассан, или, скорее, твоему званию – адъютанта принца, – сказал Сади, – это мне кажется единственным объяснением.

– Нет, нет! Мне кажется, здесь нечто совсем другое! – воскликнул вдруг Гассан, погрозив, смеясь, своему товарищу Зора. – Помнишь ли ты еще прекрасную англичанку, которую ты видел недавно вечером?

– Какую англичанку? – спросил Зора.

– Что за дурную память имеет этот Зора относительно любовных походов, – продолжал Гассан, – или, может, это одно только притворство?

– Но что же было с этой прекрасной англичанкой, о которой ты говоришь? – спросил Сади.

– Я тебе это сейчас расскажу, может быть, это напомним Зора его любовное похождение, – отвечал Гассан, бросив таинственный взгляд на своего дипломатически улыбающегося товарища. – Мы возвращались последним пароходом из Тимирагана. На пароходе в числе иностранцев находилась поразительно красивая англичанка. При ней были лакей и горничная; она казалась знатного рода. Когда мы с другой стороны приблизились к пристани у моста, то заметили перед выходом, что дамой и ее служанкой овладело большое беспокойство, и скоро мы услышали, что в дороге у нее затерялась дорожная сумка с драгоценностями. Как светский кавалер, Зора-бей, сидевший вблизи прекрасной англичанки, считал долгом предложить свои услуги беспомощной иностранке, предварительно представившись ей. Она приняла это очень любезно, сказала, что приехала из Англии в гости к английскому посланнику и назвала себя мисс Сарой Страдфорд!

– Однако же у тебя хорошая память, Гассан, – сказал Зора.

– Офицерский мундир возбудил в ней доверие, – продолжал Гассан, – и она сообщила нам с улыбкой на устах, что у нее, должно быть, в дороге украли сумку. Хотя в сумке находились ценные вещи, однако, казалось, потеря эта не была особенно для нее чувствительна, но как только она вспомнила, что в сумке этой находились некоторые бумаги, она побледнела и, казалось, была сильно встревожена этой потерей. Я должен вам признаться, что я считаю эту мисс Страдфорд дипломатическим агентом, которая прислана сюда английскими министрами для секретных дел.

– Гассан вывел целый роман, – заметил Зора улыбаясь.

– Полно, пожалуйста, друг мой, хотя Гассан и может ошибаться, однако нередко глаз его очень верен, – отвечал Гассан.

– Ну, что же случилось дальше? – спросил Сади.

– Мисс Сара Страдфорд обратилась к Зора с просьбой помочь отыскать ей дорожную сумку, и он тотчас же отправился к капитану. В это время пароход уже подошел к берегу. Капитан приказал задержать пассажиров и произвести обыск всего судна. Это привело к желаемому результату. Сумка была найдена в углу одной каюты в целости, и прекрасная англичанка получила из рук Зора свою утерянную собственность, наделавшую столько беспокойства. Она поблагодарила его и позволила нам проводить ее с парохода. Напрасно искал слуга у пристани карету английского посланника, которая должна была отвезти ее в отель в Пере. Кареты не было! Из этого нового затруднения опять ее выручил Зора. Он предложил ей свою

прелестную коляску, а мисс Страдфорд приняла эту рыцарскую услугу нашего светского товарища. Она дала кучеру несколько золотых монет. С тех пор мы ее уже более не видали!

– Когда же это было? – спросил Сади.

– Около восьми дней тому назад. Ты отправился тогда в Скутари, чтобы отыскать след твоей Реции.

– Англичанка знала только вас двоих, меня же – нет; приглашение должно иметь другое основание, – сказал Сади.

– Будь что будет! – воскликнул Зора-бей. – Мы же последуем приглашению! Представляться предварительно посольству в данном случае нет нужды; по моему мнению, здесь дело идет только о списке приглашений новых офицеров, и если бы все вздумали осаждать семейство посланника своими визитами, бедняга был бы достоин сожаления. Мы сегодня отдадим наши визитные карточки здесь, в городе, в здании посольства в Пере, этого достаточно, и это означает принятие приглашения.

Гассан и Сади согласились и сделали так, как им советовал Зора.

Наконец настал день, вечером и в ночь которого должен был состояться летний праздник в Буюк-Дере. Во дворце и парке были сделаны блестящие приготовления к принятию многочисленных гостей, и посланник приказал устроить все с величайшею пышностью, чего бы это ни стоило. Прохладные покои дворца были снабжены фонтанами с бьющими вверх струями ароматизированной воды. Эти покои предназначались для приема принцесс и принцев, если бы им вздумалось уединиться; в отдельных комнатах возле парка устроен был буфет; точно так же в разных местах парка находились открытые киоски и павильоны, где в золотых кружках и дорогих сосудах подавались всевозможные напитки и прохладительное, а на подносах лежали разнообразные лакомства. В самом парке все было приготовлено для того, чтобы сделать этот ночной пир по-восточному пышным.

На стенах дворца развевались флаги Англии и Турции, и в отдельных местах были с большим вкусом сделаны декорации из флагов с цветами всех европейских государств. Сам сад был убран одним французским садовником совершенно во вкусе знаменитого версальского сада. Огромные стены из подстриженной зелени, величественные бассейны с мраморными статуями и фонтанами, наполовину скрытые в тени деревьев, террасы с оранжереями, всегда прохладные благодаря высоким зеленым стенам, – все это здесь было выполнено в миниатюре, и так как здесь были поросшие травой места, обыкновенно называемые английским дерновым ковром, а с некоторых мест сада открывался восхитительный вид на Босфор, на живописный берег и на слегка волнуюемую ветром воду, то в самом деле этот парк благодаря его местоположению можно было бы предпочесть версальскому, хотя по величине и роскоши он уступал последнему.

С наступлением вечера в ожидании начала праздника сад вдруг был залит морем разноцветных огней, что придавало ему волшебный вид. Огненные цветы, которые были так верны природе, что с наслаждением и удивлением заставляли останавливаться перед ними, окаймляли куртины; великолепные, отливающие всевозможными огнями триумфальные арки возвышались в аллеях; маленькие огоньки змейками вились вокруг старых столетних деревьев до самых вершин, блистая, как светляки или как миллиарды звезд; фонтаны выбрасывали отливающие всевозможными цветами огненные столбы воды, а беседки и киоски были украшены разноцветными фонарями.

Неотразимо было действие этого волшебного освещения, и когда султан в сопровождении великого визиря и остальных министров показался в саду, он был в таком восхищении от этого зрелища, что приказал провести себя по всему обширному парку, вторично смутил всех своим внезапным появлением и несколько часов пробыл на летнем празднике посланника. После того как посланник ввел султана, его видели потом в обществе одной дамы. Прекрасная англичанка имела сильное желание быть представленной султану, и Абдул-Азис, несколько

времени разговаривавший благосклонно с супругой посланника, дал свое согласие на то, чтобы английская дама была ему представлена. Эта дама была поразительной красоты, хотя, взглядевшись в нее пристальнее, можно было заметить, что она уже не первой молодости. Мисс Сара Страдфорд обладала станом Юноны, при этом фигура ее была в высшей степени изящна. К тому же она умела одеваться с той изящной простотой, с какой умеет одеваться только настоящая аристократия. Ее платья и украшения были огромной цены, но в то же время не бросались в глаза. В поведении ее и манерах сквозило очарование, которым она отлично умела пользоваться, когда ей приходило в голову понравиться кому-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.